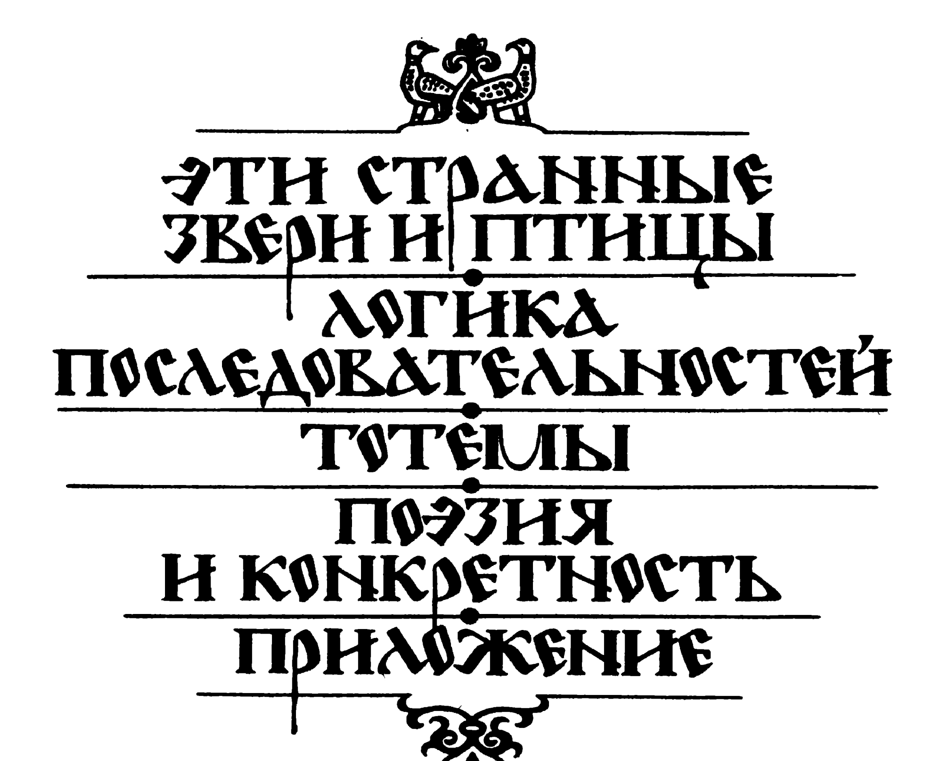
Г. В. СУМАРУКОВ

КТО есть КТО в "Слове о полку Игореве"

Г. В. СУМАРУКОВ

ЭТИ СТРАННЫЕ
ЗВЕРИ И ПТИЦЫ
ЛОГИКА
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ
ТОТЕМЫ
ПОЭЗИЯ
И КОНКРЕТНОСТЬ
ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. В. СУМАРУКОВ

Издательство
Московского университета
1983

УДК 82.09:882

Сумаруков Г В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — 144 с., ил.

В книге на основе анализа ряда неестественных поведенческих особенностей зверей и птиц, действовавших в «Слове о полку Игореве», впервые высказана мысль о том, что автор «Слова», прекрасно знавший животный мир, писал подчас не о разумных животных, а о половецких ордах, названных по их родовым тотемам — мифическим животным-предкам. Применив использованный в «Слове» принцип последовательностей и составив хронологическую сетку событий похода Игоря, автор книги утверждает собственное оригинальное представление о географии половецких кочевий, «моря», Корсуня и Сурожа. Дается новое толкование концовки «Слова» и причин посещения Игорем Пирогощей церкви в Киеве.

В конце книги приводится древнерусский текст «Слова» в типичной для XII в. орфографии, а также один из последних переводов этого произведения, принадлежащий перу И. Шкляревского.

Книга, написанная ученым-биологом, интересна и полемична. Она привлечет к себе внимание историков и филологов, а также широких кругов читателей.

Библиогр. 88 назв. Прилож.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

докт. филол. наук *А. Н. Робинсон,*
докт. филол. наук *В. В. Кусков,*
докт. биол. наук проф. *Б. Н. Вепринцев*

С $\frac{4702000000-138}{077(02)-83}$ 167—83

Введение

В «Слове о полку Игореве» описан неудачный поход на половцев малозначительного князя. Но автор поэмы выдвинул в этом произведении важную идею, имевшую общенациональное значение, — идею необходимости единства разрозненных русских княжеств в защите от половецкой опасности. «Слово» является таким литературным произведением, в котором рукой гениального древнерусского писателя показана, как в грандиозной панораме, многогранная жизнь тех времен. Написанное вскоре после трагического похода 1185 г., «Слово о полку Игореве» прошло сквозь века забвения, пока одна из его рукописей не была обнаружена А. И. Мусиным-Пушкиным, который вместе с помощниками подготовил ее к изданию и, сопроводив своими комментариями, выпустил в свет в 1800 г. Естественные трудности в понимании древнего произведения создает время. За 800 лет, прошедших после трагического похода Игоря, изменился не только язык. Рушились старые и возникали новые экономические системы, изменились государственное устройство, идеология, мораль и система взглядов на природу и общество. Для правильного понимания древнерусского литературного произведения недостаточно сделать точный перевод с древнерусского на современный русский язык.

Древнее произведение нуждается в комментариях. От точности комментариев главным образом зависит правильность нашего прочтения, понимания, восприятия. Со времени первого издания над «Словом» работали многие русские, советские и зарубежные исследователи самых разнообразных специальностей: лингвисты, писатели, поэты, литературоведы, историки, русисты, тюркологи, композиторы, музыковеды, художники, математики, астрономы, биологи и др. Интерес к «Слову о полку Игореве» со стороны исследователей и, разумеется, читателей всегда постоянен и высок.

Одна из ярких граней в «Слове о полку Игореве» — природа. Разнообразны проявления неживой природы. Разнообразна и живая природа. Множество зверей и птиц использовано автором поэмы в качестве образов для художественных сравнений и метафор. В этих приемах обнаруживается на редкость точное соответствие признаков людей признакам животных, по которым производится сравнение. Это, без сомнения, указывает на то, что автор поэмы, прекрасно зная характерные черты своих героев, столь же прекрасно знал и биологические особенности тех животных, образы которых он брал для сравнений и метафор.

Вместе с тем в поэме обнаруживается еще одно множество зверей и птиц. Эти звери и птицы выступают не в сравнениях и

метафорах, а действуют как самостоятельные участники событий. Однако не надо быть специалистом-зоологом или наблюдательным любителем-натуралистом, чтобы заметить странность или даже неестественность поведения большинства из них. Хорошо известно, что поведение животных разительным образом меняется в течение года. Например, зимнее поведение резко отличается от летнего. Весной, в период обзаведения потомством, животные ведут себя совсем не так, как при его обучении. Изменения в поведении обнаруживаются и во взаимоотношениях внутри семьи, и в отношениях с существами этого же биологического вида или других видов. Одним словом, образ жизни животных, их поведение зависит от сезонных, фенологических явлений в природе. Как мы увидим, поведение практически всех животных, выступающих в поэме в качестве участников событий, не соответствует сезону года. При чтении возникает также ощущение несоответствия выбранных образов животных той роли, которую они должны сыграть в поэме. Эти животные представляются возвышенно-эмоциональными и рассудительно-проницательными существами. Такое понимание особенностей животных, разумеется, придает поэме черты сентиментализма. Между тем древнерусская литература этого стиля не знала: он возникнет в России лишь во второй половине XVIII в. Филологические и литературоведческие исследования со всей ясностью показывают, что древнерусская литература не знала пейзажа как такового, в частности пейзажа, включающего в себя животных. Она не знала одухотворенных, разумных, эмоциональных пейзажных животных.

Комментарии по поводу различных проявлений живой и неживой природы в «Слове» дал в своих статьях около 30 лет назад зоогеограф Н. В. Шарлемань[1] К сожалению, в своих комментариях он пошел по пути примирения и обхода многочисленных противоречий, касающихся поведенческих особенностей различных животных.

Филологические, литературоведческие и, конечно, зоологические несоответствия побудили нас сделать попытку решить возникшую проблему «странных и неестественных» зверей и птиц из «Слова о полку Игореве». Проблема может иметь два решения: либо автор поэмы не знал их биологических особенностей (этот вариант будет в книге обоснованно отброшен), либо (что на первый взгляд покажется парадоксальным) эти звери и птицы — вовсе не звери и птицы, а нечто другое.

Решению проблемы «странных» зверей и птиц может помочь комплексное рассмотрение литературно-художественных осо-

[1] Шарлемань Н. В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — В кн.: Труды отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ), т. VI, М.; Л., 1948; там же, т. VIII, 1951; Природа в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве, М.; Л., 1950.

бенностей и исторических материалов «Слова о полку Игореве», а также других письменных источников его времени. Древнерусской литературе, как указывает академик Д. С. Лихачев, свойственны аскетизм и реалистичность. В частности ее героями были только исторические лица, а описываемые события происходили в реальной обстановке (исключение составляют, пожалуй, только религиозно-мифологические сюжеты).

Древнерусская литература и прежде всего летописи являются бесценным источником наших знаний по истории Древней Руси и Половецкой земли и, конечно, именно они должны стать основой в понимании образов «Слова», в том числе и проблемы «странных» животных.

Автор выражает искреннюю благодарность рецензентам — доктору филологических наук Андрею Николаевичу Робинсону, доктору филологических наук Владимиру Владимировичу Кускову и доктору биологических наук Борису Николаевичу Веринцеву. Автор искренне признателен академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву за ценные замечания и советы по книге.

ЭТИ СТРАННЫЕ ЗВЕРИ И ПТИЦЫ

В «Слове о полку Игореве» представлены различные звери и птицы. Животные принимают непосредственное участие в событиях. Почти все они сосредоточены в двух плотных группах: в первой — в начале поэмы, в сцене с условным названием «Перед битвой», и во второй — в конце поэмы, в сцене «Побег Игоря». Вместе с тем многие животные используются в поэме в виде образов для сравнений и метафор. Такие животные довольно равномерно рассредоточены по всему тексту.

Здесь мы детально оценим поведенческие особенности всех этих животных. Имея в виду творческую манеру автора поэмы, великолепного мастера композиции, попытаемся понять ту логику, которой он руководствовался при подборе животных в группы и при последовательном расположении их внутри каждой из них. Можно полагать, что понимание этой логики приведет нас к решению проблемы «странных» зверей и птиц.

Неестественность поведения зверей и птиц перед битвой Игоря с половцами

Для того чтобы оценить, «правильно» или «неправильно» вели себя звери и птицы перед битвой, нужно прежде всего определить время и место действия событий, отраженных в «Слове», и, разумеется, видовые названия животных.

Время и место действия перед битвой удовлетворительно определены в новейшем исследовании, проведенном М. Ф. Гетманцем[1]. Согласно этому исследованию, войско Игоря, пройдя по безлюдному степному междуречью Оскола и Северского Донца, переправилось через Северский Донец на правый берег у нынешнего г. Изюма. По-видимому, где-то в этом районе в ночь с 9 на 10 мая русские были обнаружены половцами. Продолжая продвижение к югу, русское войско днем 10 мая вступило в схватку с половцами на берегах р. Голая Долина (в летописной повести[2] — р. Сюурлий). В этой схватке русские одержали легкую победу и захватили богатую добычу. Наконец, у маленького притока Голой Долины — Макатихи (в поэме и повести — р. Каяла[3]) после изнурительной двухдневной битвы 12 мая русские войска были разгромлены, а князья пленены.

Итак, определяется место действия: район среднего течения Северского Донца (между современными городами Изюмом и Славянском). Это лесостепная зона. Время действия также определено: 9—12 мая. В эту пору в лесостепи последняя фаза весны — фенологическое предлетье. У птиц многих видов в гнездах птенцы. У зверей в норах и логовах беспомощные детеныши.

Теперь предстоит выяснить, какие виды зверей и птиц участвовали в событиях начала похода Игоря, в сцене «Перед битвой». Вот Игорь обнаружен половцами. О дальнейших событиях в поэме говорится так[4]:

> ... уже бо беды его пасеть птиць; подобию вълци грозу въсрожать, по яругам орли клектомь на кости звери зовуть,

[1] Гетманец М. Ф. По следам князя Игоря. — В кн.: ТОДРЛ, т. XXXI. «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л., 1976, с. 311.

[2] Здесь и ниже летописная повесть — «Повесть о походе Игоря Святославича на половцев». Приводится по Ипатьевской летописи в «Полном собрании русских летописей» (т. II. М.; Л., 1962).

[3] О месте нахождения р. Каялы существует много мнений, на что указывает в упомянутом исследовании М. Ф. Гетманец.

[4] Здесь и далее древнерусский текст цитирован по работе В. В. Колесова «Ударение в «Слове о полку Игореве» (ТОДРЛ, т. XXXI, Л., 1976), в которой орфография текста представлена в обобщенной форме, характерной для конца XII в.

лисици брешуть на чьреные щиты. О Русская земле! уже за шеломенемь еси!

Долго ночь мьркнеть, заря свет запала, мьгла поля покрыла. Щекот славии успе, говор галичь убуди. Русичи великая поля чьрлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы.

В переводе[1]:

уже беду его стерегут птицы по дубам; волки угрожают по оврагам, орлы клекотом на кости зверей созывают, лисицы брешут на червленые щиты. О Русская земля, а ты уже скрылась за холмом!

Долго ночь меркнет. Но вот заря свет запалила, туман поля покрыл. Уснул щекот соловьиный, говор галок пробудился. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю славы.

В этом отрывке названы волки, орлы, лисицы, соловьи и галки. Попытаемся определить видовые названия этих животных и сравнить их поведение, отраженное в поэме, с поведением, характерным для них в середине мая, в разгар лесостепного предлетья.

Прежде всего рассмотрим тесную группу-триаду: волки — орлы — лисицы.

Волки (*«влъци грозу въсрожать по яругам»*[2]). Определить биологический вид волков не представляет никакого труда: на территории нашей страны обитают волки только одного вида — волк обыкновенный.

В поэме волки, завидя проходящее по степи русское войско, подняли по оврагам вой, и этот вой представляется как своеобразная гроза, предвещающая Игорю несчастье. Но движущееся шумное войско, состоящее из многих сотен людей, безусловно, распугало бы волков, и они оказались бы на большом расстоянии от него, с которого воя уже не слышно. Тем не менее вой был настолько громким, что войско его слышало. По-видимому, в оврагах собралось много волков или даже много стай волков. Биологический смысл такого волчьего воя должен быть объяснен так: голодные волки своим воем как бы торопят события, нетерпеливо ждут битвы, заранее предвкушая легкую добычу — убитых или раненых на поле боя. Такая картина ни в коей мере не соответствует реальности. Нереальность этой

[1] Здесь и далее переводы на современный русский язык принадлежат автору настоящей книги, если не указано имя другого переводчика.

[2] Здесь и далее все шрифтовые выделения древнерусского текста и его переводов сделаны автором.

картины видна из следующего. В конце весны, точнее в предлетье, а еще точнее — в середине мая, в лесостепи волки не образуют стай (волчьи стаи образуются лишь в конце осени и распадаются в конце зимы). В это время старые, матерые волки живут изолированными семьями. Каждая семья закрепляет за собой строго определенную территорию, обычно прошлогоднюю, на которой никакие другие волки появляться не должны: они будут немедленно изгнаны. Семья от семьи — логово от логова — находятся на большом расстоянии (не менее 6—8 км). Такое рассредоточение очень важно для выживания волков. Безраздельно владея достаточно большой территорией, волчья семья может обеспечить себя необходимым количеством пищи. И наоборот, беспорядочная охота на незакрепленных территориях привела бы к случайному скоплению волков в одних местах и, следовательно, к резкой нехватке пищи, тогда как в других местах, где волков могло и не оказаться, пища осталась бы неиспользованной. Ясно, что строгое закрепление охотничьих угодий за отдельными волчьими семьями исключает неравномерное распределение пищи. Кроме того, закрепленную территорию волки знают как свой дом: им известно, где легче добыть пищу и спрятаться от опасности. В середине мая в волчьей семье подрастают маленькие волчата. В эту ответственную пору волки особенно осторожны, ведут скрытный образ жизни; чтобы не привлекать к себе внимания, они не охотятся вблизи от логова, даже если там окажется обильная и доступная пища.

В середине мая волки не только не образуют стай, но и практически не воют, а лишь иногда негромко подвывают. Вой как средство общения между взрослыми в период выкармливания маленьких волчат не нужен: охотится в это время один самец. Волчица почти не покидает логова. Вой волков можно услышать позже, месяца через два, когда волчата заметно подрастут. Тогда родители начнут преподносить им первые уроки охоты и умения правильно передвигаться и прятаться на местности. Эти уроки будут проходить на большой территории. Вот тогда-то и потребуется звуковое общение через большие расстояния. Волчий вой можно услышать также глубокой осенью или в начале зимы — в период образования и существования волчьих стай.

Как мы видели, майский вой матерых волков практически исключен. На территориях, занятых волчьими семьями, в мае бродят волки-подростки из прошлогоднего выводка — переярки. Им еще рано обзаводиться своими семьями, но они не собираются стаями и не воют. Эти малоопытные подростки ведут себя, как и взрослые, крайне осторожно.

Представим, однако, себе на минуту нереальное: волки (матерые или переярки, безразлично), о которых говорится в поэме, тогда все-таки выли. Причем выли не потому, что увидели проходивших по степи каких-то людей (на каждого проходящего волки не воют), а потому, что увидели людей военных. Из

текста поэмы предельно ясно следует, что волки предвкушали добычу. Их поведение представляется более чем странным. Действительно, легко себе представить, что через территорию, которую закрепила за собой семья волков, время от времени проходили люди. Это мог быть одинокий путник или группа из нескольких человек, или торговый караван, или пастухи и табунщики со скотом, или перекочевывающая с места на место целая орда. Редко проходил небольшой военный отряд, а большое войско — еще реже. Словом, появление на волчьей территории различных людей — невоенных или военных — было для волков явлением довольно обычным и, конечно, не вызывало у них решительного сплочения и неурочного воя. Военные действия на закрепленной семьей волков территории происходили чрезвычайно редко. Можно не ошибиться, если сказать, что одно сражение приходилось на одно из многих поколений волков, обитавших в данной местности.

Остается подчеркнуть очень важную деталь: волки в поэме выли **до** первой схватки между русскими и половцами (первая схватка произойдет только на следующий день). Парадоксально, но волки подняли вой, еще не почуяв крови. Выходит, что волки смогли не только отличить военных от гражданских лиц, но и предвидеть появление жертв в скором и неизбежном сражении. Надо ли говорить, что волки не обладают такими способностями.

Итак, мы видели, что поведение волков из фразы «...волки грозу накликают по оврагам» неестественно. Картина могла бы стать реальной, если бы действие происходило в другой сезон года и после битвы. Тогда на обильную и доступную добычу собрались бы разные хищники — звери и птицы. Среди них и волки. И они, прячась в ближайших оврагах, подвывали бы и от нетерпения, и от страха одновременно. И их голоса можно было бы услышать над затихшим полем битвы, покрытым телами погибших воинов... Но ведь действие происходило не после, а перед битвой. И в предлетье.

Орлы — это вторые участники триады («*...орли клектомь на кости звери зовуть...*»).

Определить видовое название орлов в поэме по чрезвычайно краткому описанию их поведения в этом эпизоде вряд ли возможно. В лесостепной части Восточно-Европейской равнины в наше время обитает немного видов орлов: орел-карлик, большой подорлик, малый подорлик, могильник, степной орел (орлы других видов, если и встречаются, то крайне редко). На орлов внешне походят орланы и грифы, которых неспециалисты обычно причисляют к орлам. Это орлан-белохвост, орлан-долгохвост, гриф-стервятник и белоголовый сип.

В средние века животный мир бескрайних восточноевропейских лесостепных и степных просторов был, безусловно, богаче.

По неполным данным исторической зоогеографии, в те времена в лесостепи обитали, кроме упомянутых выше, орел-беркут, бородач. Всего наберется около 10 видов орлов и «орловидных» птиц. Все они по зоологической систематике относятся к отряду хищных птиц.

Не исключено, что под орлами в поэме выступали хищные птицы нескольких видов одновременно. Для нас, однако, не так уж важно, какой именно вид (или какие виды орлов, орланов или грифов) участвовал в действии. Важно другое. Важно, что многие сделанные выше выводы в отношении волков оказываются полностью справедливыми и для орлов. Действительно, эти птицы, так же как и волки, поднимали свои голоса еще **до битвы** — за сутки до битвы, т. е. тогда, когда не было никаких костей, на которые можно было бы приглашать зверей. Орлы, так же, как и волки, поднимали свои голоса на людей военных. На гражданских людей, то и дело сновавших по степи в одиночку, группами или толпами, орлы не клекотали: ведь ожидания легкой добычи всякий раз оказывались тщетными. Следовательно, приходится принимать, что орлы, завидя войско, так же как и волки, сумели отличить людей военных от гражданских. Более того, они сумели предвидеть жертвы будущей битвы. Надо ли говорить, что способности орлов, как и волков, не достигли такого высокого уровня развития. Еще одна важная деталь: орлы, как и волки, и лисицы, в поэме действовали ночью (это следует из контекста). Но орлы — птицы дневные, и по ночам они не клекочут. К тому же в мае, в гнездовой период, орлы почти не издают звуков.

Итак, поведение орлов из фразы «... орлы клекотом на кости зверей созывают...» с биологической точки зрения представляется маловероятным.

Лисицы — третьи участники триады (*«...лисици брешуть на чьрленые щиты»*).

В европейской части лесостепи обитает лисица одного вида — лисица обыкновенная. Эти животные очень осторожны и пугливы. Приближающегося человека лисица чует издалека. Она, безусловно, избегает с ним встречи. Образ жизни лисиц во многом походит на волчий. В конце весны, в середине мая, у лисиц, как и у волков, маленькие детеныши. Лисицы никогда не лают на человека, как собаки. Даже если человек найдет лисью нору и на глазах у рыщущих вдалеке в крайнем беспокойстве взрослых лисиц раскопает ее и достанет оттуда лисят, то и тогда лисицы не издадут ни единого звука. Редко, однако, кому-либо удавалось услышать негромкий лисий лай. Лисицы лают в короткую пору образования своих семей, в феврале — начале марта. Тогда они устраивают своеобразные смотрины и турниры, на которых выясняются отношения между самцами, а самки тем временем выбирают себе наиболее достойного. Представить

себе лисиц, лающих на целое войско, невозможно. Это совершенно нереальная картина. Даже если время похода Игоря приходилось не на май, а на ранневесенний период лисьих лаев, то и тогда войско, само того не ведая, задолго до подхода разогнало бы всех лисиц.

Итак, поведение лисиц из фразы «...лисицы брешут на червленые щиты», если понимать ее в прямом, «биологическом» смысле, неестественно.

О действиях рассмотренных здесь волков, орлов и лисиц в поэме говорится после упоминания о солнечном затмении. И потому можно было бы предположить, что странности их поведения вызваны именно солнечным затмением. При полных солнечных затмениях, когда внезапно становится темно, как в глубокие сумерки, у многих животных наблюдатели отмечают разного рода проявления растерянности и страха. Некоторые отклонения в поведении животных обнаруживаются и при частных затмениях, но только тех, когда солнечный диск оказывается заслоненным Луной почти полностью (фаза затмения, близкая к 1). Солнечное затмение 1 мая 1185 года, которое на Северском Донце видел Игорь со своим войском, было частным: его наибольшая фаза была близка к 0,8 (это значит, что 0,8 диаметра солнечного диска было закрыто Луной). При этих условиях ослабление солнечного света для человека становится заметным. Но освещенность местности остается все-таки достаточно высокой: выше, чем в обычный день в пасмурную погоду. Отсюда становится ясным, что солнечное затмение во время похода Игоря не могло повлиять на поведение животных.

Следом за картиной с волками, орлами и лисицами появляется еще одна картина природы: меркнущая ночь, занимающаяся заря, расстилающийся туман, уснувший соловьиный щекот и пробуждающийся говор галок. Считают, что автор поэмы использовал птиц как художественное средство для выражения смены суток: умолкли соловьи — окончилась ночь; заговорили галки — наступило утро. Но с фенологической точки зрения ни соловьи, ни галки не могут служить «зоологическими часами», по которым можно было бы определять время суток. И вот почему.

Соловьи. В середине мая в лесостепи соловьи поют почти круглые сутки с короткими перерывами, а не исключительно на исходе ночи, умолкая на рассвете. В эту пору у соловьев долгий и крайне беспокойный период подготовки к устройству гнезд. Поют самцы. Какой-либо самец выбирает себе подходящую на его взгляд территорию, обычно в кустарнике около речки, и

о своем выборе извещает своих собратьев (других самцов) громким пением. Эта песнь соловья не что иное, как строгое предупреждение чужакам не появляться в его владениях. Об этом он поет днем. Ночная же песня иная. Она необычайно мелодична и эмоциональна. Своей ночной песней он призывает самку. Самки возвращаются с юга ночами. И если какой-нибудь самке понравится песня, а заодно и выбранная певцом территория, то она остается. Так образуется новая семья. Но на этом не умолкают страстные любовные песни. Они продолжаются многие и многие дни. Мы видим, что соловьи поют в середине мая почти круглые сутки. И даже позже, в конце мая — начале июня, когда в гнездах появится потомство, соловьиное пенье не умолкнет: оно станет спокойнее и скупее, но будет слышно и днем и ночью.

Теперь о галках. У этих птиц в середине мая в гнездах птенцы, и лишь изредка отправляются родители поодиночке за кормом. Обычно не в меру говорливые, именно в эту майскую пору галки молчаливы. Их голоса не услышать не только на рассвете, но и в другое время суток.

Еще о галках. В самом начале «Слова о полку Игореве» автор предполагает, в каких выражениях воспел бы поход Игоря легендарный поэт Боян; живший в предыдущем, XI в. Словами Бояна песнь Игорю пелась бы так: *«Не буря соколы занесе чрес поля широкая — галици стады бежать к Дону великому»*. Наиболее распространенный перевод: «Не буря соколов занесла через поля широкие — галок стаи летят к Дону великому». Не вызывает сомнения, что эта фраза отражает события начала похода Игоря, показывает картину, предшествовавшую битве. Но мы видели, что галки в предлетье выкармливают своих птенцов, летают поодиночке, а не стаями (в гнездовую пору стаями не летают не только галки, но и другие птицы). Галки стаиться начнут к осени, а к зиме будут образованы шумные, часто огромные стаи. Эти птицы в стаях совершают ежедневные перелеты от мест ночевки к местам кормежки и обратно. Стаи начнут распадаться весной, с приближением гнездового сезона.

Итак, поведение зверей и птиц, действовавших в сцене «Перед битвой» (волков, орлов, лисиц, соловьев и галок), противоречит их реальному поведению.

Неестественность поведения зверей и птиц во время побега Игоря из плена

Битва, начавшаяся утром 11 мая, закончилась в середине следующего дня для русских трагически: Игорь потерпел полное поражение. Действуя в отрыве от главных русских княжеств, Игорь вместе со своими маломощными союзниками не смог противостоять объединенным половецким ордам. Потеряв в битве все войско, Игорь и другие русские князья попали в плен. Из «Слова о полку Игореве» и из летописей мы знаем, что Игорь через некоторое время совершит успешный побег.

В поэме сцена побега Игоря описана необычайно выразительно. Она изобилует важными деталями, которые окажутся полезными в решении нашего вопроса о роли зверей и птиц в поэме. Рассмотрим поведенческие особенности всех тех животных, которые принимали участие в сцене «Побег Игоря». В «Слове о полку Игореве» читаем:

> Прысну море полунощи, идуть смърци мьглами, Игореви князю бог путь кажеть из земле Половецкые на землю Рускую, к отню злату столу. Погасоша вечеру зори, Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслию поля мерить от великаго Дону до малаго Донца.
>
> Комонь в полуночи, Овлур свис[т]ну за рекою, велить князю розумети. Князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въсшуме трава. Веже ся половецкые подвизаша[ся], а Игорь князь поскочи горностаем к тростию и белымь гоголемь на воду.
>
> Въвьржеся на бърз комонь и скочи с него босымь вълкомь, и потече к лугу Донца, и полете соколомь подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обеду и ужине. Коли Игорь соколомь полете, тогда [О]влур вълкомь потече, труся собою студеную росу, претъргоста бо своя бързая комоня.
>
> Донец рече: княже Игорю! не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Рускои земли веселия. Игорь рече: о Донче! не мало ти величия, лелеявшу князя на вълнах, стлавшу ему зелену траву на своих сребреных брезех, одевавшу его теплыми мьглами под сению зелену древу, стрежаше е[го] гоголемь на воде, чаицами на струях, чьрнядьми на ветрех.
>
> Не тако ли, рече, река Стугна, худу струю имея, пожьрши чужи ручьи и стругы, рострена к усту? Уношу князю Ростиславу затвори Днепр темне березе. Плачется мати Ростислава по уноши князи Ростиславе. Уныша цвети жалобою, и древо с тугою к земли преклонило.

А не сорокы втроскоташа — на следу Игореве ездить Гзак с Кончакомь. Тогда врани не граяхуть, галице помълкоша, сорокы не троскоташа, полозию ползоша только, дятлове тектомь путь к реце кажуть, соловьи веселыми пес[н]ьми свет поведають.

Мълвить Гзак Кончакови: аже сокол к гнезду летить, соколича ростреляеве своими злачеными стрелами. Рече Кончак к Гзе: аже сокол к гнезду летить, а ве соколца опутаеве красною девицею. И рече Гзак к Кончакови: аще его опутаеве красною девицею, ни нама будеть сокольца, ни нама красны девице, то почнуть наю птице бити в поли половецкомь.

В переводе И. П. Еремина:

Вспенилось море к полуночи; смерчи идут туманами. Игорю князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему столу золотому. Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь не спит, Игорь мыслию степь мерит от великого Дону до малого Донца. В полночь Овлур свистнул коня за рекою; велит князю не дремать. Кликнул; стукнула земля, зашумела трава, вежи половецкие задвигались. А Игорь князь поскакал горностаем к камышу, пал белым гоголем на воду. Кинулся на борзого коня и соскочил с него серым волком. И побежал к лугу Донца, и полетел соколом под туманами, избивая гусей и лебедей к обеду, и полднику, и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, труся собою студеную росу; надорвали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе славы, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!» Игорь сказал: «О Донец! не мало тебе славы, что лелеял князя на волнах, стлал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева, стерег его гоголем на воде, чайками на волнах, утками на ветрах». Не такова, сказал, река Стугна; мелкую струю имея, поглотила она чужие ручьи и потоки, потопила в омуте у темного берега юношу князя Ростислава. Плачет мать Ростиславова по юном князе Ростиславе. Приуныли цветы от жалости, и деревья в горе к земле склонились.

То не сороки застрекотали — по следу Игореву едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, ползали змеи-полозы только. Дятлы стуком путь к реке кажут, соловьи веселыми песнями рассвет вещают. Молвит Гзак Кончаку: «Коли сокол к гнезду летит, соколенка расстреляем своими золочеными стрелами». Сказал Кончак Гзе: «Коли сокол к гнезду летит, а мы соколенка опутаем красною девицею». И сказал Гзак Кончаку: «Коли опутаем его красною деви-

цею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, а начнут нас птицы бить в степи Половецкой»[1].

В этом описании много различных зверей и птиц. Оставим на время образы животных, которые использованы в сравнениях, и рассмотрим только тех животных, которые принимали непосредственное участие в действии. Эти животные следующие: гуси и лебеди, вороны, галки, сороки, полозы, дятлы и соловьи.

Для того чтобы определить, насколько естественно поведение этих животных, нужно опять-таки уяснить место и время действия и их зоологические видовые названия.

Место действия, т. е. путь, по которому Игорь бежал из плена, ни в поэме, ни в летописях сколько-нибудь подробно не описано, хотя упоминание отдельных его деталей можно обнаружить. Так, перед побегом из земли Половецкой в землю Русскую Игорь «мыслию поля мерить от великого Дону до малого Донца». И еще: Игорь «потече к лугу Донца».

В Ипатьевской летописи также можно обнаружить некоторые подробности побега. Сцена побега в летописи изложена так (в переводе с небольшими сокращениями):

> Игорь же Святославич в тот год был в плену в Половецкой земле... Половцы, как бы стыдясь его воеводства, не делали ему ничего дурного, но приставили к нему сторожей 15 из сынов своих, да еще 5 познатнее, так что всех было 20. И свободу ему давали: где хотел, там и ездил, и охотился с ястребом. А своих слуг с ним ездило 5 или 6. Сторожа же те слушались его и почитали его, и если он кого пошлет куда, то они беспрекословно исполняли повеленное им. Попа он привел из Руси к себе со святою службою; не знал он божьего промысла и полагал, что ему там придется долго быть...
>
> ...В то время как он был в Половецкой земле, там нашелся муж родом половчанин по имени Лавр, и пришла ему благая мысль, и сказал он: «Пойду с тобою на Русь». Игорь же сначала не поверил ему, но затаил высокую мысль, думая взять с собою мужей своих и бежать с ними на Русь. И говорил он так: «Я тогда ради славы не бежал от дружины и нынче бесславным путем не пойду». С ним был сын тысяцкого и конюший его, и они понуждали его, говоря: «Иди, князь, в землю Русскую...». И все не подходило ему время такое, какое он искал.
>
> Но, как было прежде сказано, возвращались от Переяславля половцы. И сказали ему, Игорю, думцы его: «Мысль

[1] Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» (редакция текста и прозаический перевод). — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. Л., 1957, с. 241—250.

высокую и неугодную богу держишь ты в себе. Ты хочешь сговориться только с одним мужем и бежать с ним. А ты не догадываешься, что придут половцы с войны и, слышно, перебьют они всех князей и всех русских. Да не будет тебе ни славы, ни жизни».

Князь же Игорь принял к сердцу совет их, стал тревожиться из-за приезда половцев и искал случая к побегу. Нельзя было ему бежать ни днем, ни ночью, ибо сторожа стерегли его. И только время такое он нашел — на заходе солнца. И послал Игорь к Лавру конюшего своего сказать: «Переезжай на ту сторону Тора с конем в поводу» — он уговорился с Лавром бежать на Русь.

В то же время половцы напились кумыса. Было это вечером. Пришел конюший и поведал князю своему Игорю, что ждет его Лавр. Игорь в страхе и трепете встал и поклонился образу божьему и кресту честному... и, надев на себя крест и икону, поднял полу вежи и вылез наружу. Сторожа же его играли и веселились, а князя считали спящим. Он же, дойдя до реки, перешел ее вброд и сел на коня. И так прошли они оба через половецкие вежи. Это избавление сотворил господь в пятницу, вечером.

И шел князь пешком 11 дней до города Донца.

И оттуда пошел в свой Новгород. И все обрадовались ему.

Из Новгорода пошел к брату своему Ярославу в Чернигов, прося помощи на Посемье. Ярослав же обрадовался ему. И помощь дать обещал.

Игорь же оттуда поехал в Киев к великому князю Святославу. И рад был ему Святослав, и Рюрик, сват его.

В этом летописном описании приведены два географических названия: река Тор и город Донец. Эти географические признаки-ориентиры нетрудно раскрыть несколько подробнее. Река Тор — современный Казенный Торец, впадающий с запада в Северский Донец. Из распоряжения Игоря о переезде с конем на другую сторону следует, что Игорь в плену был на дальнем от родины, южном берегу Тора. Южный правый высокий берег Тора был, по-видимому, центром орд всего Северскодонецкого бассейна. Об интенсивной жизни половцев в этих местах свидетельствуют результаты археологических исследований, в частности многочисленные находки каменных изваяний, относящихся ко всему периоду пребывания половцев в восточноевропейских степях (особенно много изваяний относится к XII в.). В низовьях Тора и по Северскому Донцу были кочевья могущественного хана-объединителя Кончака, сумевшего создать из разрозненных половецких орд крупное Донецкое объединение. Нет ничего удивительного, что автор поэмы этот центральный район назвал Великим Доном.

Летописный город Донец находился на реке Уды, притоке Северского Донца (его городище — на окраине современного

Харькова). Донец был одним из многих пограничных русских городов. К этому ближайшему от Половецкой земли городу и стремился Игорь. Можно полагать, что город Донец из летописи и Малый Донец из поэмы (к которому Игорь мысленно путь измерял) — один и тот же географический пункт (как Малый Донец, так и Великий Дон — имена собственные).

Итак, о маршруте, по которому Игорь бежал из плена, нам известно немного. Известно начало пути — южные берега Тора, район Великого Дона в Половецкой земле. Известен конец пути — город Донец, по-видимому, Малый Донец в Русской земле. Не вызывает сомнения общее направление движения Игоря: с юго-востока на северо-запад. Известно также, что Игорь шел вдоль Северского Донца, причем левым низким луговым его берегом.

Теперь попытаемся определить расстояние, которое преодолел Игорь. Весь путь для удобства расчетов разделим на отдельные этапы.

Первый этап: от берегов Тора, где Игорь был в плену, до его устья при впадении в Северский Донец. Это расстояние можно определить лишь приблизительно, поскольку мы ничего не знаем о точном местонахождении кочевья, в котором был Игорь. Можно очень приблизительно сказать, что оно находилось к югу от современного г. Славянска, возможно, вблизи Торского брода, в 10—20 км от Северского Донца.

Второй этап: от устья Тора до Змиева брода на Северском Донце у современного г. Готвальда. Длина этого этапа определяется точно: по форватеру реки — 288 км.

Третий этап: от Змиева брода до г. Донца. Змиев брод был, по-видимому, тем местом, где Игорь нежно распрощался с Северским Донцом. Здесь он переправился на правый, ближайший к Руси берег и, продолжая свой путь по междуречью Мжи и Уды, вскоре достиг берегов Уды, и эта речка привела его к г. Донцу. Длина пути этого этапа — около 50 км.

Общая протяженность пройденного Игорем пути составляет приблизительно 350 км. Около половины пути Игорь проскакал верхом, потратив на это два дня, вторую половину он прошел пешком, на что потребовалось, как указывает летопись, 11 дней.

Итак, путь, по которому Игорь бежал из плена, иными словами, место действия, определяется весьма точно. Сомнения могут возникнуть лишь по поводу частностей.

Значительно труднее определить время действия и в первую очередь отправную точку — дату побега.

В «Слове о полку Игореве» дата побега не приводится. Не указаны даты выступления Игоря в поход, солнечного затмения, битвы. Не упоминается даже год похода. В поэме нет вообще ни одной даты. В летописях же имеются, правда немногочисленные, данные о времени некоторых событий похода. Так, указано, что

поход проходил «в лето 6693» (в 1185 году), что князь Игорь выступил 23 апреля, во вторник, что солнечное затмение было 1 мая, в среду. Этим точная датировка заканчивается. Между тем в зависимости от того, насколько точно мы будем знать время действия, настолько верной будет наша оценка «правильности» или «неправильности» поведения животных.

В «Слове» можно найти некоторые косвенные данные о времени побега, на них обычно обращают внимание в комментариях. Эти данные указывают на теплый сезон года: зеленые травы и деревья, росы и теплые туманы, водоплавающие птицы и пение соловьев (в самом конце побега «соловьи веселыми песнями рассвет возвещают»). Вот все то немногое, что можно использовать для определения даты побега.

В литературе, посвященной исследованию «Слова о полку Игореве», приводятся резко различающиеся сроки побега Игоря. Одни исследователи считают, что Игорь бежал в конце мая — начале июня 1185 г. Этот вывод основан на упоминании в Ипатьевской летописи о тревожном ожидании Игорем скорого возвращения половцев из-под Переяславля, а также на фразе из Лаврентьевской летописи: «По малех же днех Игорь... утече у Половець, гониша же по нем, и не обретоша его...»[1] (в переводе: «Через немного дней Игорь... убежал от половцев, гнались за ним, но не схватили его»). Другие исследователи считают, что Игорь бежал в конце лета или в начале осени 1185 г. Называют и значительно более поздние сроки: лето следующего 1186 г. Ясно, что такая неопределенность не может считаться удовлетворительной. Возможно ли точнее и достаточно обоснованно определить дату побега Игоря из плена? Попытаемся это сделать.

Мы видели, что в Ипатьевской летописи упомянута некая недатированная пятница (именно в эту пятницу Игорь совершил свой побег). Решение задачи по существу сводится к тому, чтобы найти календарную дату этой летописной пятницы. Требуется выбрать в длинном ряду пятниц 1185 и 1186 гг. одну-единственную и обосновать правильность этого выбора.

Пойдем по пути сужения длинного ряда. Сначала выделим все пятницы, приходящиеся на пору соловьиного пения. В 1185 г., начиная со дня поражения, «соловьиными» пятницами оказываются: 17, 24 и 31 мая, 7, 14, 21 и 28 июня — всего 7. В 1186 г. таких дней несколько больше: 25 апреля, 2, 9, 16, 23 и 30 мая, 6, 13, 20 и 27 июня — всего 10. Итого для обоих лет — 17 «соловьиных» пятниц.

Однако даже в этом укороченном ряду найти дату побега, не располагая дополнительными сведениями, невозможно. Такие дополнительные сведения между тем имеются. Это хронологи-

[1] Полное собрание русских летописей, т. I. Лаврентьевская летопись. М.; Л., 1960, с. 68.

ческие данные, и содержатся они в Ипатьевской летописи. В летописи они находятся в скрытой форме, и для их выявления потребуется произвести расчеты многочисленных походов-переходов, рейдов-набегов, «курьерских» скачек, сражений и битв, которые имели место со дня выступления Игоря на половцев вплоть до дня его возвращения из плена. Для нахождения даты того или иного перемещения участников событий потребуется знание исходной даты (точки отсчета) и проведение простейших расчетов с данными о продолжительности событий, пройденном расстоянии и среднесуточной скорости (зная два любых параметра, легко рассчитать третий). Надежность наших расчетов будет проверена взаимным сравнением всех отдельных данных. При этом общая хронологическая картина выразится в виде сетки. Ясно, что при правильно произведенных расчетах такая сетка окажется симметричной, четкой и на ней каждый узел-событие получит подтверждение со стороны сопредельных узлов-событий. И наоборот, натяжка в расчетах хотя бы по одному какому-либо событию сразу же выразится в перекосе сетки. Именно взаимозависимость и взаимосвязь отдельных событий, как мы ожидаем, позволят найти дату побега Игоря. Дата побега должна с неизбежностью найти свое место в хронологической сетке. Чем точнее и подробнее будет сетка, тем более обоснованной станет искомая дата.

Начнем составление хронологической сетки с эпизода, в котором Игорь со своим войском выступил в поход на половцев. Вот он постепенно продвигается к месту трагической битвы. Как видно из летописи, скорости его войска в течение перехода были различными, и поэтому при расчетах следует весь путь разбить на отдельные участки-этапы по скоростям.

Первый этап: от Новгорода-Северского — до Северского Донца (до места, где Игоря застало солнечное затмение). Этот этап рассмотрим особенно подробно, потому что только в нем имеются календарные даты — точки отсчета. Летопись называет начальную дату: Игорь выступил в поход 23 апреля 1185 г. Легко выводится и конечная дата этого этапа: 1 мая того же года (по астрономическим данным солнечное затмение произошло 1 мая и его максимум приходился на 15 ч 25 мин по киевскому времени). Если Игорь выступил в поход 23 апреля утром (в древности заранее подготовленные длительные походы начинались обычно утром и войско на марше было в течение всего светового дня), то продолжительность перехода на этом этапе составляет 8,7 дня. Это — многодневный переход. Расстояние между Новгородом-Северским и Северским Донцом у современного Белгорода по прямой — 285 км, по современным дорогам — 358 км, по древним дорогам — около 400 км (протяженность древних дорог можно определить приблизительно, как равную протяженности современных дорог, увеличенной на 10—15%, поскольку древние дороги были более извилистыми из-за обходов лесов, крутых склонов, заболоченных мест, овра-

гов, отклонений к бродам и т. п.). Зная продолжительность перехода Игоря и расстояние, находим скорость: она равна 47 км в сутки. Скорость на этом этапе мы должны считать малой, поскольку в летописи специально оговорено, что русские «идяхуть тихо» (русские шли медленно, потому что по пути собирали дружину и кони у них были тучными, по-видимому, откормленными для весенних работ, которые так и не начались).

Из результатов расчетов этого этапа выявляются два следствия.

Следствие первое. Войско Игоря было целиком конным. Мнение тех исследователей, которые считают, что часть войска была пешей, следует отбросить. Пешком в течение почти 9 дней, ежедневно по 47 км, нетренированные вчерашние крестьяне, а сегодняшние воины проходить не могли (скорость пешего войска была бы по крайней мере вдвое ниже здесь рассчитанной).

Следствие второе. Если рассчитанная здесь скорость многодневного перехода Игорева войска, равная 47 км в сутки, в летописи оценивается как «тихая», то надо полагать, что в этом походе были средние и высокие скорости. Определить по древнерусским летописям обычную, «стандартную» скорость для войска невозможно. В разных событиях скорости переходов резко различаются: от 10 до 120 км в сутки. И это неудивительно. Ведь скорость зависит от сезона года, состояния дорог, наличия водных преград, общей длительности перехода, выносливости коней, наличия обоза, стратегических и тактических задач, стоящих перед войском, боевого духа воинов и многих других условий.

Мы полагаем, что «стандартная», обычная, средняя «маршевая» скорость конных войск Игоревой эпопеи в условиях многодневных переходов составляла около 60 км в сутки. Такая скорость на $^1/_3$ выше «тихой», специально оговоренной летописью скорости многодневного перехода Игоря (скорость кратковременного перехода вполне могла быть вдвое выше, достигая 100—120 км в сутки).

Нужно выделить и определить скорость гонцов. Ясно, что они мчались с высокой, как бы мы теперь выразились «курьерской», скоростью. При многодневных переездах их скорость могла составлять 80—90 км в сутки, что на $^1/_3$ выше средней «маршевой» скорости войска при таких же многодневных переходах.

Второй этап: от берегов Северского Донца — до берегов Оскола. Переправившись после солнечного затмения через Северский Донец, русские оказались в необжитых местах Половецкой земли. У Оскола Игорю предстояло дождаться своего брата Всеволода, выступившего в этот поход другими дорогами. Ближайшее расстояние между Северским Донцом и Осколом — 80 км. Этот путь Игорь преодолел обычным походным маршем, потратив на него остаток дня после затмения и весь следующий день, 2 мая. Среднесуточная скорость этого перехода — около 60 км.

У берегов Оскола Игорь ожидал Всеволода два дня: 3 и 4 мая.

Третий этап: от берегов Оскола — до берегов Сальницы (небольшой речки, впадавшей в Северский Донец у Изюмского брода). Объединившись со Всеволодом, Игорь утром 5 мая отправился на юг по безлюдной и безводной степи, по водоразделу Северского Донца и Оскола. Войску предстояло пройти около 250 км. При обычной скорости (60 км в сутки) этот этап был пройден за 4 дня, к концу дня 8 мая.

Следующий день, 9 мая, был предназначен для подготовки к вступлению в густонаселенные места Половецкой земли. Подготовка заключалась, в частности, в том, что вперед были посланы за «языком» разведчики. Они вернулись и рассказали, что видели вооруженных половцев. По мнению разведчиков, нужно было или выступать быстро, или возвратиться домой, поскольку обстановка сложилась неблагоприятная. Игорь же на это ответил, что возвращаться без битвы — это позор пуще смерти. Решили идти вперед. Выступление состоялось в ночь с 9 на 10 мая.

Четвертый этап: от Сальницы — до берегов Каялы (места ночлега в степи перед решающей битвой). Согласно исследованию М. Ф. Гетманца, путь Игоря проходил через Изюмский брод, далее вверх по Каменке, затем на юг по Голой Долине (в летописи Сюурлий) к Макатихе (в летописи Каяла). Продолжительность перехода составляла ровно одни сутки: от ночи с 9 на 10 мая — до ночи с 10 на 11 мая. Протяженность пути — 45 км (это и есть среднесуточная скорость войска). Малая, «тихая», скорость на этом этапе получилась потому, что первая часть перехода приходилась на ночь и продвижение войска в темноте было резко замедленным. Кроме того, на этом этапе днем 10 мая произошло первое сражение с половцами, которое, разумеется, на время остановило продвижение русских. После сражения часть полков пустилась преследовать половцев, а полки Игоря и Всеволода, сохраняя боевое построение, пошли дальше, «помалу идяста».

На рассвете 11 мая, в субботу, половцы со всех сторон окружили русских. Началась решающая битва, которая окончилась в воскресенье, 12 мая, в полдень. Почти все войско Игоря было уничтожено, сам Игорь был ранен в руку, и все князья, включая самого Игоря, оказались в плену. Следствием этого трагического события станут другие многочисленные события, в хронологической сетке которых мы и надеемся обнаружить искомую дату — дату побега Игоря. От нее можно рассчитать продолжительность всего периода, в течение которого развивалось действие с участием различных зверей и птиц.

События, развернувшиеся после поражения, можно объединить в две группы: черниговские события и переяславские события.

Черниговские события были вызваны поражением Игоря и опасностью, которая нависла над Посемьем — над Черниговским, Новгород-Северским и Путивльским княжествами.

Свидетелем полного поражения Игоря оказался некто Беловолод Просович, вероятно проезжий русский купец. Половцы предоставили ему возможность выехать на Русь, чтобы рассказать о случившемся и об их, половцев, воинственной решимости свести счеты с русскими. Беловолод Просович без промедления ускакал на Русь и прибыл (в летописи «прибежал») в Чернигов, где обо всем поведал великому князю киевскому Святославу, оказавшемуся в Чернигове проездом. От поля битвы до Чернигова — около 700 км. Весь этот путь Беловолод Просович промчался верхом, конечно без обоза или каравана, подобно гонцу-вестовому. Принимая скорость Беловолода Просовича равной 80 км в сутки и зная пройденный им путь (около 700 км), находим время в пути: оно равно 8,5 суток. Беловолод Просович отправился на Русь вскоре после прекращения битвы, в тот же день, 12 мая, в полдень: ведь он видел страшную картину завершившегося побоища, да и сами половцы, давая ему наказ, еще не покинули поля битвы, не разошлись по своим вежам и не ушли в поход на Русь. Беловолод Просович, как показывают расчеты, прибыл в Чернигов на исходе дня 20 или утром 21 мая.

12 мая, после полудня, на поле битвы проходил дележ военной добычи. Пленному Игорю половцы предоставили некоторую свободу и разрешили вызвать из Руси священника со службой, а самого Игоря отправили в кочевья на берега Тора. За священником, по-видимому по распоряжению Кончака, был послан гонец, который, не теряя времени, ускакал в Новгород-Северский. От поля битвы до Новгорода-Северского около 600 км. При такой же скорости скачки, с какой Беловолод Просович мчался к Чернигову (80 км в сутки), гонцу потребовалось на весь путь 7,5 дня. А в Путивль, расположенный на 110 км ближе, гонец прибыл накануне, среди дня 18 мая. Тогда-то жена Игоря Ярославна и узнала о трагической гибели русских воинов, и о ранах Игоря, и о его пленении. Тогда же и разнесся над русскими просторами полный скорби и любви ее знаменитый плач.

В Новгороде-Северском гонец возьмет с собой священника со службой и тотчас отправится в обратный путь. Расстояние от Новгорода-Северского до кочевья на берегу Тора, где находился Игорь, около 620 км. При прежней высокой скорости (80 км в сутки) время в пути составит 8 дней, т. е. гонец выполнит поручение к исходу 27 мая.

Святослав, выслушав Беловолода Просовича в Чернигове, еще не посылает в Посемье свою помощь. Эту помощь, согласно летописи, он пошлет позже, после того как получит новые известия о полном поражении Игоря. Но, кроме того, в них будет подробно обрисована обстановка, возникшая как следствие этого поражения, а именно смятение и отчаяние, охватившие

беззащитное пограничное Посемье, новгород-северские и черниговские волости. Разумеется, такие подробные известия могли поступить к Святославу из самого Посемья. Можно полагать, что они исходили от лица достаточно авторитетного, имеющего право самостоятельно принимать важные решения, от лица княжеского происхождения. Возможно, что это сообщение Святославу послала жена Игоря княгиня Ярославна. Действительно, в своем знаменитом плаче она обращается с просьбой-призывом о помощи к Днепру. Надо полагать, что под Днепром Ярославна подразумевала реальную силу, способную на деле помочь Игорю. Такой реальной силой на Днепре было Киевское княжество с великим князем Святославом, близким родственником Игоря. Плач Ярославны выглядит своеобразной грамотой с просьбой о помощи, выраженной в поэтической форме. Ярославна из особого уважения Днепр называет по имени-отчеству: Днепр Словутич. И не случайно в плаче просьба о помощи содержится только в обращении к Днепру (в двух других обращениях — к ветру и солнцу — никаких просьб нет). По всей вероятности, в образе Днепра Словутича выступает Святослав Киевский. К нему, к Святославу, в Киев, на Днепр, посылает Ярославна свои скорбные известия. Их доставляет, по-видимому, гонец, который застает Святослава в Чернигове. От Путивля до Чернигова — 250 км. Это относительно короткий путь, и на преодоление его при высокой скорости 90 км в сутки потребуется менее трех суток. Если гонец выбыл из Путивля среди дня 18 мая (время плача Ярославны), то в Чернигов он прибудет вечером 20 или утром 21 мая.

Известия о смятении и отчаянии в Посемье и прилегающих к нему волостях послужили решающим подтверждением рассказов Беловолода Просовича о поражении Игоря. Получив эти известия, Святослав посылает в Посемье на помощь двух своих сыновей (Олега и Владимира) с дружинами. Они выступили из Чернигова, по-видимому, немедленно по прибытии туда известий, т. е. утром 21 мая. Путь от Чернигова до Путивля (250 км) при обычной скорости (60 км в сутки) был пройден за 4 дня. Таким образом, помощь в район Путивля прибыла вечером 24 или утром 25 мая.

Согласно летописи, половцы, разгромив Игоря, двинулись на Русь. Их выступление состоялось, очевидно, на следующий день после разгрома — утром 13 мая. Гзак, отделившись от Кончака, ушедшего к Переяславлю, направился в Посемье. Он рассчитывал захватить оставшиеся беззащитными русские города «без опаса». Гзак шел к Путивлю «у силах тяжьких». Многочисленное войско Гзак набрал, видимо, в своих кочевьях, которые были расположены на пути (о месторасположении кочевий различных половецких орд см. гл. III). От поля битвы до Путивля — около 500 км. Скорость продвижения войска Гзака с учетом того, что оно было многочисленным, должна быть несколько меньшей, чем при обычном маршевом переходе: не 60, а 55 км

в сутки. При этом весь путь Гзак преодолел за 9 дней, подступив к Путивлю вечером 21 или утром 22 мая.

Пока сыновья Святослава спешили из Чернигова в Посемье, Гзак захватывал посемские волости, жег села и сжег острог у Путивля. Прибытие русских дружин положило конец половецким бесчинствам. Половцы убрались «восвояси». Их отступление началось, очевидно, с подходом русских, утром 25 мая. Обратный путь Гзака — 450 км. При прежней скорости (55 км в сутки) на переход было потрачено 8 дней. Гзак вернулся из набега на Посемье в свои кочевья вечером 1 июня.

Переяславские события, как и черниговские, были вызваны поражением Игоря и нависшей опасностью со стороны половцев. Эти события происходили не только на Переяславщине, но отчасти и на Киевщине и развертывались так.

Согласно летописи, Кончаку не удалось организовать поход на киевскую сторону, в котором участвовали бы все главные силы половцев. К Переяславлю Кончак выступил без своего наиболее сильного союзника Кзы (Гзака), который отправился в Посемье. Можно полагать, что выступление Кончака состоялось одновременно с выступлением Кзы: утром 13 мая. От поля битвы до Переяславля — около 600 км. При обычной скорости (60 км в сутки) на весь путь было потрачено 10 дней, т. е. к Переяславлю Кончак подступил вечером 22 или утром 23 мая.

Весь день 23 мая Кончак штурмует Переяславль. Переяславский князь Владимир лично участвует в оборонительных боях, и в одной из вылазок он получает тяжелые ранения.

Тогда же, 23 мая, князь Владимир посылает сообщение в Киев великим князьям Святославу и Рюрику, а также князю Давыду Смоленскому, находившемуся у Треполя на Днепре, о приходе половцев и свою просьбу о помощи. Гонец на предельной скорости на следующий же день, 24 мая, прибывает в Киев (от Переяславля до Киева 90 км — расстояние менее чем суточной скачки гонца).

В тот же день, 24 мая, Святослав и Рюрик с войском отправляются из Киева по Днепру в ладьях на помощь Переяславлю (Давыд отказался от участия в совместных действиях против половцев и отправился к себе на Смоленщину).

Кончак, узнав о приближении подкреплений из Киева, в тот же день, 24 мая, снимает блокаду с Переяславля и начинает отход «восвояси». По пути он осаждает и захватывает город Римов на Суле. На переход от Переяславля до Римова (около 150 км) при скорости 60 км в сутки Кончак затратил 2,5 дня, т. е. к Римову он подошел 26 мая.

Продолжая отход, Кончак оставил разоренный Римов утром 27 мая. До своих кочевий, расположенных в низовьях Тора, у Северского Донца, ему предстояло пройти 450 км, которые он преодолел при прежней скорости за 7,5 дня. Расче-

ты показывают, что Кончак вернулся в свои кочевья к концу дня 2 июня.

Здесь мы рассчитали основные даты и сроки как похода Игоря, так и черниговских и переяславских событий, связанных с ним. Каждое из них представляется хронологической цепью, в которой отдельные эпизоды-звенья находятся в причинно-следственной связи: один эпизод логически вытекает из предыдущего. Вместе с тем мы видим, что отдельные хронологические цепи оказываются связанными одна с другой. Перед нами не что иное, как хронологическая сетка, или целая система отдельных взаимосвязанных, подчас одновременно протекающих событий.

Для удобства показа этой взаимосвязи составим сводную таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Хронологическая таблица похода Игоря на половцев и набегов половцев на Русь

23 апреля.	— Князь Игорь выступает из Новгорода-Северского в поход на половцев. Собирая дружину в своих владениях, он медленно продвигается к Северскому Донцу.
1 мая, вторая половина дня	— У Северского Донца Игоря застает солнечное затмение. Перейдя реку, Игорь направляется к берегам Оскола — месту его встречи с братом Всеволодом, шедшим со своей дружиной другими дорогами.
2 мая	— Игорь достигает берегов Оскола.
3 и 4 мая	— Игорь у Оскола ожидает подхода Всеволода.
5 мая	— Игорь, соединившись со Всеволодом, направляется по безлюдной степи к половецким центрам.
9 мая	— Русские разведчики-«сторожа», посланные в районе Изюмского брода за «языком», сообщают, что половцы русских обнаружили. Принято решение продолжать продвижение в ночь с 9 на 10 мая.
10 мая, обеденное время	— Русские вступают в первое сражение с половцами и одерживают легкую победу. Несколько полков преследуют половцев. Полки Игоря и Всеволода, сохраняя боевое построение, медленно продолжают продвижение вперед.
10 мая, ночь	— Возвращаются после преследования половцев уставшие русские полки. Принято решение остановиться на ночлег.
11 мая, раннее утро	— Русские обнаруживают, что они окружены подступившими со всех сторон половцами. Начало решающей битвы.
12 мая, полдень	— Битва заканчивается полным поражением русских: дружины разгромлены, Игорь и другие князья попадают в плен.

12 мая, после полудня	— Половцы разводят по своим кочевьям пленных князей (Игоря отправляют на берега Тора). — Беловолод Просович спешит с поля битвы на Русь, в Чернигов, рассказать русским о виденном им поражении Игоря. — Гонец Кончака направляется на Русь, в Новгород-Северский, за священником и службой для Игоря.
13 мая	— Хан Кончак выступает на Русь, на киевскую сторону к Переяславлю, намереваясь отомстить русским за поражения давних лет. — Хан Кза, отделившись от Кончака, выступает «у силах тяжьких» на Русь, в Посемье, к Путивлю, рассчитывая без риска захватить оставшиеся беззащитными города.
18 мая	— Великий князь Киевский Святослав, будучи проездом в Новгороде-Северском, с сожалением узнает о тайном выступлении Игоря на половцев (весть о поражении Игоря туда еще не пришла). — Гонец Кончака прибывает проездом в Путивль. Ярославна узнает о гибели русского войска, о ранении и пленении Игоря. Плач Ярославны. Смятение и скорбь в городах Посемья. — Путивльский гонец направляется к Святославу с вестью о трагическом итоге похода Игоря, о смятении и скорби во всем Посемье.
19 мая	— Гонец Кончака прибывает в Новгород-Северский. Он берет с собой священника со службой и отправляется в обратный путь.
20 мая	— Святослав проездом из Новгорода-Северского в Киев прибывает в Чернигов. — Беловолод Просович «прибегает» в Чернигов и рассказывает Святославу о виденном им поражении Игоря.
21 мая	— Путивльский гонец прибывает в Чернигов с подтверждением трагической вести Беловолода Просовича и с известием о смятении и скорби в Посемье. — Святослав посылает своих сыновей с дружинами в Посемье закрыть образовавшуюся брешь в обороне русско-половецкой границы. — Святослав из Чернигова отправляется в Киев. — Гзак вторгается в Посемье. В течение нескольких дней он разоряет волости, жжет села и сжигает острог у Путивля.
22 мая	— Кончак подходит к Переяславлю и окружает его.
23 мая	— Святослав возвращается в Киев. — Кончак весь день безуспешно штурмует храбро защищающийся Переяславль. — Переяславский князь Владимир посылает гонца в Киев, к великим князьям Святославу и Рюрику, а также к князю Смоленскому Давыду с просьбой о помощи Переяславлю.
24 мая	— Переяславский гонец доставляет князьям просьбу Владимира о помощи. — Святослав и Рюрик отплывают по Днепру из Киева на помощь Переяславлю (Давыд уклонился от участия в этой помощи и отбыл в свой Смоленск). — Кончак, опасаясь прибытия подкреплений, начинает отход от Переяславля «восвояси». — Сыновья Святослава с дружинами прибывают из Чернигова в Посемье.
25 мая	— Гзак начинает отход из Посемья «восвояси». — Святослав и Рюрик прибывают в район Переяславля, но половцев там уже не застают.

26 мая	— Гонец Кончака доставляет Игорю из Руси священника со службой.
	— Кончак, отступая, осаждает, захватывает и разоряет город Римов.
	— Переяславский гонец доставляет Святославу и Рюрику вторую просьбу Владимира Переяславского о помощи. Киевские князья продолжают преследовать Кончака.
27 мая	— Кончак, оставив разоренный им Римов, продолжает отход «восвояси».
28 мая	— Святослав и Рюрик, преследуя Кончака, подходят к Римову с опозданием из-за потери времени при напрасном ожидании Давыда Смоленского.
1 июня	— Гзак возвращается в свои кочевья.
2 июня	— Кончак возвращается в свои кочевья.

В приведенной хронологической таблице каждый описанный в летописи эпизод с его началом и окончанием находит свое место, свою дату. Особенно важно отметить, что хронология отдельных эпизодов из параллельно развивающихся событий строго выдержана: эпизоды, рассчитанные каждый по отдельности, при совмещении в таблице не создали хронологических противоречий ни в одном из случаев.

В датировке всех этих летописных эпизодов мы основывались главным образом на расчетах скорости переходов-переездов их участников. Для дополнительной проверки надежности расчетов мы сгруппировали переезды-переходы участников (русских и половцев) по скоростям.

Первая группа. Малые, «тихие» скорости конницы (45—47 км в сутки):

Игорь — от Новгорода-Северского до Северского Донца (место наблюдения солнечного затмения);
он же — от Сальницы до Каялы.

Вторая группа. Средние, обычные, «маршевые» скорости конницы (55—60 км в сутки):

Игорь — от Северского Донца до Оскола (место встречи со Всеволодом);
он же — от Оскола до Сальницы;
Кончак — от поля битвы на Каяле до Переяславля;
он же — от Переяславля до Римова на Суле;
он же — от Римова до своих кочевий;
Гзак — от поля битвы до Путивля в Посемье;
сыновья Святослава — от Чернигова до Путивля;
Гзак — от Путивля до своих кочевий.

Третья группа. Высокие, «курьерские» скорости гонцов-вестовых (80—90 км в сутки):

Беловолод Просович — от поля битвы до Чернигова;
гонец Кончака — от поля битвы до Путивля;

он же — от Путивля до Новгорода-Северского;
он же — от Новгорода-Северского до кочевья, в котором находился Игорь;
путивльский гонец — от Путивля до Чернигова;
гонец князя Владимира — от Переяславля до Киева.

В этих группах представлены скорости передвижений многочисленных участников. В группе малых скоростей на отдельных этапах своего пути медленно передвигается с войском Игорь. В группе средних скоростей находим и Игоря, и Кончака, и Гзака, и сыновей Святослава. В группе высоких скоростей мчатся Беловолод Просович и несколько гонцов. Важно, что многие из этих передвижений начинались и заканчивались в разное время и если бы имела место исходная ошибка в выборе какой-либо скорости в расчетах (малой, средней или высокой), то в хронологической таблице с неизбежностью появились бы явные несоответствия: отдельные эпизоды происходили бы раньше, чем возникали вызывающие их причины. В нашей хронологической таблице последовательность эпизодов не нарушена: хронологическая сетка оказалась без перекосов. Теперь в этой хронологической сетке нужно найти опорные, определяющие даты, с помощью которых можно было бы найти дату побега и весь отрезок времени, в течение которого Игорь пробирался на Русь. Найденный отрезок времени — это тот период, в течение которого развивалась сцена «Побега Игоря», где участвовали различные звери и птицы. Найденный отрезок времени, представленный в фенологическом календаре природы, позволит правильно оценить поведенческие особенности этих животных.

Посмотрим на обычный календарь. Священник прибыл к Игорю 27 мая, в понедельник. Из летописи видно, что Игорь приезда священника дождался. Следовательно, Игорь бежал после 27 мая. Мы рассчитали также, что половцы вернулись «восвояси» в первых числах июня: Гзак — 1 июня, в субботу, а Кончак — 2 июня, в воскресенье. Из летописи видно, что вернувшиеся половцы Игоря уже не застали и пустились за ним в погоню. Между датой приезда священника и датами возвращения половцев есть одна-единственная пятница — 31 мая. Это и есть дата побега Игоря. Конечно, в своих расчетах мы могли ошибиться на 1—2 дня в ту или иную сторону, но и тогда 31 мая останется единственной пятницей между этими определяющими датами. Как оказалось, для определения даты побега Игоря фенологические сведения о протяженности поры пения соловьев так и не потребовались: соловьиное пение — излишний признак. Оказалось достаточным провести простейшие арифметические расчеты с привлечением реальных данных о длине пути, его продолжительности и скорости передвижения участников событий. Найденная в подробной хронологической

сетке взаимосвязанных событий, эта дата может служить надежной отправной точкой в дальнейших расчетах.

Итак, Игорь бежал из плена 31 мая. Успеху его побега способствовало стечение целого ряда благоприятных обстоятельств.

Игорь бежал из-под стражи, которую несли половцы, напившиеся хмельного кумыса и потому потерявшие бдительность. Мы не знаем истинных причин этой пирушки: то ли отмечали начало нового лунного месяца (астрономическое новолуние наступило 31 мая 1185 г. в 4 ч 06 мин), то ли донеслась радостная весть о скором возвращении войск из-под Переяславля. Во всяком случае, по мнению стражников, причины были достаточно вескими, чтобы позволить себе такое веселье при исполнении сторожевой службы.

Игорь и Овлур ускакали из половецкого стана после захода солнца, под покровом ночи. Было новолуние, и ночь была темной (в новолуние молодой месяц расположен близко от солнца и следом за солнцем скрывается за горизонтом еще до того, как успеет потухнуть вечерняя заря).

Весь первый день побега, 1 июня, оказался благоприятным: половецкие кочевья все еще пустовали, поскольку войска, ушедшие на Русь, не вернулись.

Такой же благоприятной была и следующая ночь.

На второй день от бешеной скачки кони беглецов пали. Оставшийся одиннадцатидневный путь Игорь и Овлур совершали пешком. Луна постепенно росла. Ночи становились все светлее. Вот наступила первая четверть, а за ней и полнолуние. Но Игорь был уже вне опасности.

Способствовало успеху побега и то, что Игорь, находясь еще в плену, правильно выбрал маршрут: он «мыслию поля измерял от Великого Дона — до Малого Донца». Возвращался Игорь не тем путем, по которому шел в Половецкую землю: шел не на север, по междуречью Оскола и Северского Донца, а на северо-запад, берегами Северского Донца. Возможно, что это сбило с толку половцев, пустившихся в погоню.

Подводя итог, отметим, что общая продолжительность побега составляет 13 дней. Она складывается из двух дней скачки и одиннадцати дней пешего перехода. По календарю, Игорь, бежав 31 мая (в ночь с 31 мая на 1 июня), достиг г. Донца 13 июня.

Здесь мы определили главное: нашли отрезок времени между началом побега Игоря из плена (31 мая) и его окончанием (13 июня). Именно в этот отрезок времени совершали свои действия многочисленные звери и птицы — свидетели побега

Их поведение в конкретной местности и в установленное нами время предстоит рассмотреть.

На Северском Донце первая половина июня — фенологическое начало лета, или молодое лето, или перволетье. Жаркие дни. Буйное цветение трав. Разноголосое птичье пение. У птиц многих видов птенцы встают на крыло — учатся летать, взрослеют. У хищных зверей молодняк подрос, но свои норы и логова еще не покидает. В природе царит большое оживление, и родителям приходится много трудиться, чтобы выкормить и обучить потомство.

В чем же проявилось поведение зверей и птиц, оказавшихся свидетелями побега Игоря?

Как было отмечено, в этой сцене участвовали вороны, галки, сороки, полозы, дятлы, соловьи, а также гуси и лебеди.

О птицах первых трех видов сказано, что они никаких звуков не издавали: *«Тогда врани не граяхуть, галице помълкоша, сорокы не троскоташа...»* Их молчание было ответом на появление людей — Игоря и Овлура. Возникает вопрос, могли ли эти птицы в такой обстановке молчать?

Вóроны. Эти крупные черные птицы — настоящие отшельники: они не собираются в стаи, как их близкие родичи — серые вороны, грачи или галки. Гнезда вороны начинают строить намного раньше своих собратьев: в конце зимы. В предлетье и в начале лета родители продолжают обучать своих повзрослевших птенцов. Вороны ведут скрытый образ жизни, очень осторожны, каркают редко, держатся и гнездятся в глухих местах, стараются не попадаться на глаза человеку. Питаются преимущественно падалью.

Молчание воронов в природе — явление обычное. В поэме же, по мнению многих исследователей, вороны своим молчанием способствовали Игорю. Но в этом есть очевидное противоречие: следовало бы ожидать, что, завидя Игоря, вороны тотчас незаметно отлетят прочь, молча или скупо прокаркав 2—3 раза. Во всяком случае, на появление Игоря, как на событие необычное, вороны должны бы отреагировать также необычно, т. е. если они обычно молчат, то в новых условиях должны закаркать, а не оставаться молчащими. Вороны в поэме своим молчанием ничего не выражают, и поэтому их роль в сцене побега Игоря остается непонятной.

Галки. У галок в начале июня особенно ответственный период жизни — период воспитания совсем недавно вылетевших из гнезда птенцов. Птенцы превратились в слетков. Они еще многого не умеют. Они и летать-то как следует еще не научились. При попытке взлететь падают и ходят по земле. Родители их кормят и обучают. Все происходит обстоятельно, без суеты и

гама. И конечно, родители охраняют свое потомство от всяких опасностей. При появлении человека или какого-нибудь хищника галки-родители поднимают громкий резкий крик. Они начинают в беспокойстве летать, то и дело решительно приближаясь к непрошеному гостю и тут же отлетая в сторону. Криками и подлетами птицы пытаются отвлечь внимание пришельца на себя, постепенно увести его подальше от притаившихся птенцов. На крик галок-родителей слетается множество галок со всей округи (на время как бы отменяются невидимые границы закрепленных за отдельными семьями территорий). Образуется многоголосый нестройный галочий хор. Часто бывает, что к такому хору присоединяются птицы других видов — серые вороны и сороки. Если непрошеный гость притаится, то птичьи крики притихнут, станут вялыми, но не смолкнут. И стоит ему вновь начать двигаться, как крики поднимутся с новой силой. Птичий переполох будет продолжаться до тех пор, пока возмутитель спокойствия не удалится. Этот период обучения слетков продолжается более месяца. Время побега Игоря приходится как раз на его середину.

В поэме галки, завидя появившихся людей, замолчали («помлъкоша»), а до появления людей они, подразумевается, кричали. Но из описания биологических поведенческих особенностей галок мы видели, что галки, наоборот, при появлении людей поднимают крик, а до их появления сосредоточенно и молча воспитывают своих птенцов. Эти явные противоречия мы попытаемся объяснить в последней главе.

Сороки. В сезон перволетья поведение сорок во многом походит на поведение галок. Сороки чутко откликаются на появление человека или крупного хищника своим резким криком. Охотники, зная эту особенность, с большей легкостью выслеживают зверя. Сорочий стрекот слышен почти круглый год, за исключением короткого периода высиживания яиц, приходящегося на середину весны. Сорочий стрекот особенно настойчив в период обучения птенцов, что бывает в перволетье. Именно в такой сезон Игорь пробирался из плена. Невозможно себе представить, что беглецы на всем 350-километровом пути так и остались для сорок незамеченными. Такое, конечно, нереально.

Полозы. В пределах нашей восточноевропейской лесостепи и степи обитает полоз желтобрюхий. Желтобрюхие полозы — довольно крупные (до двух метров) неядовитые змеи. Питаются мелкими животными, захватывая их зубами и сжимая кольцами своего тела, подобно тропическим удавам. Охотятся полозы в утренние и вечерние часы, в это время суток они наиболее подвижны.

Действия полозов из фразы «полозы ползали только» представляются неопределенными, поскольку остается непонятным, что означало это ползанье в картине побега Игоря[1].

Дятлы. На границе лесостепи со степью можно встретить дятлов нескольких видов: большого пестрого, среднего, малого, белоспинного, зеленого и седого. Но из фразы «Дятлы к реке тектом путь указывают» установить видовое название дятлов невозможно. Дятлы различных видов ведут сходный образ жизни. Эту фразу, разумеется, не следует понимать в прямом смысле: дятлы никому путь к реке своим стуком не указывали. Осенью, зимой и весной в лесу слышен довольно громкий дробный стук. Это дятел клювом пробивает отверстие в древесине, чтобы добраться до глубинных ходов, проделанных личинками насекомых: личинками дятлы питаются.

Стук дятла в поэме, по мнению Н. В. Шарлеманя, служил своеобразным звуковым маяком, по которому Игорь, шедший по степи, мог найти реку: ведь деревья в степи растут вдоль речного русла. Но в этих рассуждениях много искусственности. Если Игорь, идя днем (дятлы — птицы дневные), не мог увидеть деревья на столь небольшом расстоянии слышимости стука дятла, значит, эти деревья росли в необычайно глубоких каньонах, полностью их скрывающих. Но таких каньонов на пути Игоря не было. К тому же в перволетье стук дятлов по дереву — явление весьма редкое: обычно в эту пору дятлы без особого труда находят насекомых на поверхности деревьев. И если они начнут все-таки долбить дерево, то стук будет негромким: можно оказаться в нескольких десятках шагов от дерева, на котором работает дятел, и едва услышать его. Иными словами, дятел в начале лета не слышен. Совсем иначе стучит он ранней весной, когда деревья стоят еще голыми. В это время дятлы устраивают настоящие концерты. Ударным инструментом дятлу-солисту обычно служит какой-нибудь сухой сучок или ствол сухого дерева. Дятел стучит с большой силой и частотой — до 10—15 ударов в секунду. Короткие серии следуют одна за другой. Далеко окрест разносится по пустынному лесу звонкая барабанная дробь. Это дятел-самец оповещает своих собратьев о том, что участок леса им занят. Скоро на стук прилетает самка. Образуется новая семья. Сольные концерты заканчиваются. Наступает время устраивать гнездо. Дупло в дереве дятел выдалбливает сам. Вновь по лесу разносится стук. Этот стук размеренный, глухой, но достаточно громкий. С середины же весны, когда

[1] В комментариях к первому изданию «Слова» и в некоторых более поздних исследованиях говорится не о змеях — полозах, а о птицах — сороках или поползнях, лазавших по лозам — кустам (подробнее см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 4. Л., 1973, с. 144—145).

гнезда-дупла готовы, дятлов почти не слышно. В фенологическое перволетье стук дятлов не характерен, поэтому фраза о дятлах, указывавших «тектом» путь Игорю к реке, с биологической точки зрения представляется не вполне убедительной.

Соловьи. «Соловьи веселыми песнями рассвет возвещают» (о пении соловьев, о сезоне года и времени суток, когда они поют, см. выше, в описании сцены «Перед битвой»).

Гуси и лебеди. Эти птицы никаких активных действий не совершают, поэтому их поведенческие особенности не поддаются оценке: Игорь, пробираясь на Русь, стрелял гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину.

Подводя итог, можно сказать, что практически все звери и птицы из сцены «Побег Игоря» действуют вразрез с поведенческой нормой для сезона перволетья.

Точность подбора образов зверей и птиц в сравнениях и метафорах

Биологическая эрудиция автора любого художественного произведения проявляется, в частности, в том, насколько точно он выбирает образы животных для показа наиболее характерных черт тех людей, о которых он пишет. Речь идет о сравнениях и метафорах, общеупотребительных или авторских. В их точности с неизбежностью проявится мастерство автора.

В «Слове о полку Игореве» встречается множество «зоологических» сравнений и метафор. Рассмотрим их.

Как волки

«...А мои ти куряни... скачють, акы серыи вълци в поли...» — так отвечал князь Всеволод своему брату Игорю. Войско Всеволода быстрым маршем выступило в поход на половцев (с войском Игоря оно объединится несколько позже).

«Гзак бежить серымь вълкомь. Кончак ему следъ править к Дону великому» — так автор поэмы выражает взаимодействие войск из различных половецких орд в их стремительном движении к месту скорой битвы с Игорем.

Всеслав «*...скочи вълкомь до Немигы с Дудуток. ...Людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь вълкомь рыскаше:*

из Кыева дорискаше до кур Тьмутороканя; великому Хърсови вълкомь путь прерыскаше». Это отрывок из отдельного рассказа-вставки о давнем полоцком князе Всеславе, о его необычайно быстрых перемещениях из края в край Русской земли.

Игорь *«въвьржеся на бързе комонь и скочи с него босымь вълкомь, и потече к лугу Донца...»* — это эпизод из сцены побега Игоря из плена.

«...Тогда (О)влур вълкомь потече, труся собою студеную росу...» — из той же сцены побега Игоря. Половец Овлур вместе с Игорем бежит на Русь.

Мы видим, что для сравнения взяты такие особенности волка, как его быстрый бег и прыгучесть. С волчьим бегом сравнивается бег русских (куряне, Всеслав и Игорь) и бег половцев (Гзак и Овлур). Герои поэмы или «бегут», или «рыщут», или «скачут», или «текут». Волки несколько отличаются по эпитетам друг от друга: они или «серые», или «бóсые», или просто волки — без эпитетов. Оттенки бега, однако, никак не связаны с разновидностями волков. Так, например, скакать могут волки и без эпитетов, и «бóсые», и серые.

Все оттенки движений волков хорошо соответствуют действиям героев. Особенно выразительно автор поэмы показал необычайно стремительные перемещения Всеслава. Память об этом князе была еще свежа. Он прожил полную бурных событий жизнь. Его неудержимая деятельность распространялась на весь запад и юг Руси. То он сражался в междоусобных войнах на берегах Немиги под Минском, то вдруг оказывался на великом Киевском престоле, то внезапно появлялся и интриговал в далекой Тмутаракани... О нем ходили легенды как о князе-волке, рожденном от волхования, — колдовства. Способность к оборотничеству создала вокруг него ореол таинственности. В поэме его бег сравнивается с сугубо волчьим бегом — рысканьем (рыскать — значит быстро бежать, совершая в разных направлениях поисковые движения).

Как пардусово гнездо (как выводок гепардов)

«По Рускои земли прострошася половци, акы пардуже гнездо», — этими словами автор поэмы рассказывал о последствиях необдуманного похода Игоря, о последствиях, не менее горестных, чем само поражение Игоря на поле битвы. Распространившихся по Русской земле половцев автор сравнил с гнездом гепардов — с выводком, состоящим из взрослых и подросшего молодняка. Современное название пардуса — гепард. Это крупное хищное животное из семейства кошачьих. Сравнение с пардусами, по-видимому, не случайно. В поведении этих животных можно увидеть военно-тактические приемы половцев. Так, половцы, разгромив Игоря, буквально с поля битвы устремились на Русь. Расчет их был прост: залог успеха в быстроте нанесения удара. Медлить было нельзя: русские успели бы вос-

становить свои силы. Как известно, пардусы-гепарды — самые быстрые наземные животные, они преследуют добычу со скоростью до 140 км в час. О стремительном беге пардусов на Руси знали хорошо. Дрессированных пардусов использовали в больших княжеских охотах как ловчих зверей, и таких зверей ценили очень высоко.

Помимо стремительного бега у пардусов есть еще одна особенность. Она проявляется при групповой охоте. Это своеобразная «охота загоном». Подробно такую охоту описал зоолог К. А. Воробьев[1]. В 1952 г. в Южной Туркмении он наблюдал выводок гепардов: двух взрослых и одного молодого. Гепарды охотились на джейранов. Два гепарда залегли в некотором отдалении друг от друга, образовав засаду. Третий, выполняя роль загонщика, стал обходить стадо с тыла. В какой-то момент джейраны обнаружили загонщика и бросились от него. Понеслись же они прямо на засаду. Возможно, в тактике ведения военных действий устремившихся на Русь половцев автор «Слова» увидел сходство с «охотой загоном», и он не случайно сравнил половцев не просто с пардусами, а с их гнездом-выводком. Этим он выразил не только стремительность их набега на Русь, но и военно-тактическую хитрость.

Как туры

«Ты, буи Рюриче и Давыде... Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранени саблями калеными на поли незнаеме? Вступита, господина, в злата стремена...» — это одно из большого ряда обращений поэмы к русским князьям, в котором она призывает к единству действий в борьбе с общим врагом. Боевой клич дружин, как видно из текста, подобен реву раненых туров. Туры, или дикие быки, в древности заселяли пространства от Ирландии до берегов Тихого океана, захватывая север Африки и Переднюю Азию. Современники мамонтов, шерстистых носорогов и других крупных, ныне вымерших животных, туры, как и зубры, по многим разным причинам постепенно «сдавали свои позиции»: сокращались их территории, уменьшалась численность. Но в XII в. на Руси и в степях Северного Причерноморья туры еще водились. Владимир Мономах в своем «Поучении» вспоминал, как во время охоты его вместе с конем туры «дважды метали рогами».

Последний на земле тур был убит в 1627 г., и теперь никто никогда не сможет услышать, как рыкают, как ревут туры, раненные саблями калеными...[2]

[1] Воробьев К. А. Заметки орнитолога. М., 1973, с. 44.
[2] В «Слове о полку Игореве» буй-туром назван Всеволод, брат Игоря. Этот пример свидетельствует о многозначности символики художественных сравнений в древнерусской литературе. См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 162.

Как горностай и белый гоголь

«...А Игорь князь поскочи горностаем к тростию и белымь гоголемь на воду» — так образно описаны самые первые шаги, сделанные Игорем в начале побега из плена: от половецкой вежи, где остались подгулявшие сторожа, до берега Тора, где на противоположной стороне поджидал Игоря Овлур с конем в поводу.

Горностай — небольшой пушной зверек, размером меньше белки. Обычно он обитает по берегам рек и озер, поросших тростником и камышом. Прекрасно плавает. Активен в сумерки и ночью. В образе горностая, в его поведенческих особенностях, удивительно полно сосредоточены характерные действия, которые совершал Игорь, начиная свой побег.

Белый гоголь. Среди современных названий птиц такого названия нет. Известен не белый гоголь, а просто гоголь — водоплавающая птица из семейства утиных. Его окраска темносерая, но у самцов в ранневесенний брачный период в оперении много белого. Гоголь хорошо плавает, прекрасно ныряет. Сравнение Игоря с гоголем оказывается вполне удовлетворительным: Игорь быстро и незаметно перебрался на противоположный берег к поджидавшему его Овлуру.

Как белка, серый волк и сизый орел. Как соловей

«Боянъ бо вещии аще кому хотяше песнь творити, то растекашеться мыслию по древу, серым вълкомь по земли, сизымь орломь под облакы». В этих словах содержится общая характеристика творчества Бояна — певца-гусляра, жившего приблизительно за сто лет до похода Игоря. По мнению некоторых исследователей, здесь названы известные из мифологии различных древних народов три сферы, составляющие всеобщее единство: некое Мировое Древо, Небо и Земля. Во всех этих сферах действует Боян. Землю символизирует волк (у некоторых народов — змея), Небо — орел; образ белки, перемещающейся по древу, означает связь между Верхом и Низом. Мы видим, что творчество Бояна всеобъемлюще.

«О, Бояне, соловию старого времене! абы ты сие пълкы ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умомь под облакы, свивая славы оба полы сего времене, рища в тропу Трояню чрес поля на горы». Автор поэмы в этих образных выражениях восхваляет древнего певца Бояна. Боян сравнивается с соловьем за его высокое поэтическое искусство. В месте с тем эта фраза оказывается повтором предыдущей, в которой Боян в своих действиях уподоблен белке, орлу и волку. Хотя здесь эти животные прямо не названы, но их образы явно присутствуют благодаря таким же деепричастиям: «скача (белкою) по мыслену древу, летая (орлом) умом под облакы... рыща (вълкомь) в тропу Трояню».

Как зегзица

«Ярославнынъ голосъ слышить, зегзицею незнаема рано кычеть: «Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви...»,—так начинается знаменитый плач Ярославны. Ярославна выступает в виде некоей птицы — зегзицы. Биологический вид этой птицы не ясен. Одни исследователи в зегзице видят кукушку, одинокую, тоскующую. Другие же возражают против кукушки, вполне справедливо считая, что кукушка не летает «по Дунаеви», т. е. над рекой; взамен кукушки они предлагают чайку, но такая замена недостаточно обоснована: чайки не живут обособленно, они образуют шумные колонии и поэтому для олицетворения печального одиночества непригодны. Поскольку биологический вид зегзицы еще не установлен, то невозможно и оценить, правильно ли в поэме применен этот образ.

Как десять соколов и стая лебедей

«Тогда пущашеть [Боян] [десять] соколов на стадо лебедеи, которыи дотечаше, та преди пес[н]ь пояше...» И несколько ниже: *«Боян же, братие, не [десять] соколов на стадо лебедеи пущаше, н своя вещие пьрсты на живые струны въскладаше...»* Перед нами отрицательное сравнение, состоящее из двух частей. В первой части дается метафора (Боян пускал десять соколов на стаю лебедей — охотничья сцена). Во второй части эта метафора отвергается. Оказывается, что десять соколов — это десять пальцев играющего на гуслях Бояна, а стая лебедей — это струны его гуслей.

Как сокол

«О! далече заиде сокол, птиць бия, к морю...» — скорбно восклицает автор, описывая трагические последствия поражения Игоря. В образе сокола — Игорь. Птицы — половцы.

«Коли сокол в мытех бываеть, высоко птиць възбиваеть, не дасть гнезда своего в обиду». Эта фраза из великолепного «Золотого слова Святослава». Великий киевский князь в иносказательной форме говорит, что он, как немолодой, опытный сокол, имеет достаточно сил, чтобы защитить свое гнездо (слово «мыт» означает линьку соколов; соколы, бывшие в линьке, в «мытехх», — зрелые, опытные птицы).

«...Се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припешали поганых саблями, а самаю опустоша в путины железны». Так бояре истолковывали Святославу его сон. Они говорили, что два сокола (т. е. Игорь и Всеволод, главные участники похода) слетели с золотого отчего стола (престола), чтобы отбить у половцев некогда принадлежавший русским город Тмутаракань или испить из Дона («испить из реки» на

военном языке тех времен означало завоевать земли по этой реке). Но в битве половцы подсекли крылья русским князьям-соколам, сделав их пешими (т. е. разгромили их войско), а самих опутали «путинами железными» (т. е. взяли их в плен; железные путины — это приспособления, которые надевали на лапы ловчему соколу, чтобы не улетел. Пуская сокола на добычу, путины снимали).

«Мълвить Гзак Кончакови: аже сокол к гнезду летить, соколича ростреляеве своими злачеными стрелами. Рече Кончак к Гзе: аже сокол к гнезду летить, а ве соколца опутаеве красною девицею. И рече Гзак к Кончакови: аще его опутаеве красною девицею, ни нама будеть сокольца, ни нама красны девице, то почнуть наю птице бити в поли половецкомь». Это известный диалог Кончака и Гзака во время их погони за Игорем. Объяснительный перевод диалога: «Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол [Игорь] к гнезду летит [бежит на родину из плена], то расстреляем соколенка [сына Игоря — Владимира, оставшегося в плену после побега отца] своими злачеными стрелами». Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол [Игорь] к гнезду летит, то мы соколенка опутаем красною девицей [т. е. женим Владимира на половчанке, сделав его тем самым своеобразным заложником]. И говорит Гзак Кончаку: «Если его опутаем красною девицей, то не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы [т. е. рано или поздно они уйдут на Русь], и станут нас птицы бить в поле Половецком [следствием ошибочной затеи с женитьбой станут какие-то неудачи этих ханов у себя в Половецкой земле]».

В этом диалоге половецких ханов бегущий из плена Игорь сравнивается с соколом, летящим к своему гнезду, а его сын — с соколенком. Выражение «опутать соколенка красной девицей» означает удержать его у себя, надеть своеобразные путины, как железные путины надевают на ловчего сокола, чтобы не улетел.

«А ты, буи Романе и Мстиславе! ...Высоко плаваеши на дело в буести, яко сокол на ветрех ширяяся, хотя птицю в буистве одолети». Обращаясь к русским князьям с призывом к единству, автор поэмы сравнивает их военное искусство и храбрость со свободным полетом сокола, устремившегося на верную добычу. «В буести», «в буйстве» — эти слова означают особый прием охоты сокола. Сокол берет свою добычу только на лету. Перед ее захватом он должен подняться выше и оттуда на нее ринуться. Часто жертва, завидя сокола, начинает быстрый подъем, чтобы не оказаться ниже хищника. Начинается состязание в скорости подъема. Удача на стороне того, кто окажется выше.

«...И потече к лугу Донца, и полете соколомь под мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обеду и ужине» — эпизод побега Игоря из плена. Игорь, подобный соколу, в высоком полете под тучами мчится домой. По пути он бьет гусей и лебедей.

«Коли Игорь соколомь полете, тогда [О]влур вълкомь потече, труся собою студеную росу...» — еще эпизод побега Игоря.

В этих сравнениях из соколов восточноевропейской степи и лесостепи могли быть использованы наиболее крупные соколы — балобан или сапсан.

Как сокол, кречет и черный ворон

«Дремлеть в поли Ольгово хороброе гнездо, далече залетело! Не было оно обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чьныи ворон, поганыи половчине» — из сцены отдыха русских в степи перед решающей битвой. В этой сцене черного ворона как такового не было: был поганый половец. Точно так же не было и других птиц — сокола и кречета. Не было, кстати, и дремлющего «гнезда хороброго». Сокол, кречет, черный ворон и храброе гнездо — все это иносказания, под которыми понимаются определенные люди, действующие лица поэмы.

Как галки

«Не буря соколы занесе чрес поля широкая — галици стады бежать к Дону великому». По предположению самого автора «Слова», этой фразой рассказ о полку Игореве начал бы легендарный певец Боян. Иносказательность фразы очевидна: по мнению многих исследователей, речь идет о передвижении по степи не птиц галок, а войск.

Как гоголь, чаицы и чернети

«...О Донче! не мало ти величия... стрежаше е[го] гоголемь на воде, чаицами на струях, чьрнядьми на ветрех» («О Донец! не мало тебе славы... что стерег его гоголем на воде, чаицами на волнах, чернетьми на ветрах»). Эта фраза из диалога Игоря и реки Донца во время побега Игоря из плена. Игорь благодарит Донец за помощь и заботу.

Гоголь (см. выше комментарий к сравнению «как горностай и белый гоголь»).

Чаицы. Толкование этого названия затруднительно. В древнерусских письменных источниках оно не встречается. По созвучию его обычно переводят как «чайка», но, согласно наблюдениям В. А. Козырева, в современных брянских говорах слово «чаица» означает птицу чибиса. Это толкование предпочтительнее. Так или иначе, и чайка и чибис — птицы весьма чуткие и осторожные, и любая из них вполне может выступать в образе птицы, предупреждающей Игоря у воды об опасности.

Чернети. Это мелкие птицы из группы нырковых уток. Чернеть весьма чутка, подвижна. Вполне может быть избрана как образ для показа настороженности в прибрежных местах.

Итак, в этой главе мы рассмотрели поведенческие особенности группы животных, с одной стороны, выступавших в «Слове» как действующие лица и, с другой — таких, чьи образы были использованы автором поэмы для сравнений и метафор в описании людей. Более подробно эти особенности раскроются, по-видимому, при выявлении объединяющих признаков внутри каждой группы и при сопоставлении их между группами. Сравнительный анализ можно провести с помощью табл. 2. Из таблицы видно, что животные — действующие лица — не равномерно распределены по всему тексту, как в сравнениях и метафорах, а сосредоточены лишь в двух сценах. Они издают звуки или молчат, а не передвигаются в пространстве. Даже в грамматической форме, использованной для их описания, есть отличия: все действовавшие животные представлены существительными множественного числа, тогда как в сравнениях и метафорах — преимущественно существительными единственного числа. Но самая важная отличительная особенность животных — действующих лиц — это неестественность их поведения. И напротив, образы животных в сравнениях и метафорах подобраны биологически правильно.

Таблица 2

Характерные особенности животных в «Слове о полку Игореве»

Звери и птицы	
выступают как действующие лица	*используются как образы в сравнениях и метафорах*
1. **Сосредоточены в основном в двух сценах:** 1) «Перед битвой» — лебеди, волки, орлы, лисицы, соловьи и галки 2) «Побег Игоря» — вороны, галки, сороки, лебеди, гуси, полозы, дятлы и соловьи	1. **Распределены равномерно по всему тексту:** тур, туры, выводок гепардов, волк, серый волк, «босый» волк, волки, горностай, белка, сокол, соколенок, соколы, кречет, черный ворон, «бусовы» вороны, галка, стая галок, стая лебедей, сизый орел, соловей, гоголь, белый гоголь, черняти, чаицы и зегзица.
2. **Объединены по следующим признакам:** 1) по характеру действий — издают звуки (или молчат) 2) по грамматической форме — представлены исключительно существительными множественного числа	2. **Объединены по следующим признакам:** 1) по характеру действия — передвигаются в пространстве 2) по грамматической форме — представлены преимущественно существительными единственного числа
3. **Поведение практически всех животных не соответствует их биологическим особенностям и фенологическому календарю**	3. **Показана высокая точность сравнений и метафор в художественном и естественнонаучном отношениях**

В этой таблице обращают на себя внимание животные следующих шести видов: волки, вороны, галки, орлы, лебеди и соловьи. Все они повторены в обеих группах. Но при неестественности их поведения в первой группе, в группе второй их образы точны. Это обстоятельство со всей очевидностью указывает на то, что автор поэмы знал биологические особенности этих шести видов. Более того, как мы покажем ниже, он знал биологические особенности и всех остальных животных.

Для решения проблемы «странных» зверей и птиц еще не достаточно выявить их обобщающие отличительные признаки, показанные в табл. 2. В стратегии поиска должен присутствовать комплексный подход, предусматривающий одновременное рассмотрение совокупности признаков и явлений. Нужно изучить причины группирования всех действовавших животных в двух сценах. Нужно изучить причины, приведшие к той последовательности их перечислений в пределах каждой группы, которую мы видим в тексте поэмы.

В решении проблемы «странных» зверей и птиц может оказаться плодотворным еще одно направление поиска. Оно состоит в изучении композиционных особенностей поэмы. В композиции «Слова» много ценного обнаружил В. Ф. Ржига[1] Изучая «Слово о полку Игореве», Л. В. Кулаковский[2] (музыковед и композитор) проделал опыт воссоздания модели древнего мелоса. Профессиональный подход позволил ему «услышать» сложную и тонкую структуру поэмы, ее деление на крупные и малые части, организацию и ритмику строф и фраз, а также увидеть четкую симметрию многих частей поэмы. Это исследование с музыкальной стороны раскрывает большое мастерство древнего автора в области композиции. Высокий уровень композиции дает нам основание исследовать причины, побудившие автора ввести в действие животных указанных (а не других) биологических видов.

Решению проблемы «странных» зверей и птиц может также способствовать литературный текстовой параллелизм. Так, для того или иного положительного образа приводится параллельный образ, наделенный отрицательными чертами (по схеме плюс — минус). Такой параллелизм отмечен в «Слове» многими исследователями. Приведем лишь некоторые примеры: земля Русская — земля Половецкая, храбрые русичи — дети бесовы (половцы), стяги русские — стяги половецкие, история русская — история половецкая, христиане (русские) — поганые (половцы), свет (светлое солнце) — тьма (тьма затмения), солнце — черные тучи, слава (песенное прославление) — плач.

Ржига В. Ф. «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской феодальной Руси. — В кн.: Слово о полку Игореве. Изд. Academia, 1934, с. 112.

[2] Кулаковский Л. В. Песнь о полку Игореве (опыт воссоздания модели древнего мелоса). М., 1977.

Текстовой параллелизм проявился также в применении сравнений равнозначных явлений, например: русская современность — русская история, половецкая современность — половецкая история, былины сего времени — стародавнее замышление Бояна и т. п.

В дальнейшем мы по возможности проанализируем эти литературные приемы и надеемся, что результаты исследований приблизят нас к решению проблемы «странных» зверей и птиц.

ЛОГИКА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ

В древнерусских письменных источниках можно встретить перечисления различных людей и названий различных территорий, рек и животных. Обычно в таких перечислениях участники оказываются выстроенными в ряды по какому-либо определенному признаку и лишь в некоторых случаях перечисляются вне всякого порядка. Правило последовательностей позволяет глубже понять литературную манеру древнего автора и, следовательно, полнее раскрыть неожиданные стороны его произведения. Принцип последовательностей, таким образом, становится своеобразным инструментом в исследовании древнего источника.

Попытаемся выявить в некоторых древнерусских произведениях, включая «Слово о полку Игореве», логику последовательностей. Знание этой логики, по-видимому, будет способствовать нашему поиску решения проблемы «странных» зверей и птиц.

Иерархические последовательности

Повесть о походе Игоря на половцев, вошедшая в Ипатьевскую летопись, начинается с перечисления русских князей — участников похода (в переводе):

> В год 1185... В то же время Игорь Святославич, внук Олегов, поехал из Новгорода [Северского] месяца апреля, в 23-й день, во вторник [в поход против половцев], взяв с собою брата своего Всеволода из Трубчевска и племянника Святослава Олеговича из Рыльска и сына своего Владимира из Путивля, а у Ярослава [Черниговского] выпросил в помощь себе Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями черниговскими. И так шли они медленно, собирая дружину свою.

В этой же летописи при описании боевого построения русских полков перед первым легким сражением с половцами перечисляются князья и их полки следующим образом (в переводе):

> И так построили шесть полков: полк Игоря — в середине, а справа — полк брата его Всеволода, а слева — Святослава, племянника его. Впереди от него [от Игоря] — полк сына Владимира и другой полк — Ярослава с теми ковуями, которые были с Ольстином, а третий [из передних] — сводный полк стрелков. И так построили полки свои.

Во всех этих перечислениях («списках») русских князей на первом месте стоит Игорь, князь Новгород-Северский. Он принадлежал к так называемым «средним» князьям. Он — главный герой и летописной повести и поэмы. В боевом построении, о котором рассказывает повесть, полк Игоря перед битвой занимал центральное положение: с флангов и с фронта был прикрыт полками других русских князей (табл. 3, списки I и II, строка 1).

Вторым назван Всеволод, князь Трубчевский и Курский, брат Игоря. Иерархические отношения между братьями хорошо разъяснены их двоюродным братом, Святославом Всеволодовичем: «...ты, Игорь, старше Всеволода. Так я вам остался вместо отца». Перед битвой полк Всеволода был расположен справа от полка Игоря. Всеволод был буквально правой рукой Игоря. О большой дружбе братьев мы узнаем и из повести и из поэмы (табл. 3, списки I и II, строка 2).

Третьим в повести назван Святослав, князь Рыльский, племянник Игоря и Всеволода, сын их старшего брата Олега, умершего несколько лет назад. Святослав был «младшим» удельным князем, представителем низшей и наиболее многочисленной категории в княжеской иерархии тех времен.

Таблица 3

Русские и половцы — участники боевых действий Игорева похода 1185 года

(По Ипатьевской летописи)

Русские князья при выступлении в поход (список I)	*Русские князья и расположение их полков перед первым сражением* (список II)	*Половцы, собравшиеся перед решающей битвой* (список III)	*Русские и половцы после битвы* (список IV)	
			Пленные русские князья	*Половцы, взявшие пленных русских князей в свои вежи*
1. Игорь	1. Игорь (в центре)	1. Кончак	1. Игорь	1. Чилбук из Торголове
2. Всеволод	2. Всеволод (справа)	2. Кза (Гзак)	2. Всеволод	2. Роман Кзич
3. Святослав	2. Святослав (слева)	3. Бурнович	3. Святослав	3. Елдечук в Вобурчевичах
4. Владимир	4. Владимир (впереди)	4. Токсобич	4. Владимир	4. Коптя в Улашевичах
		5. Колобич		
		6. Етебич		
		7. Терьтробич		

Примечание.

Цифрами обозначена последовательность перечисления имен в летописи в пределах каждого списка.

Полк Святослава перед битвой был слева от полка Игоря (табл. 3, списки I и II, строка 3).

Четвертый в ряду князей, выступивших в поход на половцев, — Владимир, князь Путивльский, сын Игоря от его первой жены. Владимир, как и Святослав, был «младшим» князем. Он и по возрасту был самым младшим среди князей — участников похода: ему было всего 15 лет. Полк Владимира был выдвинут вперед, навстречу половцам (табл. 3, списки I и II, строка 4).

Наконец, пятым назван Ольстин Олексич, вассал или воевода черниговского князя Ярослава. Ольстин возглавлял полк черниговских ковуев. Его полк, как и полк молодого Владимира, был выдвинут вперед.

Итак, в обоих списках летописец назвал участников похода строго по старшинству, в соответствии с тем положением, которое они занимали на иерархической лестнице.

И еще эпизод. Игорь после поражения произносит свой покаянный монолог, в котором, в частности, вопрошает: «Где ныне любимый мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо рожения моего?» Здесь Игорь назвал сначала брата — Всеволода, затем племянника — Святослава и только потом — родного сына Владимира. Очередность та же.

Как видим, иерархические принципы соблюдались как при представлении участников похода, так и при описании боевого построения полков, а также в покаянной речи-монологе Игоря.

Теперь обратимся к половцам, чьи имена упомянуты в той же Ипатьевской летописи. Половецкие имена также составляют тесные ряды-списки. Нам предстоит ответить на вопрос о принципах, принятых при составлении списков.

Рано утром 11 мая, в субботу, русские обнаружили, что они окружены превосходящими силами противника. Обстановка стала крайне напряженной. Стала очевидной неизбежность решающей битвы.

Автор поэмы пишет:

> ...стязи глаголють, половци идуть от Дона и от моря и от всех сторон. Рускые пьлкы отступиша.

В переводе:

> ...стяги весть подают: половцы идут от Дона и от моря; со всех сторон они русские полки обступили.

По половецким стягам русские поняли, что они окружены. Примечательно, что русские узнали о местах, откуда пришли половцы, по стягам. Какую же информацию получил Игорь, глядя на половецкие стяги? Из приведенной цитаты не ясно, что подразумевается под Доном, морем и «всеми странами». Может сложиться впечатление, что против Игоря ополчилась вся половецкая степь: от Нижней Волги — на востоке до Придне-

провья — на западе и от русского порубежья — на севере до берегов Черного и Азовского морей, включая весь Крым, — на юге. Однако такого произойти не могло. Дело в том, что полки Игоря были обнаружены половцами в ночь с 9 на 10 мая. Окружены же они были ровно через сутки — в ночь с 10 на 11 мая. За такой срок половцы могли добраться до расположения русского войска с расстояния 90—100 км (никак не более 120 км). Периферийные причерноморские, приазовские, лукоморские (из низовий Днепра), крымские, нижнедонские и нижневолжские половцы смогли бы достигнуть берегов Северского Донца не раньше, чем через 7—10 суток, и то при условии, что они получили бы призыв выступить на помощь мгновенно, с «телеграфной» скоростью. Отсюда становится ясным, что в окружении Игоря приняли участие только те половцы, кочевья которых располагались вблизи Северского Донца.

Обратимся теперь к летописным источникам, где названы имена половцев, принявших участие в битве. Ипатьевская летопись обстановку перед битвой описывает так (в переводе):

> На рассвете, в субботу, начали наступать полки половецкие, словно лес. Недоумевали князья русские, кому из них на какой полк идти, ибо их было бесчисленное множество. И сказал Игорь: «Вот, видно, собрали мы на себя всю их землю: Кончака и Козу, Бурновича и Токсобича, Колобича и Етебича, и Терътробича».

Названо семь половцев. Получилось изящное построение: три пары имен, разделенных запятыми, внутри каждой пары союз «и» (седьмой же половец оказался нечетным, и он к списку присоединен просто союзом). Не определяется ли это внешнее изящество какими-либо правилами, например правилами построения иерархического ряда? Для ответа на этот вопрос нужно располагать данными о характерных особенностях каждого из названных половцев и о том положении в половецком обществе, которое они занимали.

1. **Кончак** — половецкий хан. Он был, пожалуй, наиболее значительным государственным деятелем в истории Половецкой земли. Ему удалось собрать вокруг себя многие орды. Возглавив так называемое Донецкое объединение, он проводил осторожную и тонкую политику по отношению к своему могущественному северному соседу — Руси. В особенности он стремился сблизиться с Черниговской землей — вотчиной князей Ольговичей, давних традиционных союзников рода Кончака. Даже одержав полную победу над Игорем (представителем Ольговичей), Кончак не воспользовался беззащитностью его земель в Посемье, а нанес ответный удар совсем по другому русскому княжеству — по Переяславской земле. При отказе

идти на Ольговичей ему пришлось нарушить созданное им же самим половецкое единство: поссориться с основным союзником — ханом Кзой, который ушел в Посемье один. В поисках дальнейших путей сближения с Русью Кончак заключил династический брак: женил Владимира, оставшегося у него в плену, на своей дочери. Вскоре молодые с ребенком вернулись на Русь.

Родословная Кончака в русских летописях прослеживается на протяжении всей истории соседства половцев с Русью. Отец Кончака, Отрок, был разгромлен объединенными силами русских во главе с Владимиром Мономахом в начале XII в. Отрок с остатками своих орд ушел на Кавказ. Дед Кончака, Шарукан, был главой весьма крупного объединения половцев. В союзе с ханом Боняком он неоднократно совершал опустошительные набеги на Русь, но в 1107 г. был наголову разбит объединенными силами южнорусских княжеств. (О Шарукане упоминается в «Слове о полку Игореве».) Прадедом Кончака был Осеня. О его смерти в летописи сказано под 1092 г. Известно и о сыне Кончака — Юрии Кончаковиче. Он был «больший всихъ половець». В 1223 г. в одном из первых трагических сражений с появившимися в Европе ордами Чингисхана Юрий будет возглавлять донецких и, возможно, днепровских половцев.

2. Кза (в «Слове о полку Игореве» — Гзак, или Гза). Он возглавлял крупное половецкое объединение и в то же время входил в Донецкое объединение Кончака. Проводил независимую политику. В 1185 г. после разгрома Игоря отклонил предложение Кончака о совместном походе на Переяславль и, отделившись от Кончака, совершил набег на Посемье. В известном диалоге с Кончаком из «Слова», состоявшемся во время погони за Игорем, выразил несогласие с намерением Кончака мягко решить судьбу оставшегося в плену Владимира. Гзак был против намерения Кончака женить Владимира на половчанке. Споря с Кончаком, Гзак требовал расправы над Владимиром.

3. Бурнович — половец из орды Бурчевичей. Это была одна из сильных орд. В конце XI — начале XII в. во главе Бурчевичей стоял хан Боняк. В те времена натиск половцев на Русь был особенно сильным. Походы Боняк обычно совершал вместе с другими ханами — Тугорканом или Шаруканом. В конце XII в. Бурчевичи кочевали в бассейне Днепра, по реке Волчьей, приблизительно в 100 км к югу и юго-западу от кочевий Кончака. Бурчевичи входили в объединение Днепровских половцев, но охотно шли на сближение с могущественным Кончаком.

4. Токсобич — половец из орды Токсоба. Об этой орде из летописей известно мало. В середине XII в. Токсобичи участво-

вали в нескольких походах на Русь. Входили в Донецкое объединение. Предполагается, что Токсоба кочевала где-то в низовьях Оскола или по среднему течению Северского Донца.

5—7. Колобич, Етебич и Терьтробич — половцы из небольших половецких группировок, по-видимому, родов. В летописях нигде, кроме повести о походе Игоря, не упоминаются. Возможно, входили в объединение Кончака. Места их кочевий не известны.

В целом в этом своеобразном списке, «произнесенном» Игорем перед битвой, имена собравшихся половцев перечислены по правилам иерархии (табл. 3, список III). Действительно, первым по праву назван Кончак, могущественный глава крупнейшего половецкого объединения. Второй в списке — сильный хан Кза (Гзак), позволявший себе проводить независимую политику. Третьим назван Бурнович, представитель сильной приднепровской орды. Четвертый в списке — Токсобич, половец из довольно крупной донецкой орды. О трех последних половцах — Колобиче, Етебиче и Терьтробиче — ничего определенного сказать нельзя, ясно только, что они сколько-нибудь заметной роли в половецкой истории не играли.

В этой же летописи есть еще один список имен — в рассказе о дележе между половцами попавших в плен русских князей (в переводе):

> И когда окончилась битва, пленные разведены были каждый в свои вежи. Игоря взяли Торголове, муж именем Чилбук, а Всеволода, брата его, взял Роман Кзич, а Святослава Олеговича — Елдечук из Вобурчевичей, а Владимира — Коптя из Улашевичей. Тогда же на поле боя Кончак поручился за свата своего Игоря, так как тот был ранен.

В этом списке, четвертом по счету, перечисляются русские имена и параллельно им — половецкие (табл. 3, список IV). Заметим, что здесь точно такая же последовательность в перечислении русских князей, как в первом и во втором списках: Игорь — Всеволод — Святослав — Владимир. Но что любопытно: к семи начинавшим сражение половцам прибавилось четверо новых. Причем, как оказывается, именно эти четверо увели в свои вежи пленных. Да еще каких пленных! Русских князей. Ни один из этих половцев ни до событий похода Игоря, ни после них в летописях не упоминался, за исключением Романа Кзича, который будет упомянут через 37 лет в связи с нашест-

вием Чингисхана. Такого еще не было, чтобы военная добыча первостепенной важности оказалась в руках не только безвестных, но и не начинавших сражение. Создается впечатление, что главные половецкие руководители остались как бы ни с чем. Попытаемся разобраться в этой странной ситуации.

Прежде всего выясним положение **Романа Кзича,** взявшего Всеволода (табл. 3, строка 2). Он сын хана Кзы. Князь Всеволод, как мы видели, был по своему значению пленником номер два. Было бы логично, если бы такой пленник достался хану номер два, т. е. самому Кзе, начинавшему битву. И если бы Всеволода захватил не старый Кза, а кто-то другой, то этим другим ни в коем случае не мог бы быть его сын. В подобных делах законы патриархальных отношений полностью исключают возможность превосходства сына над отцом. Вывод может быть только один: Всеволод стал пленником хана Кзы, но личную и полную ответственность за него отец возложил на своего сына Романа. Роман Кзич возглавлял, по-видимому, свой род и имел свои вежи, куда отвел Всеволода.

Теперь рассмотрим положение с **Елдечуком из Вобурчевичей,** взявшим Святослава, пленника номер три (табл. 3, строка 3). Слово «Вобурчевичи», или «Бурчевичи», в переводе с тюркского означает «волки». Такое же значение — «волки» — содержится в личных тюркских именах Бурной и Бури. Вобурчевичи-Бурчевичи и Бурнович через слово «волки» образуют очевидное смысловое единство. Отсюда становится ясным, что Бурнович, один из ханов, начинавших сражение, принадлежал к орде Бурчевичей и, возможно, возглавлял ее. Елдечук также принадлежал к Бурчевичам. Среди собравшихся перед битвой Бурнович назван третьим по счету. Елдечуку достался пленник номер три. Можно не сомневаться, что Елдечук был в таком же подчинении у Бурновича, в каком Роман Кзич был у своего отца. Елдечук увел в свои вежи Святослава на таком же основании, на каком Роман Кзич увел Всеволода.

Немного истории. Отец Святослава Олег зимой 1166/67 г. ходил на половцев. «И взял Олег вежи Козины [Кзы] и жену его, и детей, и золото, и серебро». Конечно, Кза и теперь, через 18 лет, не забыл этого позорного разгрома. Казалось бы, пришло время отомстить Олегову роду (сам Олег умер 5 лет назад): взять Олегова сына Святослава. И отдать его своему сыну Роману. Но этого не произошло. По-видимому, Кзе пришлось подчиниться «коллективной справедливости» при дележе добычи, исключавшей личный интерес (о том, что половцы умели долго помнить свои поражения, видно из «Слова о полку Игореве», где сказано, что они намеревались отомстить русским за поражение, случившееся 78 лет назад).

Подведем некоторые итоги. Всеволод, пленник номер два, оказался в плену у Кзы, половца номер два. Святослав, пленник номер три, — у Бурновича, половца номер три. Совершенно ясно, что Игорь, безусловно, пленник номер один, оказался у Кончака, безусловно, половца номер один: летописная повесть специально отмечает, что Кончак поручился на поле битвы за раненого Игоря. В таком случае взявший Игоря **Чилбук из Торголове** был в подчинении у Кончака (табл. 3, строка 1). И он, Чилбук, непосредственно руководил действиями охраны Игоря.

Схема рассуждений, по которой построена табл. 3, приводит нас к выводу, что и последний русский князь, Владимир, — пленник номер четыре — был в плену у Токсобича — половца номер четыре (табл. 3, строка 4). Взявший Владимира в свои вежи Коптя из Улашевичей был в подчинении соответственно у Токсобича.

Таким образом, при дележе пленников никакой несправедливости не было. Пленники достались не каким-то безвестным половцам **Чилбуку, Роману, Елдечуку и Копте**, а ведущим ханам, главам крупнейших орд: **Кончаку, Кзе, Бурновичу и Токсобичу.** Безвестные же половцы несли всего лишь охрану пленников.

Основной же для нас вывод из рассмотренных эпизодов состоит в том, что летописец знал русскую княжескую и половецкую ханскую иерархию. И он соблюдал правила иерархии: там, где встречается несколько имен, полагалось называть сначала старшего, затем младшего. Применение этого правила можно встретить во многих древнерусских письменных источниках. По-видимому, можно говорить о существовании традиции в порядке перечисления имен.

Применялось ли это иерархическое правило в «Слове о полку Игореве»? Автор поэмы назвал по именам лишь двух половцев — Кончака и Гзака (Кзу). Отметим, что Кончак по праву играет главную роль в поэме. Из русских князей главную роль играет Игорь. Менее выражена роль Всеволода. Владимир выступает как второстепенное лицо. Правда, в поэме все эти имена не располагаются плотными группами-списками, а названы вразбивку. Между тем в поэме есть одно пространное перечисление непонятных имен, или названий, или прозвищ половцев (или других народов), состоявших на службе у Ярослава, князя Черниговского. Это перечисление содержится в знаменитом «Золотом слове Святослава». Святослав досадует:

> А уже не вижду власти сильного и богатого и многовои брата моего Ярослава с чьрниговьскыми былями, с могуты,

и с татраны, и с шельбиры, и с топчакы, и с ревугы, и ольберы. Тии бо бес щитов с засапожникы кликомь пълкы побеждають...

В. И. Стеллецкий, развивая представления различных исследователей, пришел к выводу, что в этом монологе перечислены титулы или разряды половцев, причем они расположены по нисходящему значению. Этот монолог В. И. Стеллецкий переводит так:

А уже не вижу я власти и помощи могучего, и богатого, и многоратного брата моего Ярослава
с черниговскими вельможами,
с воеводами, со старейшинами, с боярами-шельбирами;
с воинами-топчаками, с богатырями, с храбрецами,
а ведь они без щитов, с ножами засапожными
кликом полки побеждают...[1]

Этот отрывок, по-видимому, также показывает, что автор поэмы располагал в тексте действующих лиц по соответствующим ступенькам иерархической лестницы.

Географические последовательности

В древнерусской литературе довольно часто встречаются перечисления различных географических названий и названий соседствовавших между собой народов. Часто такие перечисления носят последовательный характер. В «Повести временных лет» в рассказе о взятии Олегом Царьграда названы народы и племена, которые участвовали в походе:

Князь Олег пошел на Византию, взяв с собой множество варяг, и словен, и чюдь, и кривичей, и мерю, и деревлян, радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорват, и дулебов, и тиверцев...[2]

Если посмотреть на географическую карту, то легко убедиться, что народы и племена перечислены по часовой стрелке, или, как говорили в старину, «посолони», т. е. по солнцу.

В «Слове о погибели земли Русской» безвестный автор как бы вырисовывает огромную панораму с народами-соседями (в переводе Ю. К. Бегунова):

[1] Стеллецкий В. И. «Слово о полку Игореве» (содержание, поэтическая форма и его автор). — В кн.: Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1981 (Сокровища древнерусской литературы).
[2] Повесть временных лет, т. II. М.; Л., 1950, с. 37.

Отсюда до венгров, и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев и до немцев, от немцев до корелы, от корелы до Устюга, где живут тоймичи поганые, и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все покорил бог народу христианскому поганые страны...[1]

И здесь земли и народы перечислены «посолони»: от юго-западных — через северные — к юго-восточным. Как видим, древнерусские писатели вписывали в свои произведения названия народов и земель в строгом порядке. Получались своеобразные словесные карты.

Число таких примеров можно было бы умножить. Все они свидетельствуют о том, что на Руси существовала традиция располагать в тексте географические названия в такой последовательности, в какой они были расположены на местности. Направление перечисления могло быть, однако, не обязательно «посолони» (отметим, что рисованные географические карты известны на Руси лишь с XV в.).

В «Слове о полку Игореве» следом за «Золотым словом Святослава» автор начинает сам призывать русских князей выступить за Русскую землю. Призыв автора выражен в виде отдельных обращений к нескольким князьям (разумеется, за каждым князем стоит отдельное княжество). Автор поэмы обращается:

1) к Всеволоду, князю Владимиро-Суздальскому; в этом же обращении упомянуты также сыновья Глеба Ростиславича, князья Рязанские;
2) к Рюрику, великому князю Киевскому, и к Давыду, князю Смоленскому;
3) к Ярославу, князю Галицкому;
4) к Роману, князю Волынскому, и Мстиславу, князю Пересопнинскому, или Городенскому;
5) к Игнварю, Всеволоду и трем Мстиславичам, князьям Волынским.

Обращения сделаны к одиннадцати князьям. Их ряд построен не по правилам иерархии, как это можно было бы ожидать. Действительно, великий князь Киевский Рюрик назван не в первом по порядку, как полагалось бы, а во втором обращении. В этом втором обращении рядом с великим князем оказался его брат Давыд, уклонявшийся под разными предлогами от сов-

[1] Бегунов Ю. К. «Слово о погибели земли Русской». Перевод и примечания. — В кн.: Кто с мечом. М., 1975.

местных действий против половцев. На первое же место выдвинут Всеволод — князь далекой Северо-Восточной Руси, практически оторвавшейся от южнорусского центра (автор поэмы во главе Руси ставил Киевское княжество с его великими князьями). В первом обращении оказались безвестные рязанские князья. Князь Галицкий Ярослав Осмомысл назван лишь в третьем обращении, а между тем Галицкое княжество было в значительно более интенсивных отношениях с южнорусскими княжествами, чем Владимиро-Суздальское. К тому же галичане могли бы предъявить старые счеты половцам за их бесчисленные опустошительные набеги. Да и сам Ярослав был тестем Игоря, отцом его молодой жены Ярославны, а это само по себе могло бы стать немаловажным обстоятельством для предоставления Ярославу более почетного места среди обращений к князьям.

Обращения выстроены не по иерархическим ступеням. Мы полагаем, что здесь действует другое правило — правило географической последовательности. Действительно, сначала говорится о княжествах северо-восточных (Владимиро-Суздальское в бассейне Средней Волги и Рязанские — в низовьях Оки). Затем, пропуская Черниговское княжество (поскольку о нем в «Золотом слове» уже сказал сам Святослав), автор поэмы говорит о княжествах второй центральной географической группы — о Киевском и Смоленском, расположенных по течению Днепра. Наконец, третья группа — крайние западные княжества: Галицкое на Днестре и Волынские в бассейне Западного Буга и Припяти.

В «Слове о полку Игореве» есть еще один тесный ряд географических названий. Игорь со своими союзниками — в Половецкой земле. Он обнаружен. В первом издании поэмы читаем:

> ...див кличет връху древа, велит послушати земли незнаеме, влъзе, и по морию, и по сулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутораканьскыи блъван.

Сделаем краткий обзор мнений различных комментаторов по поводу этих названий.

1. **Земля незнаемая.** Мнения исследователей противоречивы. Одни считают, что под этим названием следует понимать всю Половецкую землю, по мнению других — только ее часть, но расположение ее остается неизвестным.

2. **Волга** — Нижнее Поволжье, крайние восточные пределы Половецкой земли.

3. **Поморье** — наиболее спорное у исследователей географическое понятие. Обычно предполагают, что это побережье Черного или Азовского (или обоих) морей. Есть мнение, что это берега не морей в современном понимании, а соленых Торских

озер у Северского Донца, в самом центре Половецкой земли.

4. **Посулье** — территория, расположенная в бассейне Сулы, пограничной с Русью реки на днепровском левобережье.

5. **Сурож** — по единодушному мнению исследователей, город на южном берегу Крыма, ныне Судак.

6. **Корсунь** — как и Сурож, город на южном берегу Крыма, ныне город-музей Херсонес Таврический, в окрестностях Севастополя.

7. **Тмутараканский** болван — понятие не географическое, поэтому мы его здесь не рассматриваем. Г. Ф. Корзухина[1] в обзоре литературы отмечала, что попытки разгадать смысл этих слов бесчисленны. В частности, исследователи в них видят различные строения, столбы, изваяния, а также живых людей: борца-«поединщика» и даже хана Кончака.

Складывается впечатление, что таинственный див с вершины своего дерева обращается к различным половецким территориям вне всякого порядка. Так, сначала названа земля с неопределенным расположением (земля незнаемая), затем упомянута восточная территория (Волга), далее говорится о берегах то ли далеких южных морей, то ли Торских озер в центре Половецкой земли (Поморье), следом названа половецкая Сула, расположенная на далеком северо-западе (Посулье), и наконец, сказано о двух крымских южнобережных городах (Сурож и Корсунь). Такая географическая непоследовательность выглядит несколько неожиданной. Ведь мы видели, что автор поэмы, как и летописцы, пользовался правилами последовательного перечисления территорий. Не исключено, однако, что эта непоследовательность лишь кажущаяся, что она является следствием нашего прежнего неправильного понимания, неправильного прочтения половецкой географии. Попробуем же заново пересмотреть эту «дивову» географию. Составим карту русско-половецкого пограничья (рис. 1).

1. **Земля незнаемая.** Такой территории, отдельной от Волги, не было. Запятая, однажды неправильно поставленная первыми издателями, сохранилась до наших дней. Следует читать без запятой: **Земля Незнаемая Волга.** Это обширная территория Нижнего Поволжья и Среднего Дона — восточные пределы половцев. В этих местах кочевали какие-то немногочисленные орды. Кочевья их располагались очень далеко от центральных южнорусских княжеств — Киевского, Черниговского и Пере-

[1] Корзухина Г. Ф. Еще раз о Тмутараканском болване. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 25.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ
КАРТА-СХЕМА
РУССКО-ПОЛОВЕЦКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ
ЧЕРНИГОВСКАЯ ЗЕМЛЯ
РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ
НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ
ПУТИВЛЬ
КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ
ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЗЕМЛЯ
ДОНЕЦ (МАЛЫЙ ДОНЕЦ)
Корсунка
Сула
ПОСУЛЬЕ
ПОМОРЬЕ
КОРСУНЬ
Дон
ЗЕМЛЯ НЕЗНАЕМАЯ
ВОЛГА
Торские озера – „моря“
Северский Донец
Мокрая Сура
Сурский порог
СУРОЖ
Днепр
ГАЛИЦКАЯ ЗЕМЛЯ
П О Л О В Е Ц К А Я З Е М Л Я
Волга
КОРСУНЬ (ХЕРСОНЕС)
СУГДЕЯ (СУРОЖ)
Путь Игоря в Половецкую землю
Путь Игоря из плена
Б
С
У
Р
Рис. 1

ярославского, с которыми были связаны главные события поэмы. Земля Незнаемая Волга граничила с русскими отдаленными рязанскими княжествами. Рязанцам, как видно из летописей, она была достаточно хорошо известна (русские же из южных центральных княжеств знали лишь своих ближайших соседей — половцев Северского Донца и Днепра). Земля Незнаемая Волга — крайняя восточная территория половцев.

2. **Поморье.** В древности морем называли не только собственно море в современном понимании, но и крупные водоемы-озера. Можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что в поэме Поморьем названа местность в районе Торских озер, в окрестностях современного города Славянска. Поморье граничило с русской Черниговской землей и располагалось западнее Земли Незнаемой Волги.

3. **Посулье.** По реке Суле проходила местами устойчивая, местами неустойчивая граница Переяславского княжества с Половецкой землей. На правом берегу Сулы еще со времен Владимира I существовала целая система русских городов-крепостей, несших сторожевую пограничную службу. Посулье — единственная территория, местонахождение которой не вызывает сомнений. Находилось оно западнее Поморья.

4. **Сурож.** Повторенное за первыми издателями буквально всеми исследователями определение «Сурож — город в Крыму, современный Судак» принять нельзя. И вот почему. Начнем с того, что в русских летописях название «Сурож» встречается впервые под 1319 г., т. е. через 134 года после событий похода Игоря. Правда, поздняя датировка не служит достаточным основанием, чтобы отрицать существование города под этим названием ранее летописной даты. Известно множество городов, датой основания которых считается год первого упоминания в письменном источнике, хотя археологические находки со всей очевидностью свидетельствуют о значительно более древнем их существовании. На месте Судака еще в начале III в.н. э. было аланское поселение. В VII в. Судак назывался Сугдеей. Древний Сурож известен как торговый центр. Действительно, венецианские купцы основали здесь укрепленную факторию. Называлась она Солдайя. Но произошло это также позже похода Игоря, в начале XIII в. В истории известны купцы-сурожане, или гости-сурожане. Они поселились в Москве, в Зарядье. Но было это в 1353—1359 гг. Вскоре, в 1365 г., из Сурожа венецианцев вытеснили генуэзцы. И гости-сурожане стали специализироваться на торговле с Генуей. Важно, что

страницы истории, отражающие торговые связи Сурожа, относятся не к половецкому, а пришедшему ему на смену татаро-монгольскому периоду, совпавшему во времени с расцветом средиземноморских республик Венеции и Генуи и началом упадка Византии.

О взаимоотношениях Сурожа с половцами известно мало. Он выплачивал половцам дань и сохранял значительную самостоятельность. В церковном отношении подчинялся Византии. Население города было многонациональным, и половцы в нем составляли незначительную часть. Безусловно, этот город, как и другие города Причерноморья, никогда не был столицей какого-либо половецкого ханства и, следовательно, не играл никакой роли в межплеменных отношениях. В Крыму половецкие кочевья располагались на просторах северной, степной части. Южный же берег, отделенный от степи горным хребтом, был для крымских половцев глухой, неудобной, лишенной пастбищ тесной окраиной. Таким образом, у нас нет оснований отождествлять Сурож из «Слова о полку Игореве» с Судаком, городом в Крыму. На вопрос, где находился Сурож, названный в поэме, мы попытаемся ответить после того, как рассмотрим последнее географическое название — Корсунь.

5. Корсунь. В «Слове о полку Игореве» Корсунь и Сурож — как близнецы. Названы они рядом. Со времен первого издания поэмы оба города располагают на географических картах на южном берегу Крыма. Считают, что Корсунь — это современный город-музей под открытым небом, Херсонес Таврический. О Корсуне-Херсонесе на Руси знали давно. Летописи сообщают о взятии Корсуня Владимиром I, о торговых отношениях города с Русью. Но Корсунь, как и Сурож, не был половецким центром. Он, как и Сурож, имел относительную самостоятельность, подчинялся по церковной части Византии. Половцы в этом городе также практически не жили. Как и Сурож, Корсунь был для крымских степняков далекой, глухой и тесной окраиной.

Оба южнокрымских города — Корсунь и Сурож — находились от места встречи половецких войск с войском Игоря на расстоянии сверхдалеком: их разделяло более 800 км пути, на преодоление которых войску потребовалось бы немало дней. Половцы же посредством дива приводили свои различные территории в боевую готовность. Ясно, что с такой целью обращаться к южнобережным крымским городам было совершенно бессмысленно: ведь располагались они в местах полной недосягаемости для Игоря. Вызывает недоумение и то, что див, обращаясь к этим сверхдалеким городам, почему-то не обратился к сильным ордам, кочевавшим на северных берегах Черного и Азовского морей, — до этих половцев было по крайней мере вдвое ближе, чем до крымских южнобережных городов.

Таким образом, отождествление Корсуня (близнеца Сурожа) с крымским городом Херсонесом нельзя считать обоснованным.

Есть другой древний Корсунь. Это современный город Корсунь-Шевченковский. Расположен он на реке Роси, впадающей в Днепр с запада, ниже Киева. Рось и ее приток Корсунка при слиянии образуют высоко поднятый над окружающей местностью островершинный треугольник-полуостров, собственно «корсунь». На полуострове-корсуне и был этот город. Он имел прекрасную естественную защиту и был укреплен двумя рвами и земляными валами. Корсунь возник, по-видимому, при Владимире I, когда в Поросье, как и в Посулье, была создана оборонительная система из цепи пограничных городов-крепостей. В этой системе Корсунь имел важное стратегическое значение, поскольку благодаря большой клинообразной излучине Роси он дальше других городов Киевщины был выдвинут на юг, в сторону Половецкой земли.

Однако наше предположение о том, что Корсунь из «Слова о полку Игореве» — это не южнокрымский город, а Корсунь-на-Роси, может встретить возражение: если половецкий див обращался к землям половецким, то причем тут русский город? В ответ на это можно сказать, что и Посулье было половецким лишь отчасти: половцам принадлежала только часть южной заречной стороны, а северная сторона с системой городов-крепостей была русской. Так же и в Поросье, к югу от Корсуня, обитали какие-то половецкие орды. В летописи под 1170 г. упоминается о приходе половцев к Корсуню просить мира. Летописец называет их «корсунскими половцами», но не потому, что они владели этим городом, а потому, что подошли к нему. Поросье и Посулье имели сходную судьбу. Будучи киевским и переяславским пограничьями, они первыми принимали на себя удары половцев. Русские летописи буквально насыщены сообщениями о сражениях в этих местах. И в «Слове о полку Игореве» сообщается о последствиях совершенного половцами сразу после разгрома Игоря набега: «А древо не бологомъ листвие срони: по Роси и Сули гради поделиша». В связи с этими же событиями летопись сообщает о разорении г. Римова на Суле отходившим из-под Переяславля Кончаком. Под Корсунем в «Слове», на наш взгляд, следует понимать не собственно город на Роси, а весь примыкающий к нему район — заречные, южные территории, принадлежавшие половцам. Точно так же и под Посульем понимают не всю территорию бассейна Сулы, а лишь ее южную часть.

Итак, выстраивается следующий ряд: Земля Незнаемая Волга — Поморье — Посулье — Корсунь. Этот ряд представ-

ляет собой не что иное, как последовательное перечисление пограничных с Русью половецких земель (от крайних восточных — до крайних западных). Интересно, что у каждой половецкой территории соседом с севера было соответствующее крупное русское княжество. Так, Земле Незнаемой Волге соответствовала Рязанщина, Поморью—Черниговская земля, в Посулье половцы граничили с Переяславским княжеством, а заднепровские «корсунские» половцы — с Киевским.

В этой цепи половецких земель нами на время было опущено одно звено: Сурож. Сурож назван дивом после Посулья и перед Корсунем. Поэтому и искать его надо, очевидно, где-то между этими территориями. Их разделяет Днепр. Ниже разделяющего участка на Днепре находим, что один из знаменитых порогов, второй по счету, называется Сурским. В этом же районе в Днепр с запада впадает река Мокрая Сура, имеющая притоки Сухую Суру и Каменную Суру. В наше время в этой местности известны села Сурско-Литовское и Сурско-Михайловка, а также железнодорожная станция Сурское. Вся эта местность в XII в., по-видимому, называлась Сурож (от тюркского «сур»- и славянского суффикса притяжательного прилагательного -ож[1]). По данным археологии, в этой местности — между Днепром и верховьями Ингульца — в те времена половцы имели свои постоянные кочевья.

Хотя местность Сурож и выпадает из цепи половецких пограничных земель, протянувшейся с востока на запад, но она как бы вклинивается с юга между Посульем и Корсунем и при последовательном перечислении, естественно, оказывается между ними. Надо отметить, что Сурож также был на границе с Русью, с далеким Галицким княжеством. Вся же географическая последовательность представляется таким рядом: **Земля Незнаемая Волга — Поморье — Посулье — Сурож — Корсунь.** Этот ряд в очередности перечисления полностью совпадает с той очередностью, с которой таинственный див с вершины своего дерева обращался к различным половецким территориям. Следовательно, эти территории дивом перечислены не вне всякого порядка, а с востока на запад.

Определяя местонахождение тех или иных территорий, мы, конечно, не должны упускать из виду целесообразность действий половцев. Без сомнения, половцы, обнаружив проникшего

[1] Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

на их земли Игоря, срочно должны были известить об этом своих. Этими «своими» в первую очередь были половецкие орды, непосредственно соседствовавшие, граничившие с Русью, а не какие-то бесконечно удаленные, о которых на Руси едва знали, а то и не знали вовсе. Цель обращения дива состояла, разумеется, в том, чтобы предупредить соседей по всему пограничью и привести их в боевую готовность. Таким половецким пограничьем и оказывается ряд территорий, к которым обращался див.

В Древней Руси было обычным называть те или иные территории по рекам, и в этом отношении «Слово о полку Игореве», как пишет Д. С. Лихачев[1], не является исключением: Днепр, Рось, Сула, Немига, Двина и др. — все это русские земли, названные по соответствующим рекам. Названия всех без исключения пограничных с Русью половецких земель в «Слове», как мы видим, образованы также от названий соответствующих водоемов. Так, Земля Незнаемая Волга получила название от реки Волги, Поморье — от Торских озер-«морей», Посулье — от Сулы, Сурож — от Мокрой Суры и ее притоков или от Сурского порога, Корсунь — от Корсунки.

В заключительных частях летописной повести и «Слова» Игорь, совершивший побег, отправляется в объезд по Руси. В обоих этих описаниях находим довольно большую группу различных географических названий: Новгород-Северский, Чернигов, Киев — в повести, Русская земля, Дунай и море, страны и города — в поэме. Одни из них не требуют комментариев, другие же представляются весьма неопределенными и нуждаются в пояснениях. Попытаемся дать такие пояснения. Описания объездов Игоря весьма сходны. Для показа сходства оба отрывка в полном виде расположим рядом с помощью табл. 4. Как видно из таблицы, в летописи один за другим названы три города: Новгород-Северский, Чернигов и Киев. Этот ряд показывает отдельные этапы маршрута Игоря. Это географическая последовательность. Она позволяет летописный текст четко разбить на три части — по числу этапов маршрута. Параллельно летописному тексту в таблице расположен текст «Слова». И здесь видна такая же географическая последовательность, хотя и менее выраженная. При сравнении обоих текстов обнаруживаем следующее.

В летописной повести Игорь возвращается из плена в свой Новгород-Северский. Его возвращение вызвало радость. Сообщение об этом — своего рода «коммюнике», оно составлено по всем правилам: строго и кратко.

[1] Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». — В кн.: Великое наследие. Классические произведения Древней Руси. М., 1975.

Таблица 4

Последовательность объезда русских городов Игорем после возвращения из плена

переводах)

Этапы объезда	Официальные сообщения в Ипатьевской летописи	Поэтические описания в «Слове о полку Игореве»
1. Новгород-Северский	«И оттуда пошел в свой Новгород. И обрадовались ему.	«Солнце светит на небе Игорь князь в Руской земле.
2. Черниговский	Из Новгорода пошел к брату Ярославу в Чернигов, прося помощи на Посемье. Ярослав же обрадовался ему. И помощь ему дать обещал.	Девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до Киева.
3. Киевский	Игорь же оттуда поехал в Киев к великому князю Святославу. И рад был ему Святослав, а также и Рюрик, сват его».	Игорь едет по Боричеву ко святой богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы».

В «Слове о полку Игореве» об этом же возвращении сказано поэтично: «Солнце светит на небе — Игорь князь в Русской земле». Здесь также говорится о радостном возвращении Игоря.

Следом за первым «коммюнике» в летописной повести приведено второе. В нем сказано, что Игорь находился в Чернигове, что он встретился со своим двоюродным братом Ярославом, князем Черниговским, четко и ясно выражена цель визита: просить у брата помощи, очевидно военной, для защиты границы по Сейму. Ярослав встретил Игоря с радостью. И помощь была обещана.

В «Слове» об этом визите сказано лишь глухими намеками: «Девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до Киева». Здесь Дунай, по мнению ряда исследователей, не известная река в Европе, а образ песенно-эпической реки вообще. В действительности же путь от Новгорода-Северского до Чернигова, расположенного на пути к Киеву, проходил по Десне. И хотя о переговорах с Ярославом в «Слове» прямо не сказано, но общее радостное настроение передано, ощущается также движение в сторону Киева.

Наконец, третье летописное «коммюнике». На третьем этапе объезда городов Игорь в Киеве. И если цель визита Игоря в Чернигов была выражена предельно ясно (просить

помощи), то о цели его приезда в Киев ничего не говорится. Сообщается, что великие князья были рады Игорю. И только.

В «Слове» же о киевских делах Игоря говорится весьма расплывчато: он почему-то едет к церкви Пирогощей, и какие-то страны и города радуются.

Из табл. 4 видно, что сходство обоих текстов проявляется не только в смысловом, но и в композиционном отношении. Четкость членения обоих отрывков на три части усиливается тем, что в каждой из них непременно присутствуют географические названия и выражения радости.

Описание объезда Игоря автор поэмы завершает фразой: **«Страны ради, гради весели».** Однако не ясно, о каких странах (всех известных или только ближайших) и о каких городах (всей ли Руси или только пограничных с Половецкой землей) идет речь. В летописной повести этой фразе, согласно табл. 4, соответствует фраза: «И рад был ему Святослав, а также и Рюрик, сват его». В тексте «Слова» — два географических понятия (страны и города) и выражение радости, а в летописном тексте — имена двух князей (Святослав и Рюрик) и также выражение радости. Естественно, возникает предположение, что между этими двумя географическими понятиями и двумя князьями существует какая-то связь. Попытаемся исследовать это предположение. Оба великих князя — Святослав и Рюрик — были соправителями одного из удельных княжеств — Киевской земли. Но сферы их влияния были различны. В самом стольном Киеве правил Святослав, а в остальной Киевской земле — Рюрик. Однако, это не мешало им встречаться в Киеве для решения общих дел.

Начнем наше рассмотрение со **«стран».** У большинства исследователей и переводчиков это слово остается без изменений. Но в некоторых переводах «страны» — это села, или веси. В таких переводах подчеркивается отличие сельской местности от городов. Упоминание «стран», как мы отметили, приходится на киевский этап визитов Игоря. Это важное для нашего поиска обстоятельство, и оно обязывает искать «страны» в пределах Киевской земли. Слово «страны» в древнерусском языке имело несколько значений. Обращает на себя внимание одно из них: «пространство, место, прилежащее к чему-либо»[1]. Отсюда под странами в «Слове» можно понимать не какие-то далекие или близкие неопределенные страны-государства, а лишь Киевскую землю, но за исключением собственно Киева.

Теперь о **«градах»-городах.** Упоминание «градов» (как и «стран») приходится на киевский этап визитов Игоря. Поэтому «гради» надо искать также в пределах Киевской земли. По-

[1] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 5. М., 1978. с. 230.

видимому, под «градами» следует понимать отдельные части стольного Киева, составлявшие в совокупности понятие «город Киев». Древний Киев, согласно научно обоснованной реконструкции-макету Д. П. Мазюкевич[1], а также описаниям М. К. Каргера и П. П. Толочко[2], состоял из нескольких городов — отдельных территорий, имевших собственные оборонительные сооружения в виде высоких земляных валов с деревянными стенами на гребне, глубокими рвами перед валами, внешними и внутренними воротами.

Археологи и историки различают следующие города — составные части Киева: «город Владимира» на Старокиевской горе, примыкавший к нему «город Ярослава» и «город Изяслава-Святополка» на Михайловской горе. Эти три укрепленных города вместе составляли так называемый «Верхний город» (он назывался также «Горами»). В Киеве был и «Нижний город» — посад Подол у Днепра. Этот посад, как и некоторые другие посады, например Щековица и Копырев конец, имел собственные укрепления. Укрепленными были и некоторые монастыри (Печерский монастырь был окружен даже каменной стеной). Древний Киев внешне походил на пчелиные соты, ячейками которых были отдельные огороженные города-крепости, составлявшие, однако, единый городской организм, как мы теперь сказали бы — Большой Киев (правил в Киеве Святослав).

Таким образом, в «Слове о полку Игореве» в выражении «страны ради, гради весели» под словом «гради» следует подразумевать Киев, состоявший из нескольких слившихся городов-крепостей, где правил князь Святослав, а «страны» — это территория, прилежащая к Киеву, где правил второй князь — Рюрик. При таком прочтении устраняется досадная географическая неопределенность: мы видим, что оба географических понятия относятся исключительно к Киевской земле, т. е. именно к той части Руси, где правили два великих князя, у которых в то время находился с визитом Игорь.

К киевскому этапу объезда русских городов относится также поездка Игоря к **Пирогощей церкви**, о чем известно из «Слова о полку Игореве» (летописное третье «коммюнике» об этом визите не упоминает). К Пирогощей Игорь ехал в Киеве по Боричеву (ныне Андреевскому) спуску — древней улице, соединявшей центр города с его посадом. Почему князь Игорь выбрал из многих церквей Киева именно эту — вот вопрос, на который мы попытаемся ответить.

[1] Толочко П. П. Киевская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
[2] Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1976.

Что известно о Пирогощей из летописей? В Лаврентьевской летописи под 1131 г. читаем: «В то же лето заложи церковь Мстиславъ святыя богородица Пирогощюю»[1] (Мстислав, или Мстислав Великий, князь Киевский, основатель княжеской ветви Мстиславичей, умер в 1132 г.). Завершена Пирогощая в 1136 г.: «Томь лете церкви Пирогоща свершена бысть», сказано в Ипатьевской летописи. Свое название она получила, как считают исследователи, по богородицкой иконе, привезенной из Византии. Происхождение слова «Пирогощая» не ясно. Различные исследователи предлагают его переводы: «башенная» или «огнемгорящая»; высказывались также мнения, что название произошло от собственного имени либо купца, либо видного киевского боярина Пирогостя, привезшего в Киев эту икону.

Важное наблюдение сделал Б. А. Рыбаков[2]: ехать по Боричеву к Пирогощей — значит покидать Киев, направляясь из его центра в сторону Чернигова и далее к Новгороду-Северскому (Пирогощая находилась в киевском посаде Подоле, расположенном на этом пути).

Итак, Игорь едет к Пирогощей. Чтобы ответить на вопрос, почему он поехал именно к Пирогощей, нужно выяснить, были ли в Киеве такие церкви, посещение которых Игорем было бы более мотивированным, а следовательно, более ожидаемым, чем посещение Пирогощей. В центре Киева, в его посадах и ближайшей околице среди многих и многих различных церквей были, очевидно, более знаменитые и величественные храмы, чем скромная, малозаметная Пирогощая. И как бы Игорь ни торопился устраивать свои дела по ликвидации последствий поражения, он, вне всякого сомнения, нашел бы время для посещения любого нужного ему храма, даже если такой храм располагался не на его пути, а в противоположной стороне Киева.

В поисках ответа на наш вопрос почему Игорь выбрал Пирогощую — нужно иметь в виду политическую обстановку и то окружение (больших и малых князей), в котором Игорь находился.

В Киевской земле, в самом Киеве, великим князем был Святослав. Он был старшим князем большой и влиятельной княжеской ветви Ольговичей, потомков князя Олега (Олега Гориславича, как он назван в «Слове»). К Ольговичам принадлежал и сам Игорь, а также и все оставшиеся в плену князья. На северной окраине Киева Ольговичи имели свою резиденцию, в которую входили большой княжеский дворец и монастырь с

[1] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1973, вып. 4, с. 76.
[2] Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, 407

Кирилловской церковью усыпальницей Ольговичей (в ней был похоронен, в частности, родной дядя Игоря великий князь Всеволод, здесь же в 1194 г будет похоронен и Святослав). Посещение родового гнезда Ольговичей с его Кирилловской церковью было бы вполне понятным действием Игоря. Кроме чисто родственных чувств, посетить Кирилловскую церковь Игоря могло бы побудить и чувство благодарности Святославу. В то время, когда Игорь еще находился в плену, Святослав, готовясь к большому походу на половцев, собрал войско в своих владениях, в верховьях Десны, и возвращался в Киев. Как было отмечено выше, находясь в Чернигове проездом, он узнал от прибывшего («прибежавшего») туда с поля битвы Беловолода Просовича о разгроме Игоревых дружин. Об этом же узнал Святослав и от гонца, принесшего ему весть о смятении в городах Посемья. Тогда-то и послал Святослав в Посемье своих сыновей с дружинами. Это была в высшей степени необходимая и своевременная помощь, поскольку половцы, разгромив Игоря, сразу же организовали набег на Русь. Русские подоспели вовремя, и половцы быстро убрались «восвояси» Благодарность Игоря Святославу за такую помощь должна быть безмерной Во всяком случае в честь старшего родственника и великого князя Святослава Игорь должен был бы отслужить благодарственный молебен, причем наиболее подходящим местом для этого была, разумеется, Кирилловская церковь. Однако Игорь туда не пошел.

Как уже говорилось, в те годы в Киевской земле правили два великих князя: Святослав в Киеве, а Рюрик — в остальной части Киевской земли. И хотя Рюрик принадлежал к другой княжеской ветви — Ростиславичам, — его сотрудничество со Святославом Ольговичем — было достаточно тесным. Как и многие князья того времени, Рюрик имел два имени: одно языческое, мирское — Рюрик, второе христианское, календарное Василий. При Рюрике-Василии в Киеве была воздвигнута Васильевская церковь — по имени его покровителя. Располагалась она недалеко от начала спуска по Боричеву, на пути следования Игоря из Киева. Однако Игорь не отдал дань уважения и второму киевскому князю — Рюрику. Васильевскую церковь он не посетил.

И если Игорь не посетил храмы, имевшие прямое отношение к правившим Киевской землей великим князьям, то можно было бы ожидать, что он посетит кафедральный Софийский собор. Софийский собор был центром политической и духовно-религиозной жизни древней столицы. Здесь совершались церемонии вокняжения, здесь была одна из древнейших на Руси библиотек, у стен Софии собиралось вече. Словом, Софийский

собор был главным храмом Киева. Но Игорь, почетный гость, с радостью встреченный великими князьями, направился не в кафедральный собор, а к скромной Пирогощей, находившейся даже не в центральной части Киева, а в его посаде.

Игоря многое связывало со вторым после Киева южнорусским центром — Черниговом. Во-первых, этот город был стольным городом исконной вотчины Ольговичей. С Черниговским княжеством Новгород-Северское княжество находилось в родственных и добрососедских отношениях, а сам Игорь со временем станет князем Черниговским. Во-вторых, упомянутая выше встреча Беловолода Просовича со Святославом, оказавшаяся счастливой для Игоря, произошла также в этом городе. В-третьих, Черниговский князь Ярослав, как мы видели в летописном втором «коммюнике», обещал с радостью оказать Игорю столь необходимую помощь. Патрональным собором Чернигова был Спасский собор. И в Киеве, в Берестове, была Спасская церковь. Казалось бы, все эти благоприятные обстоятельства, связанные с Черниговом, должны были бы привести Игоря в Спас-на-Берестове, но этого не произошло.

Немало связывало Игоря и с третьим южнорусским центром — Переяславлем. С Переяславской землей незадолго до своего трагического похода на половцев Игорь провел междоусобную войну. Об этой войне в своем монологе, помещенном в летописи, Игорь рассказывал как о настоящем погроме, со всеми подробностями о жестокостях, учиненных над мирным населением. В этом монологе Игорь глубоко раскаивался в содеянном и свое поражение от половцев объяснял гневом божьим, расплатой за переяславский погром. Покровителем Переяславля считался архистратиг Михаил. В Киеве же было три Михайловских церкви. В центре города стояла знаменитая Михайловская Златоверхая, в Выдубецком монастыре — вторая Михайловская, а на Подоле, рядом с Пирогощей, — третья. Можно было бы ожидать, что в Киеве Игорь пойдет в какой-нибудь из Михайловских храмов замаливать свои прежние грехи (за переяславский погром). Кстати, поводом к посещению михайловских церквей могла быть забота Игоря о восстановлении полностью потерянного войска: ведь Михаил Архангел считался не только архистратигом небесного воинства, но и покровителем воинов вообще. Игорю же, как князю-христианину, оставшемуся без войска, следовало бы рассчитывать на благосклонность Михаила Архангела. Однако Игорь не пошел и в Михайловские храмы.

Князь Игорь носил календарное имя Георгий. Обращает на себя внимание тот летописный факт, что Игорь выступил в поход на половцев 23 апреля, т. е. в день Георгия Победоносца. Безусловно, Игорь выбрал этот день не случайно. Он явно надеялся на помощь небесного покровителя. Эта деталь со всей ясностью указывает на то, что Игорь, как представитель своего времени и своей среды, был истинным христианином. В Киеве была Георгиевская церковь. Она располагалась в центре города, рядом с Софийским собором. Важно и то, что основал ее Ярослав Мудрый — общий предок и Ольговичей, и Ростиславичей, и Мстиславичей. А это обстоятельство снимало бы с Игоря возможные затруднения дипломатического порядка. Любопытно, что Игорь после поражения ни в монологах, ни в речах-молитвах, содержащихся в летописях, ни каким-либо другим косвенным образом не упоминал Георгия Победоносца. Конечно, было бы неправильным считать, что Игорь отрекся от своего покровителя, не получив на поле битвы помощи, но в Георгиевскую церковь он тем не менее не пошел.

Сын Игоря Владимир носил календарное имя Петр. Владимир-Петр участвовал в походе, попал в плен и продолжал находиться в плену. В Киеве была церковь Петра. Игорь мог бы проявить христианскую заботу о сыне, посетив храм его покровителя. Но он и этого не сделал.

Племянник Игоря, молодой князь Святослав, другой участник похода, оставшийся в плену, носил календарное имя Борис. В Киеве была церковь Бориса и Глеба. Она стояла на той же торговой площади, где были Пирогощая и Михайловская. Игорь и о племяннике мог бы позаботиться, посетив Борисоглебскую церковь.

Можно было бы предположить, что Игоря что-то связывало с именем Мстислава Великого, заложившего Пирогощую. Но это предположение следует отбросить: ведь Игорь тогда мог бы пойти не к Пирогощей, а к Федоровской церкви, в которой Мстислав был похоронен. Но Федоровскую церковь он не посетил.

Интересующая нас Пирогощая относилась к богородицким храмам. В Киеве таких храмов было несколько. На первом месте по значению (да и по времени создания) находилась Десятинная — первый каменный храм Древней Руси. Десятинная стояла у начала Боричева спуска, и Игорь прошел мимо нее в непосредственной близости. Важное значение имела надвратная

Благовещенская церковь, что на Золотых воротах. Золотые ворота были главным, парадным въездом в Киев. Располагались они вблизи Софийского собора и Георгиевской церкви. Большую роль в жизни Киева играл Успенский собор Печерского монастыря — грандиозное сооружение того времени. Далее можно назвать церковь Влахернской богородицы (свое название она получила по иконе; по иконе, как мы видели, названа и церковь Пирогощая). Влахернская была крупным зданием, окруженным со всех сторон галереями. Располагалась она у центра города. Пирогощая, пятая по счету, была небольшим приходским храмом на торговой площади посада Подола.

Нетрудно заметить, что у любого из перечисленных патрональных храмов, имевших отношение к трем южнорусским центрам-городам или к великим и малым князьям, причастным к событиям Игорева похода, а также у любого из богородицких храмов были явные преимущества перед малозаметной посадской Пирогощей. Более того, Пирогощая, связанная с именем Мстислава Великого, была для Игоря тем храмом, посещение которого с дипломатической точки зрения представлялось нежелательным, поскольку Мстислав и его потомки были в недружественных, а порой во враждебных отношениях с Ольговичами. Но Игорь выбрал именно Пирогощую, предпочтя ее, против всяких ожиданий, всем остальным. Иными словами, Игорь направился к той церкви, посещение которой представляется не только неожиданным, но даже противоестественным.

В поисках ответа на наш вопрос, по-видимому, нужно найти такой признак, который был бы присущ только одной Пирогощей и, разумеется, имел бы прямое отношение к походу Игоря. Такой признак, на наш взгляд, состоит в том, что Пирогощая была церковью купеческой (на принадлежность Пирогощей купечеству указывают ряд исследователей, например И. И. Малышевский и П. П. Толочко) Правда, купеческими в Киеве были еще две церкви, стоявшие на той же торговой площади, — Борисоглебская и Михайловская. Но Борисоглебская стояла на территории гостиного двора купеческой колонии, основанной торговыми людьми далекого Турова, что на Припяти. Это была не киевская, а туровская божница. Михайловская церковь стояла на территории гостиного двора другого купеческого объединения торговых людей далекого Новгорода Великого. Это была не киевская, а новгородская божница. И только одна из трех купеческих Пирогощая была в полном смысле и киевская и купеческая. В этом и состоит искомый исключительный признак Пирогощей. Других храмов, принадлежавших в конце XII в. киевскому купечеству, в Киеве не было.

Рассмотренный материал показывает, что великий князь Святослав, к которому, прибыв в Киев, ехал Игорь, прямого династического отношения к Пирогощей не имел. Нет никаких указаний и на то, что он покровительствовал этой купеческой церкви, или киевским купцам, или торговле вообще. Все это в равной мере относится и к Рюрику и к Игорю. Мы полагаем, что после переговоров с великими князьями Игорь направился не к Пирогощей как таковой, а к богатому киевскому купечеству. Бесспорно, Игоря беспокоило будущее. Та помощь по отражению половецкого набега на Посемье, которую оказал Святослав еще во время пребывания Игоря в плену, была, разумеется, кратковременной. Помощь, которую только что в Чернигове обещал лично Игорю предоставить Ярослав, также будет ограничена во времени. А в Киеве, как мы видели в летописном третьем «коммюнике», ни о какой реальной помощи и речи не было (сказано лишь о радости Святослава и его свата Рюрика по поводу приезда Игоря). Можно предположить, что в результате переговоров великие князья посоветовали Игорю обратиться за оружием к киевским купцам. Ясно, что Игорю предстояло создать взамен полностью потерянного собственное новое войско и в делах вооружения он мог надеяться прежде всего на киевских купцов (рассчитывать на свое новгород-северское небогатое купечество Игорю не приходилось). Киевских купцов легко было разыскать через Пирогощую, которая была не только их приходским храмом, но и местом сборов для обсуждения важных дел. Заметим, что в упомянутом выше покаянном монологе Игорь, остро переживая поражение, риторически вопрошал:

> Где теперь любимый мой брат? где теперь мой племянник? где мой сын? где бояре-советники? где храбрые мужи? где кони и оружие многоценное?

Обращает на себя внимание то, что оружие определено как дорогостоящее и потери коней и оружия названы в одном ряду с потерями людскими, а это указывает на чрезвычайно важное их значение для Игоря.

Таким образом, намерение Игоря посетить Пирогощую не было вызвано какой-то возвышенно-религиозной и благодарственно-молитвенной потребностью. Такую потребность он мог бы утолить в любом из тех многочисленных храмов Киева, которые, как мы видели, действительно имели самое прямое отношение к духовной стороне Игорева похода. К Пирогощей, этому единственному киевскому купеческому храму, Игорь направился, имея чисто практическую цель: получить от богатого киевского купечества все необходимое для восстановления своего войска, т. е. получить то, что не предоставили ему Святослав и Рюрик. Упоминание Пирогощей в «Слове о полку Игореве»

дополняет Ипатьевскую летопись, указывая на деловую сторону пребывания Игоря в Киеве[1].

Зоологические последовательности. Были ли они?

В этой главе мы показали, что в нескольких местах поэмы автор перечислял своих героев в виде иерархической, а разные земли — в виде географической последовательностей. Этим он соблюдал традиции, существовавшие в современной ему литературе и летописании. Естественно, возникает вопрос, не составляют ли звери и птицы в поэме какую-либо последовательность, например своеобразную иерархическую? Не исключено также, что эти звери и птицы составляют последовательность совсем иную, неизвестную доселе — зоологическую. Попытаемся раскрыть принцип, положенный в построение очередности этих животных.

Названия различных животных в форме перечислений встречаются в некоторых древнерусских письменных источниках. Посмотрим, по каким признакам такие перечисления строились.

В «Русской правде» (юридическом документе XI—XII вв.) содержатся статьи, в частности, о порядке взимания штрафов за присвоение чужих орудий лова и охотничьей добычи, например:

[1] Причину, побудившую Игоря ехать к Пирогощей, Д. С. Лихачев объясняет иначе, а именно: Игорь будто бы дал обет отправиться на поклонение к богородице в случае своего спасения из плена (Пирогощая была церковью богородицкой). Д. С. Лихачев между тем отмечает в книге «Слово о полку Игореве» и культура его времени» (Л., 1978, с. 211—228), что в летописях и в «Слове» никаких указаний на этот обет нет. Развивая свое предположение об обете, Д. С. Лихачев отмечает, что Игорь, оказавшись в Киеве, не должен был идти в главные богородицкие храмы — Десятинную и Софию, поскольку он не был киевским великим князем; он мог пойти лишь во второстепенную богородицкую церковь, в Пирогощую. Однако эти представления вызывают вопросы. Почему, например, в упомянутой книге выбрана Пирогощая, а возможность посещения Игорем других богородицких церквей — Благовещенской, что на Золотых воротах, Успенской в Печерском монастыре и Влахернской — не рассматриваются? Далее. Почему предполагаемый обет дан богородице — значительно более вероятным был бы обет Христу, поскольку, согласно Ипатьевской летописи, именно к нему Игорь обращался с молитвами дважды: сразу после трагического поражения и непосредственно перед успешным побегом (богородица же в летописи не упоминается). Поэтому можно было бы ожидать поездки Игоря к киевскому Спасу-на-Берестове или главному черниговскому храму Спаса (немаловажно отметить, что в собственном городе Игоря — Новгороде-Северском — кафедральным собором был Спасский). Наконец, почему предполагаемый обет Игоря богородице столь незначителен: обычно князья в случае своего спасения давали обет не просто совершить церковный благодарственный обряд в честь небесного избавителя, а поставить в его честь новую церковь.

В голубе и в куряти 9 кун, а в утке и в гусе, и в жераве, и в лебеди 30 резан[1].

По существовавшему в XII в. курсу валют (куны и резаны) за утку, гуся, журавля или лебедя брали штраф приблизительно в полтора раза больший, чем за голубя или куропатку. Ясно, что этот ряд охотничьей дичи построен на основе денежной ценности, а не по зоологическим признакам.

В «Слове о богаче» обнаруживаем такое перечисление:

на обеде же... тетеря, гуси, жеравие и ряби, голуби, кури, заяци и елени (т. е. тетерева, гуси, журавли, рябчики, голуби, куропатки, зайцы и олени)[2].

Перед нами последовательность, отражающая явно гастрономические вкусы, а не какие-либо зоологические особенности этих животных.

Владимир Мономах в «Поучении» рассказывал, в частности, о своих приключениях на охоте (в переводе):

А это в Чернигове со мной случилось: диких коней своими руками вязал в пущах — 10 и 20 живых коней, а кроме того, по Роси ездя, брал своими руками таких же коней.
Туры меня дважды метали на рога, и с конем.
Один олень меня бодал.
А два лося: один ногами топтал, а другой рогами бодал.
Кабан мне бедро рассек.
Медведь у моего коня чепрак прокусил — лютый зверь вскочил на моего коня сзади и коня вместе со мною поверг[3].

В этих охотничьих микрорассказах Владимира Мономаха животные оказались расположенными в таком ряду, в котором нетрудно увидеть признаки современной научной систематики. Так, сначала названы дикие кони (отряд непарнокопытных). Далее следуют чередой четыре вида из отряда парнокопытных: туры (семейство быков), олень и лоси (семейство оленей) и, наконец, кабан (семейство свиней). Завершает ряд медведь (отряд хищных). Разумеется, было бы наивным считать, что этот ряд был построен Мономахом на основе научных знаний. Систематика как наука возникнет через полтысячи лет после описанных событий, в XVII в.

[1] Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 4. М., 1973, с. 162.
[2] Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 5, 1978, с. 45.
[3] Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1973, с. 39.

Нам представляется, что у Владимира Мономаха через все его рассказы проходит тема трудностей и опасностей на охоте. Названные первыми дикие кони, хотя и имели неукротимый нрав (они практически не поддавались приручению), но были довольно легкой добычей: в разных местах Мономах этих коней брал и вязал «руками» и буквально «десятками», причем не подвергаясь опасности. Названные далее крупные рогатые животные — туры, олень и лоси — представляли явную опасность для князя-охотника, причем наиболее опасными из них были, судя по всему, могучие великаны лоси. Еще более опасны кабаны, которые обычно бесстрашно бросаются на преследователя. Это испытал на себе Мономах, получивший от страшных клыков кабана кровавую рану. Заключительный и самый детальный рассказ о медведе. Нападение этого сильного, ловкого и свирепого хищника представляет для человека смертельную опасность. Не случайно Владимир Мономах снабдил медведя выразительной характеристикой: лютый зверь.

Поведение всех этих животных определялось в значительной мере самой княжеской охотой, на которой им обычно наносили ранения стрелами и загоняли, стараясь добить окончательно. Понятно, в таком безвыходном положении животные защищались, каждый в силу своих возможностей. Их агрессивность была вынужденной. Как видим, в «Поучении» Владимира Мономаха этот ряд животных лишь внешне отражает зоологическую последовательность, по существу же это охотническая последовательность, построенная по принципу постепенного возрастания опасности для охотника: от животных, названных первыми, к животным, названным последними.

Количество письменных источников, в которых перечисляются различные животные, можно было бы увеличить, но во всех них порядок перечисления был каким угодно, но не зоологическим.

По какому же правилу расположены в тексте животные в «Слове о полку Игореве»?

В первой сцене («Перед битвой») сначала названы водоплавающие птицы — лебеди (семейство утиных), затем хищные млекопитающие — волки (семейство собак), далее следуют хищные птицы — орлы (семейство ястребиных), снова хищные млекопитающие — лисицы (семейство собак), следом идут безобидные соловьи (семейство дроздовых) и всеядные галки (семейство вороновых).

Во второй сцене («Побег Игоря») сначала названы птицы — вороны, галки и сороки (семейство вороновых), затем змеи — полозы (семейство ужей), далее вновь птицы — дятлы (семейство дятловых) и, наконец, соловьи (семейство дроздовых). К этой же сцене относятся гуси и лебеди (семейство утиных).

Как видим, в этих рядах самые разнообразные животные следуют один за другим вперемешку, вне логики построения по внешним признакам или типу питания.

Рассмотрим построение этих рядов по признаку суточной активности животных.

Перед битвой эпизод с «кричащими» телегами, в котором упомянуты лебеди, происходил, как об этом специально сказано в поэме, в полночь. Эпизод с волками мог бы происходить в любое время суток, разумеется, в сезон волчьих воев. Эпизод с орлами, созывавшими зверей на кости, — днем (орлы — птицы дневные, но из поэмы следует, что они клекотали ночью, что противоречит их биологическим особенностям). Эпизод с лающими лисицами мог бы происходить также в любое время суток, разумеется, в сезон лисьих лаев. Два последних эпизода — с галками и соловьями — приходилось на предрассветную пору. В итоге, если пренебречь фенологическими ограничениями, образуется такой временной ряд: полночь — неопределенное время суток — день — неопределенное время суток — исход ночи.

В период побега Игоря из плена действовали сначала вороны, галки и сороки (все птицы дневные), затем — полозы (эти змеи наиболее активны в утренние и вечерние часы), далее — дятлы (птицы дневные) и соловьи (пели на рассвете: рассвет возвещали). Временной ряд для этой сцены выстраивается так: день — день — день — утро (или вечер) — день — исход ночи.

Как видим, в обеих сценах ряды животных построены не по признаку суточной активности.

Таким образом, в построении рядов животных в поэме зоологическая логика не проявляется ни в чем. Этих животных не объединяют ни внешний вид, ни способ питания, ни места обитания, ни время суточной активности, ни какие-либо другие биологические признаки. С зоологической точки зрения собранные в этих двух сценах животные составляют случайную очередность: зоологической последовательности нет.

Всматриваясь в видовой состав животных, действовавших в «Слове о полку Игореве» как самостоятельные персонажи, невольно задаешься вопросом, почему в поэме выступают такие невыигрышные в художественном отношении животные, как, например, полозы, дятлы, галки и сороки? А между тем древнерусская литература до XII в. знала многих животных.

В различных письменных источниках упоминаются все без исключения животные, действовавшие в «Слове»: волки, лиси-

цы, полозы-змеи, гуси, лебеди, орлы, дятлы, соловьи, сороки, галки, вороны. Но, кроме того, в источниках названы и многие другие животные (часть из них была упомянута выше): дикие кони, туры, олени, кабаны, медведи, куницы, бобры, зайцы, утки, ястребы, куропатки, тетерева, рябчики, журавли, голуби, горлицы. Археологические находки из древнерусских городищ лесостепной зоны до XIII в. существенно расширяют разнообразие известных по письменным источникам животных. По костным остаткам определены суслики, байбаки, рыси, хорьки, барсуки, выдры, зубры, косули, глухари, пеликаны.

Названия многих животных из глубины веков донес до наших дней фольклор. В первом сборнике русских былин, составленном Киршей Даниловым, находим названия почти всех зверей и птиц, выступавших в «Слове» как действующие лица (исключение составляют дятлы). Но, кроме того, в этих былинах упомянуты бобр, медведь, куница, соболь, горностай, тур, олень, кабан, селезень (утка), сокол, кречет, кулик, голубь и др. В трехтомном сборнике русских народных сказок, собранных А. Н. Афанасьевым, также находим названия почти всех животных из «Слова» (за исключением дятлов и галок). Интересно, что в этих сказках, по наблюдениям С. А. Плетневой[1], практически все животные из тех, что действовали в «Слове», оказываются помощниками героев сказок, но соловьи и змеи, наоборот, врагами (в «Слове» же соловьи и полозы-змеи никакого вреда Игорю не причиняют). В этих же сказках действовали также еж, заяц, медведь, олень, утка, сокол, ястреб, журавль, голубь, малиновка, воробей и многие другие — всего около 70 видов самых разнообразных животных.

Среди всех этих животных, относящихся ко многим десяткам видов, без труда можно было бы обнаружить и отобрать достаточное количество персонажей с такими ярко выраженными особенностями, какие в полной мере соответствовали бы отведенной им роли. Но в «Слове» выступают животные именно тех одиннадцати видов, названия которых мы неоднократно перечисляли. Некоторые из них действительно в художественном отношении представляются невыигрышными и невыразительными. И все они в поведенческом отношении оказываются «странными».

Мы еще раз подчеркиваем, что практически во всех многочисленных сравнениях и метафорах автор поэмы не совершил ни одной «биологической» ошибки. Тем острее встает вопрос о том, почему в поэме, автор которой знал поведенческие особенности животных, оказались явные несоответствия при описании жи-

[1] Плетнева С. А. Животный мир в русских волшебных сказках. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 388.

вотных, выступавших в роли действующих лиц. Вопрос о причинах неестественности поведения этих животных тем острее еще и потому, что автор поэмы, как гениальный писатель, был необычайно эрудированным для своего времени человеком. Это отмечается всеми исследователями «Слова». Его поистине энциклопедические знания распространялись на самые различные стороны жизни. Автор знал современность и старину, военное дело и соколиную охоту, феодальные межкняжеские отношения и русскую географию. Как мы показали в этой главе, в своих призывах к единству, обращенных к князьям, он применил правило географических последовательностей: русские княжества перечислены с востока на запад. Автор поэмы знал и половецкую географию. Таинственный див призывал «послушать» различные территории половцев, перечисленные также с востока на запад, т. е. и для Половецкой земли он применил правило географических последовательностей.

Материалы, рассмотренные в этой главе, приводят к неожиданному, как может показаться, парадоксальному, предположению о том, что в «Слове о полку Игореве» действовали не различные многочисленные звери и птицы, а орды половцев. Эти половецкие орды носили имена-названия своих тотемов, т. е. родовых мифических предков-животных (например, Волки — это орда половцев, тотемом которой считался зверь волк).

Следующая, заключительная, глава посвящается обоснованию выдвинутой здесь гипотезы — гипотезы о половецких тотемах.

Итак, тотемы.

ТОТЕМЫ

Тотемы. У всех народов мира на ранних этапах их развития была особая религиозная система, носящая название «тотемизм». Согласно тотемизму, живущие своим родом люди-родственники считали одним из основателей их рода некое существо (или вещество) из окружающей среды. Это и был тотем. Тотемами чаще всего считались животные, но в редких случаях — растения и даже неживые предметы и явления природы. Во времена первобытного общества фантазия людей, находившихся в большой и тяжелой зависимости от окружающей природы, легко порождала и воспринимала эти представления о нереальном, по существу сверхъестественном родстве. Тотем для рода был предметом религиозного почитания, хотя ему и не поклонялись как божеству. Тотем был родоначальником, старшим родственником, и он пользовался соответствующим уважением. В глазах людей рода он был их советчиком, помощником и покровителем. Род носил имя (название) своего тотема, как бы фамилию.

Тотемы
Половецкой земли

Прежде чем рассматривать вопрос о тотемах в «Слове о полку Игореве», нужно ответить на вопрос, были ли тотемы у половцев именно в те времена, когда они соседствовали с Русью, т. е. во времена описанных в «Слове» событий. Обратимся к соответствующим литературным источникам.

Тотем волк

«Повесть временных лет» сохранила особенно ценный для нас эпизод из похода хана Боняка, состоявшегося в 1097 г.:

> ...сташа начлегу, и яко бысть полунощи, и встав Боняк отъеха от вой, и поча выти волчьскы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози...[1]

Боняк из этого общения с волками хотел узнать исход предстоящего сражения. Как видно, Боняк очень хорошо знал повадки волков. Вступая с ними в звуковое общение, он не случайно выбрал ночь — время суток, когда волки обычно воют. Он не случайно встал и отъехал от войска в сторону, понимая, что вблизи войска, даже расположившегося на ночлег и притихшего, волков нет. Волк, первым отозвавшийся на вой Боняка, был вожаком. За ним в перекличку включились и остальные. Из описания этого эпизода видно, что летописец был также знатоком волчьих повадок. В этом предельно кратком описании названы только необходимые обстоятельства и только непосредственные участники, и все это в безупречной последовательности. Ни одного лишнего слова. А слова-то какие! Можно ли сказать лучше, чем «и волк отвыся ему»?

Историк и археолог С. А. Плетнева, комментируя этот летописный отрывок, приходит к выводу: «Связь Боняка, соединяющего функции хана и жреца, с тотемом и покровителем — «волком» несомненна»[2].

Тотем змея

На Северском Донце, в окрестностях города Змиева (ныне город Готвальд), как полагает С. А. Плетнева, в XII в. жили половцы. Сам Змиев был половецким становищем. В названии Змиева, происходящем от слова «змея», С. А. Плетнева видит его связь с половцами. Она пишет: «Змея была, видимо, одним из тотемных зверей половцев-кипчаков»[3].

[1] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 4. Л., 1973, с. 148.

[2] Плетнева С. А. Половецкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975, с. 282.

[3] Там же, с. 270.

В фольклоре, прежде всего в былинах, обнаруживаются многочисленные подробности русско-половецких отношений. В циклах былин «Добрыня и Змей» и «Алеша Попович и Змей» символом внешнего врага был Тугарин Змеевич (или Тугарин Змей, или Змеище Тугарыще, или Змей Тугаретин, или Змеишко и т. п.). Связь Тугарина Змеевича со змеей очевидна. Для нашей темы ценным оказывается то, что былины почти никогда не наделяют его какими-либо змеиными внешними признаками. Он имел вполне человеческую внешность, правда, рост его был устрашающе велик, он был ненасытным, наглым, надменным врагом. И от змеи у Тугарина было разве что прозвище.

Прообразом Тугарина Змеевича был живший в самом конце XI в. хан Тугоркан (или Тугор хан). Он был главой большой половецкой орды, кочевавшей в междуречье Днепра и Северского Донца. О его набегах на Русь летописи сообщают неоднократно. Иногда Тугоркан совершал набеги, объединяясь с Боняком. Набеги Тугоркана отличались необычайной жестокостью. И наверное поэтому его недоброе имя и его образ змея-похитителя сохранились в фольклоре на многие века. Тугарину Змеевичу, змею-похитителю, герою многочисленных былин, как считают В. Г. Смолицкий, Б. А. Рыбаков и Ю. И. Смирнов, присущи исторические черты половцев.

Тотем лебедь

Одно из названий половцев — кумане. Оно происходит от слова «кум», что в переводе означает «лебедь». Древняя карта, составленная Идриси в XII в., расшифрованная Б. А. Рыбаковым[1], показывает, что в степях Северного Причерноморья располагались Внутренняя Кумания (собственно Половецкая земля) и Внешняя Кумания (территория половцев в приграничных районах с Русью).

Одним из тотемов половцев был лебедь. Это доказано во многих исследованиях по истории, филологии, тюркологии.

Тотем гусь

Имя половецкого хана Гзака (Гзы, Кзы, Козы), по мнению И. Н. Березина, происходит от слова «каз», что в переводе с тюркского означает «гусь».

Тотем пардус (гепард)

В «Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» (с. 57) приведена ссылка на древний литературный источник, в котором проводятся сравнения разных народов с теми или иными животными. В частности, там сказано, что «куманинъ пардусь есть».

[1] Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 года. — Кр. сообщ. ИИМК, 1952, вып. 43, с. 44.

Тотем тур (первобытный бык)

О том, что одним из тотемов половцев-кипчаков был первобытный бык, или тур говорится в работах С. Е. Малова и А. Н. Робинсона.

Тотем ворон

В былине «Алеша Попович освобождает Киев от Тугарина» так описывается выезд Тугарина на Киев с целью его захвата:

Да и едёт Тугарин-от да Змеёвиц же,
Да и едёт Тугарин да забавляицсе;
Впереди-то бежат да два серых волка,
Два серых-то волка да два как выжлока;
Позади-то летят да два черных ворона[1].

Упоминание волков и воронов дало основание Б. А. Рыбакову считать, что в этой былине нашли отражение половецкие набеги на Русь.

При специальном исследовании половецкого тотемизма приведенный перечень может быть уточнен и, без сомнения, расширен. Количество отдельных родов или племен (носителей имен своих тотемов) было неизмеримо больше, чем количество тотемов в нашем перечне. Об этом можно судить из того, что половцы занимали обширнейшую территорию от Волги до Днепра и от берегов Черного и Азовского морей — на юге до границ степи с лесостепью — на севере. Половцы были многочисленным народом. Они представляли серьезную военную силу, постоянно угрожая не только Руси, но и Византии и другим странам (территориальному устройству Половецкой земли и делению половецкого общества на орды, племена и межплеменные объединения посвящено подробное исследование С. А. Плетневой). Количество тотемов у половецкого народа, очевидно, было немалым. До нас дошли названия лишь отдельных тотемов. В некоторых древних письменных источниках половцы как народ в целом названы одним общим тотемом, например лебедем, пардусом или туром. Так случалось, по-видимому, потому, что авторы имели дело с каким-либо одним-единственным родом или племенем, ошибочно полагая, что это тотемное название (или самоназвание) относится ко всему народу.

Что известно о половцах из истории? Они появились в степях Восточно-Европейской равнины в середине XI в., вытеснив оттуда торков и печенегов. Соседство половцев с Русью продолжалось менее двухсот лет, вплоть до нашествия Батыя. Половцы были кочевым тюркоязычным народом. За короткий

[1] Добрыня Никитич и Алеша Попович. Былины. М., 1974, с. 188. (Литературные памятники).

исторический срок они прошли значительный путь социального развития, что убедительно показано исследованиями С. А. Плетневой. Она выделяет четыре периода в истории половцев.

Первый период — с середины XI в. до 20-х гг. XII в. — период военной демократии, период низшей стадии кочевания — таборного. Для таборного кочевания характерно отсутствие строгого закрепления за отдельными ордами постоянных зимовок и пастбищ. В этот период кочевники проявляют высокую агрессивность по отношению к соседним странам, например к Византии, и особенно к своему ближайшему соседу — Руси. Во время ведения войн у половцев образуются непрочные временные объединения различных орд (известны опустошительные набеги на Русь объединенных орд ханов Тугоркана и Боняка, Боняка и Шарукана и др.). Русь с большим трудом сдерживает натиск кочевников. Дело усугубляется тем, что часть князей заключают с половцами мир и приглашают их принимать участие на своей стороне в русских междоусобных войнах. Все это ослабляло общенациональную оборону. Но в конце периода Владимиру Мономаху удается собрать вокруг себя русских князей и организовать серию победоносных походов, которые, хотя и на время, но прекратили половецкие набеги.

Второй период — с 20-х до 60-х гг. XII в. Для него характерна следующая ступень кочевания: за отдельными ордами закрепляются постоянные зимовки и пастбища. Это значит, что произошло внутреннее политико-административное деление Половецкой земли. Следовательно, обозначились и ее внешние границы, хотя такие границы не всегда были устойчивыми. Половецкая земля после недавних побед Владимира Мономаха проявляла относительно небольшую военную активность.

Третий период — вторая половина XII в. Он характеризуется постоянным и интенсивным общением Половецкой земли с Русью. С Русью половцы воюют и замиряются, вновь участвуют на стороне отдельных князей в междоусобицах, торгуют и заключают династические браки (этот период примечателен и тем, что половецкая аристократия, по крайней мере ее часть, подвергается христианизации). В Половецкой земле появляются мощные объединения орд, например Донецкое во главе с Кончаком. Власть все более концентрируется в руках немногих ханов.

Четвертый, последний, период — конец XII — первые десятилетия XIII в. Наметившиеся в предыдущем периоде преобразования продолжаются. Хозяйство становится полукочевым. Родовой строй постепенно отмирает. Складывается раннефеодальное государство. Агрессия по отношению к Руси прекратилась, половцы самостоятельных походов на Русь не совершают. В конце периода Половецкая земля подверглась нападению орд Чингисхана. Под их ударами в 30-х гг. XIII в. она потер-

пела полное поражение и как самостоятельное государство перестала существовать.

Представление о половецкой истории не будет полным, если не упомянуть о философски-религиозных воззрениях половцев. «Повесть временных лет» отмечает, что половцы были отсталыми племенами, вели такой образ жизни, какой был у славянских племен (предков русского народа) до принятия христианства, т. е. половцы были язычниками (язычники же, согласно летописи, жили «звериным обычаем» — «звериньским образом»).

Во времена военной демократии у половцев установился патриархальный строй, но признаки матриархата все еще оставались. Женщины пользовались почетом, они даже могли служить в войске, в их честь ставились каменные скульптуры.

Половецкая скульптура — это целое явление. Идею изображать человека из камня половцы принесли с собой со своей прародины, из Центральной Азии. В причерноморских степях ранние статуи были грубыми, эскизными, почти схематичными. Но начиная с середины XII в. многие изваяния выполняются очень тщательно и выглядят подлинными произведениями искусства. Скульптуры ваяли из твердого известняка, из монолитов. Человека изображали в натуральную величину или немного крупнее, стоящим или сидящим. Скульптуры изображали мужчин и женщин. Поражает разнообразие изображенных людей. Разнообразны портретные черты. Разнообразно одеяние. Головные уборы могли быть в виде боевого шлема, едва намеченной шапочки или высокой, часто пышной, обрамленной живописно заломленными полями шляпы. Разнообразны кафтаны с их бесчисленными особенностями покроя и узоров-орнаментов на рукавах, груди и полах. Разнообразны и украшения — нашейные гривны и бусы. Но для всех без исключения половецких скульптур характерно положение рук: они всегда прижаты, слегка согнуты в локтях, на животе держат некую чашу. Назначение чаши (как, впрочем, и самих скульптур) остается в значительной мере неясным. Фламандский путешественник Виллем Рубрук побывал в донских степях вскоре после гибели половецкого государства. Он писал, что «Куманы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку». Многие исследователи воспринимают женские изваяния как изображение общетюркской богини Умай. Однако остается необъясненным ее портретное многообразие. С мужскими скульптурами вопросов меньше. Они изображают ханов или воинов — представителей народившейся и набравшей силу половецкой аристократии. Не случайно поэтому в конце половецкой истории, когда начали развиваться феодальные отношения, доля мужских скульптур резко возросла, женских скульптур стало меньше. Таким образом, отголоски матриархата становились все более и более глухими.

Скульптура половцев связана с одной из форм язычества — культом предков. Наши познания о половецком культе

предков весьма ограничены. Г. А. Федоров-Давыдов[1] в своих исследованиях делает заключение, что поздняя скульптура половцев выражает образ мифического предка-героя, возможно бога. О религии половцев известно мало. Твердо установлено, что они были язычниками. Правда, в конце половецкой истории появились первые признаки христианизации. В летописях встречаем имена нескольких половцев: Глеб Тирпеевич (1183), Роман Кзич (1185), Лавр (Овлур, 1185), Данила Кобякович (1203), Юрий Кончакович (1223). Ясно, что это христианские, календарные имена. Любопытно, что два половца носили славянские имена — Глеб и Юрий. Трое были сыновьями ханов Кобяка, Гзака и Кончака, упомянутых в «Слове», а Лавр и Роман принимали непосредственное участие в событиях Игорева похода. Однако христианизация половцев касалась только незначительной части аристократической верхушки. В своей массе половцы, безусловно, оставались язычниками. Но язычество их было неоднородным. Во всяком случае, нельзя не заметить, что в их культе предков было два варианта язычества. Первый вариант: культовый предок выражался в виде животного (тотема). Второй — божество выражалось в виде человека (каменные изваяния общетюркской богини Умай). Оба варианта язычества у половцев существовали одновременно. Наиболее древним было язычество с предками-животными. Этот тотемизм пришел из глубины веков из родового матриархального общества. Конечно, у половцев в XII в. тотемизм представлял собой в значительной мере старую родовую традицию, он стал данью прошлому. В противоположность этому язычество с изображением божества в виде человека достигло своего зенита, оно соответствовало идеологии нового классового общества с развитой иерархической структурой, с развивающимися феодальными отношениями.

На Руси также происходила смена религий. Д. С. Лихачев подробно исследовал этот процесс[2]. Он пишет, что двоеверие — это переходный период. Оно не есть одновременное существование двух религий на равных основаниях. К концу XII в. христианство на Руси одержало полную победу над язычеством, и язычество перестало выступать действующей религией. Но пережитки язычества в виде разнообразных обрядов, обычаев, суеверий и фольклора были еще очень сильны, и с ними церкви приходилось вести тяжелую борьбу. Даже в «Слове о полку Игореве» автор поэмы, без сомнения христианин, пользовался образами языческих славянских богов: Велеса, Стрибога, Даждьбога и Хорса. Итак, двоеверие — это

[1] Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды (памятники древнерусского искусства). М., 1976.

[2] Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». — В кн.: Великое наследие. Классические произведения Древней Руси. М., 1975, с. 34.

этап смены религий, на котором новая религия господствует, а старая, потеряв свое идеологическое значение, продолжает существовать в виде традиции.

Половецкая скульптура, помимо культового, имела и различительное значение. Взять хотя бы орнамент на одежде. Известно, что отдельные элементы орнамента — треугольники, прямоугольники, круги, ломаные и изогнутые линии — все это знаки-символы. В древности различия в рисунках орнаментов вовсе не отражали местные вкусы или капризы моды. Это была серьезная информация. И современники ее понимали. Обычно орнамент обозначал родовую или племенную принадлежность. Различительными признаками могли быть рисунки и расцветка скульптур. Не исключено, что половецкие изваяния, как и античные мраморные, были раскрашены. Не исключено, что на половецких изваяниях была татуировка (обычай древних кочевых народов покрывать тело человека татуировкой с изображениями животных подтверждается археологическими находками). Доподлинно неизвестно, раскрашивали ли половцы свои скульптуры. Во всяком случае, время полностью стерло всякие следы раскраски. Остались только выполненные в камне рельефные орнаменты, да еще большое разнообразие покроев одежды.

Над степными просторами возвышается в неподвижности каменная «баба». Устремлены на восток ее глаза. Плотно сжаты ее каменные губы. Она молчит. Но хочется надеяться, что половецкая скульптура, как замечательное явление в искусстве причерноморских степей, еще расскажет о себе. Половецкие скульптуры ждут своего исследователя. И кто знает, может быть, скоро благодаря всестороннему изучению станет твердо установленным то, что сейчас выглядит лишь слабой догадкой. Будут проделаны новые подробные исследования родовых и племенных взаимоотношений половцев, их географической расселенности и переселений, развития их общественного уклада. И конечно, будут продолжены исследования самих скульптур — явления замечательного. Античная скульптура приобрела широкую известность в значительной степени благодаря тому, что ее отдельные произведения изображают конкретных исторических лиц или известных по мифологии богов и героев. Половецкая же скульптура в историческом смысле безлика, безымянна. Изваяния остаются не связанными с конкретными историческими или мифологическими событиями. Все это снижает ее известность, несмотря на уникальность.

Звери и птицы в «Слове о полку Игореве» — половецкие тотемы

В предыдущем разделе было показано, что у половцев во времена их соседства с Русью тотемизм существовал, но уже начал вырождаться. Теперь перейдем к решению главного вопроса: содержатся ли в самом «Слове о полку Игореве» явные указания или хотя бы глухие намеки на половецкие тотемы?

Ранее мы выявили две группы животных. В первой группе оказались звери и птицы, действовавшие перед битвой Игоря с половцами: лебеди, волки, орлы, лисицы, соловьи и галки. Во второй — звери и птицы, действовавшие во время побега Игоря из плена: вороны, галки, сороки, полозы, дятлы, соловьи, а также гуси и лебеди. Мы видели, что поведение практически всех этих животных во всех эпизодах не соответствовало сезону года, их умственным способностям или реальным обстоятельствам на месте событий.

Но все недоумения по поводу поведенческих странностей животных исчезнут, если принять выдвинутую выше гипотезу о том, что в поэме говорится не о зверях и птицах, а о различных ордах половцев, названных по их родовым тотемам. Ясно, что это очень ответственная гипотеза, и она требует самых серьезных обоснований. В этой главе мы попытаемся обосновать гипотезу о половецких тотемах в «Слове о полку Игореве».

Начнем с того, что обратимся к отложенному эпизоду с «кричащими» телегами, на наш взгляд, непонятному месту, но занимающему между тем ключевое положение в проблеме тотемизма в «Слове».

Еще во времена первого издания «Слова о полку Игореве» было обнаружено довольно много отдельных слов и кусков текста, смысл которых не поддавался раскрытию или вызывал резко различающиеся суждения. Усилиями исследователей некоторые из таких «темных» мест стали теперь понятными, другие же остаются «темными» и поныне. Появление «темных» мест объясняется обычно тем, что средневековые переписчики по незнанию или по небрежности допускали при переписке ошибки и искажения. По-видимому, в «Слове» некоторые места оказались «темными» при подготовке первого издания А. И. Мусиным-Пушкиным и его помощниками. Первоиздателям пришлось

много поработать над разбивкой исходно сплошного древнего текста на отдельные слова и фразы, над переводом и комментариями. Это была сложная работа, в которой легко было сделать ошибки.

Работая над текстом «Слова о полку Игореве», каждый исследователь воспринимает его по-своему. Своеобразие восприятия, или прочтения, при письме выражается, в частности, соответствующими знаками препинания. Если текст ясен, то его пунктуация окажется сходной и даже одинаковой у всех исследователей. И наоборот, если различные исследователи в одном и том же месте текста ставят каждый свои знаки препинания, причем резко различающиеся по значению, то это указывает на явные трудности его понимания, на неясность, «темность». К таким местам, как нам кажется, относится небольшая часть текста из приведенного отрывка поэмы, в котором говорится о «кричащих телегах» и об Игоре, ведущем к Дону своих воинов.

Многообразие вариантов знаков препинания внутри этого текста поистине ошеломляет. А. И. Мусин-Пушкин в первом издании сплошной текст древней рукописи разбил так:

> А Половци неготовами дорогами побегоша к Дону Великому; крычат телегы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь к Дону вои ведет...[1]

Такая разбивка выражала понимание текста первыми издателями. XIX и XX века дали большое количество вариантов разбивки этого небольшого текста. При нашем рассмотрении ограничимся вариантами разбивки в изданиях последних десятилетий.

Внутри приведенного текста из четырех мест, в которых полагается ставить знаки препинания, только в одном-единственном все исследователи и переводчики единодушно поставили один и тот же знак: запятую после слов «крычат телегы полунощы». На остальные три места приходится более десятка резко различающихся пунктуационных вариантов. Казалось бы, чего проще: взять для каждого из этих мест чаще всего встречающиеся знаки и получить таким образом «среднюю», или «типичную», разбивку. Но это будет механический суррогат, ничего общего не имеющий с плодом творческого поиска. Успех поиска, разумеется, зависит от правильности понимания текста. Смысловой центр этого краткого текста, по-видимому, находится в словах «крычат телегы». Поскольку реальные телеги кричать не могут, то глагол «крычат» обычно переводят как «скрипят». В некоторых переводах телеги остаются кричащими, но в пояснениях указывают, что тележный крик — это не что иное,

[1] Цит. по: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960, с. 77.

как тот же скрип немазанных телег, далеко разносящийся по ночной степи.

Автор поэмы чрезвычайно тонко чувствовал свой родной древнерусский язык. Кричащие телеги неотделимо вплетены в словесную ткань поэмы и находятся в определенной связи с предыдущим и последующим текстами. И соответствующие знаки препинания должны выразить эту связь. Посмотрим, как в новых изданиях устанавливаются логические отношения между отдельными фразами, входящими в наш отрывок.

В разбивке текста из трех фраз можно выявить три варианта логической связи.

Первый вариант. Выражение ***«крычат телегы полунощы, рци лебеди роспущени»*** тесно связано с предыдущим текстом (посредством двоеточия) и отделено от последующего текста точкой. Читаем в переводе В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго[1]:

> *А половцы неторными дорогами побежали к Дону великому:* [связывающее двоеточие] ***скрипят телеги полуночью, словно лебеди распуганные.*** [отделяющая точка] *Игорь к Дону войско ведет.*

Второй вариант. То же выражение отделено и от предыдущего, и от последующего текстов точками. Читаем в переложении Л. И. Тимофеева[2]:

> *А половцы неготовыми дорогами*
> *Побежали к Дону великому.* [отделяющая точка]
> ***Кричат их телеги в полунощи,***
> ***Словно лебеди перепуганные.*** [отделяющая точка]
> *Игорь к Дону ведет воинов.*

Третий вариант. То же выражение отделено от предыдущего текста точкой с запятой и связано с последующим текстом двоеточием, за которым следует прямая речь. Читаем в переводе Д. С. Лихачева (1953 г.)[3]:

> *А половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому;* [отделяющая точка с запятой] ***кричат телеги их в полночи, словно лебеди распущенные:*** [связывающее двоеточие и далее следует прямая речь] *«Игорь к Дону воинов ведет!»*

[1] Ржига В. Ф., Шамбинаго С. К. «Слово о походе Игоревом, сына Святославова, внука Олегова». — В кн.: Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения. М., 1961, с. 22.

[2] Тимофеев Л. И. Песня о походе Игоря. — В кн.: Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения. М., 1961, с. 163.

[3] Лихачев Д. С. «Слово о походе Игоря, сына Святославова, внука Олегова» (прозаический перевод). — В кн.: Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л., 1953, с. 69. (Библиотека поэта, малая сер.).

В пределах каждого из трех вариантов у разных исследователей и переводчиков встречаются свои пунктуационные оттенки. Они отражают различия в силе разбивки текста — от смыслового связывания двоеточием до строгого разрыва точкой с абзацем. Встречаются также различные эмоциональные оттенки: применение восклицательных знаков или многоточий... Но все эти оттенки не меняют сути дела. Как мы видели, в современной литературе по «Слову» одновременно существуют все три варианта связывания — разъединения отдельных фраз в пределах этого отрывка. Четвертого варианта быть не может. Логические отношения внутри этого текста еще не установились, не стали общепринятыми, а следовательно, это место действительно представляется «темным».

Трудность прочтения этого текста вызвана, по-видимому, общей ошибкой в раскрытии смысла слов «крычатъ телегы» в значении «скрипят телеги». Тележный скрип попал в литературу через первое издание поэмы. Там переведено: «скрыпятъ возы в полуночи». Нам представляется, что скрипа телег-возов как такового не было. Во всяком случае, если он и был, то не о нем написано в поэме. В поэме написано о крике людей, находившихся на телегах. Кричали половцы. Что это был за крик? Были ли это нечленораздельные звуки, вырывавшиеся из уст насмерть перепуганных и разбегавшихся половцев? Нет. Половцы подняли крик именно тогда, когда обнаружили русских, когда русские в ночь с 9 на 10 мая вошли в густонаселенные районы Половецкой земли. В это время никаких столкновений еще не было. Первое сражение произойдет позже, утром 10 мая. А тогда, ночью, русские за половцами не гнались. И потому им разбегаться следовало бы потихоньку, стараясь ничем себя не обнаружить. Но половцы кричали. Это не был крик страха. Это был крик-информация. Содержание информации не нужно домысливать. Оно тут же, рядом, в соседней фразе:

«Игорь к Дону вои ведет!»

Эта фраза передавалась от телеги к телеге, из уст в уста. Половецкие сторожа-наблюдатели были расставлены на всем протяжении приграничной степи. Для половцев телега — это и дом, и транспорт, и наблюдательный пункт. Любая сторона — наступающая или обороняющаяся — нуждается в безотказной быстродействующей системе связи. В системе связи человеческая речь способна передать на значительное расстояние неограниченно большой объем информации. Такая скорость передачи информации несравненно выше, чем с помощью, например, гонца. Другие виды передачи информации, как, например, дымовая или огневая сигнализации, хотя и действуют быстро, но количество условных сигналов у них весьма невелико. Итак, передается фраза:

«Игорь к Дону вои ведет!»

Здесь сказано все. Сказано, что в половецкой степи появился русский князь Игорь. Сказано, что он появился со своими воинами. Наконец, сказано самое главное, что он направляется именно к Дону. Словом, информация предельно полная и к тому же предельно краткая. Этот клич перекатывался по степи из края в край и как эхо возвращался и вновь улетал, то и дело перекрещиваясь на невидимых несчетных своих воздушных путях. Многократно повторенный и выверенный, он достигал и отдаленных кочевий, и ставок грозных ханов. И очень скоро новость становилась известна всем.

Интересно, что в древности существовала теперь полностью забытая мера длины — окрик, или крик. Окрик — это расстояние, на которое слышен человеческий голос. По сведениям В. В. Даля, в одной русской версте содержалось 3 - 4 окрика. Г. Я. Романова считает, что меры длины, определяемые на слух, очень древние и очень несовершенные. Они непригодны в лесных и горных местностях, где звук распространяется с трудом и искажается, но находили применение в степях. У некоторых тюркских народов, например у чувашей, а также у марийцев, ханты и манси названия русской версты были связаны с глаголом «кричать».

Продолжим рассмотрение эпизода с кричащими телегами. В нем слово «рци» — глагол повелительного наклонения. Оно означает «скажи» (в смысле «скажите, пожалуйста»; это вводное слово, ироническое, разговорное). В переводах это слово не должно выступать в роли сравнительных союзов «словно», «будто» или «как». Такие переводы по необычайно устойчивой традиции продолжают появляться со времен первого издания до наших дней. В поэме кричащие телеги вовсе не сравниваются с распущенными или распуганными лебедями. Мы полагаем, что в этом эпизоде слово «лебеди» находится не в именительном, а в творительном падеже множественного числа. В переводе на современный язык оно приобретает форму «лебедями».

Этот падеж в древней форме в «Слове» встречается неоднократно, например:

> Русичи великая поля чьрлеными щиты [щитами (!)] прегородиша...

или:

> Ты бо можеши Вългу веслы [веслами (!)] роскропити, а Дон шеломы [шеломами, т. е. шлемами (!)] выльяти.

Если принять этот творительный падеж множественного числа для древнерусского слова «лебеди», то объяснительный перевод всего эпизода с кричащими телегами предстанет в таком виде:

> ***В полуночи кричат*** [выкрикивают половецкие сторожевые] ***телеги, скажи,*** [половцами-] ***Лебедями распущенные*** [для всех известия, а именно]: ***«Игорь к Дону воинов ведет!»***

Из такого прочтения видно, что углубившегося в Половецкую землю Игоря обнаружили половцы из орды Лебедей. И от них разлетелась посредством наблюдательных телег по всей степи весть о продвижении к Дону Игоря. Никакого сравнения крика-скрипа телег-возов с распущенными-распуганными птицами-лебедями в поэме исходно не проводилось.

Нашу гипотезу о том, что в «Слове о полку Игореве» звери и птицы, поведение которых неестественно, есть не что иное, как названия различных половецких орд, подвергнем проверке.

Сначала заменим названия животных соответствующими названиями орд (эта замена позволит убедиться, будет ли логичным по смыслу текст в таком новом прочтении).

В сцене «Перед битвой» действуют животные шести видов: лебеди, волки, орлы, лисицы, соловьи и галки.

Лебеди. Лебедей мы достаточно подробно рассмотрели в эпизоде с кричащими телегами, где было показано, что Лебеди — это половецкая орда. Перейдем к другим персонажам.

Волки. «Волки угрожают по оврагам». В этой фразе отражена вполне реальная картина: услышав весть, распространенную половцами Лебедями, половцы из орды тотема волка, находясь где-то вдали, откликаются решительной готовностью выступить на борьбу с Игорем. Автор поэмы сближает образ половцев Волков с образом их тотема волка[1].

Орлы. «Орлы клекотом на кости зверей созывают». Отозвавшись на клич половцев Лебедей, половцы Орлы скликают

[1] Существует много переводов и толкований слова «въсрожать». Наиболее распространенный перевод — «поднимают». В. И. Стеллецкий предполагает, что корень этого слова — «рог» и поэтому «рожити» означает «трубить в рог»; по отношению же к волкам этот глагол означает «выть». Принимая предложение В. И. Стеллецкого, мы, однако, видим явные условности в его использовании в связи с действиями волков. Мы полагаем, что трубили в сигнальные рога половцы из орды Волков, и вся эта фраза вместе с неясным глаголом «въсрожать» предстает «открытым текстом», исключающим надобность введения условностей и пояснений. Проявляется и текстовой параллелизм: о русских — «трубы трубять в Новеграде» и о половцах — «Волки грозно трубят в рог по оврагам».

других половцев на победоносную битву с Игорем («звать на кости» значило «звать на победу», так же как «стать на костях» значило «победить»). Автор поэмы своей фразой сблизил образы половцев Орлов и тотема орла, а именно: отождествил призывные крики половцев с характерными звуками птиц-орлов во время их пиршества.

Лисицы. «Лисицы брешут на червленые щиты». На клич половцев Лебедей откликнулись половцы из орды тотема лисицы. Оказавшись, по-видимому, где-то поблизости от расположения русских, они выражают свою враждебность Игореву войску. Автор поэмы сблизил половцев Лисиц с образом их тотема. Сближение произведено по звуковому действию: половцы кричали так, как будто брехали (или лаяли) звери-лисицы.

Соловьи. «Уснул щекот соловьиный». Можно предположить, что здесь говорится о половцах Соловьях. Их голоса были слышны еще до наступления утра, но затем умолкли.

Галки. «Говор галок пробудился». Эта фраза, по-видимому, также означает, что половцы Галки, которых русские раньше не могли слышать, теперь, на рассвете, стали слышны.

В сцене «Побег Игоря» действуют животные восьми видов: вороны, галки, сороки, полозы, дятлы, соловьи, а также гуси и лебеди. Заменим и здесь названия животных на названия половецких орд по соответствующим тотемам:

> Тогда **Вороны** не граяли, **Галки** примолкли, **Сороки** не стрекотали, ползали **Полозы** только, **Дятлы** стуком путь к реке указывают, **Соловьи** веселыми песнями рассвет возвещают.

И еще: Игорь бежал,

...избивая Гусей и Лебедей.

Проделанная в обеих сценах замена зверей и птиц названиями половецких орд, как видим, не разрушила логику текста. Смысл, разумеется, стал совершенно иным: звери и птицы как таковые исчезли, а на их месте оказались люди-половцы. Но такой замены еще недостаточно для строгого обоснования выдвинутой гипотезы. Пока можно только склоняться в пользу половцев с их тотемами, памятуя о том, что поведение практически всех животных было явно неестественным.

Продолжим поиск доказательств тотемизма. Мы уже приводили данные из исторических и филологических источников, согласно которым половцы свои тотемы имели. Среди перечисленных тотемов встречаются и такие, которые совпадают с животными (или половецкими тотемами) из «Слова о полку Игоре-

ве». Сопоставим теперь тех и других с помощью табл. 5. В ней рядом со зверями и птицами из поэмы приведены названия совпадающих половецких тотемов, известных по другим источникам. Из таблицы видно, что в обеих сценах в общей сложности участвовали животные одиннадцати видов: гуси, лебеди, волки, орлы, лисицы, вороны, галки, сороки, полозы, дятлы и соловьи. Среди половецких тотемов, известных по другим источникам, мы встречаем добрую половину, совпадающую с героями поэмы: 5 из 11. Это гусь, лебедь, волк, ворон, змей. Такие совпадения подтверждают нашу гипотезу о половецких тотемах в поэме, но для более строгого ее утверждения наличия факта этих совпадений еще недостаточно.

Таблица 5 **Половецкие тотемы в «Слове о полку Игореве» и других источниках**

	Тотемы половцев в «Слове о полку Игореве»		*Тотемы половцев по историческим и филологическим источникам*
№ п/п	*в сцене «Перед битвой»*	*в сцене «Побег Игоря»*	
1		гуси	гусь
2	лебеди	лебеди	лебедь
3	волки		волк
4	орлы		
5	лисицы		
6		вороны	ворон
7	галки	галки	
8		сороки	
9		полозы (змеи)	змея
10		дятлы	
11	соловьи	соловьи	

Продолжая поиск доказательств, отметим, что животные всех 11 видов обитали в Половецкой земле — от Волги до Днепра. А это означает, что выполняется непременное требование тотемизма: животные-тотемы могли быть только местными, а не «заморскими». Более того, все эти животные обитали и на прародине половцев — в заволжских, зауральских восточных степях, именно там, где в глубокой древности у половцев или их предков складывались основы матриархата с его характерным проявлением — тотемизмом.

Таким образом, факт местного происхождения животных-тотемов служит еще одним подтверждением выдвинутой здесь гипотезы о тотемах в «Слове о полку Игореве».

В поисках доказательств тотемизма мы должны учитывать и композиционные особенности «Слова». В начале книги мы поставили такие вопросы: 1) почему звери и птицы сосредоточены всего лишь в двух сценах, а не распределены равномерно по всему тексту? и 2) почему последовательности перечислений этих животных именно такие, а не какие-либо иные?

Пытаясь ответить на эти вопросы, мы показаля, что последовательность перечисления животных не может быть объяснена иерархическими правилами или зоологическими признаками. Выдвинув гипотезу о половецких тотемах в «Слове», мы предполагаем, что сосредоточение названий животных в двух сценах есть не что иное, как перечень названий отдельных орд, с которыми Игорю приходилось иметь дело. Очередность же перечислений отражает последовательность контактов Игоря с этими отдельными ордами. Иными словами, в поэме выстроились последовательные ряды половецких орд (или территорий их кочевий), т. е. представлены своеобразные географические последовательности. Попытаемся проверить предположение об этих последовательностях с помощью географической карты (рис. 2).

В сцене «Перед битвой» первый контакт Игоря с половцами произошел, как мы видели, в районе Изюмского брода, где в полночи **половцы Лебеди** обнаружили его, и посредством кричащих телег весть о продвижении Игоря к Дону распространилась по степи. Название этой половецкой орды можно нанести на карту у Изюмского брода.

Далее, Игорь, продвигаясь к югу вдоль рек Каменки и Голой Долины, слушал перекатывающиеся по степи отклики на клич половцев Лебедей, последовавшие из различных орд.

Откликнулись **половцы Волки.** Эта орда кочевала, как было рассмотрено выше, по берегам реки Волчьей, в бассейне Днепра. От берегов Волчьей до места будущей битвы -- около 100--120 км (расстояние быстрого перехода-марша для легкой конницы: на такой переход потребовалось бы менее полутора суток). Кочевья Волков были отделены от места будущей битвы отрогами Донецкого Кряжа с его изрезанным рельефом. Автор поэмы, упоминая волков, по-видимому, не случайно отметил, что они угрожали именно по оврагам, подчеркивая тем самым неровности местности. К месту будущей битвы половцы Волки

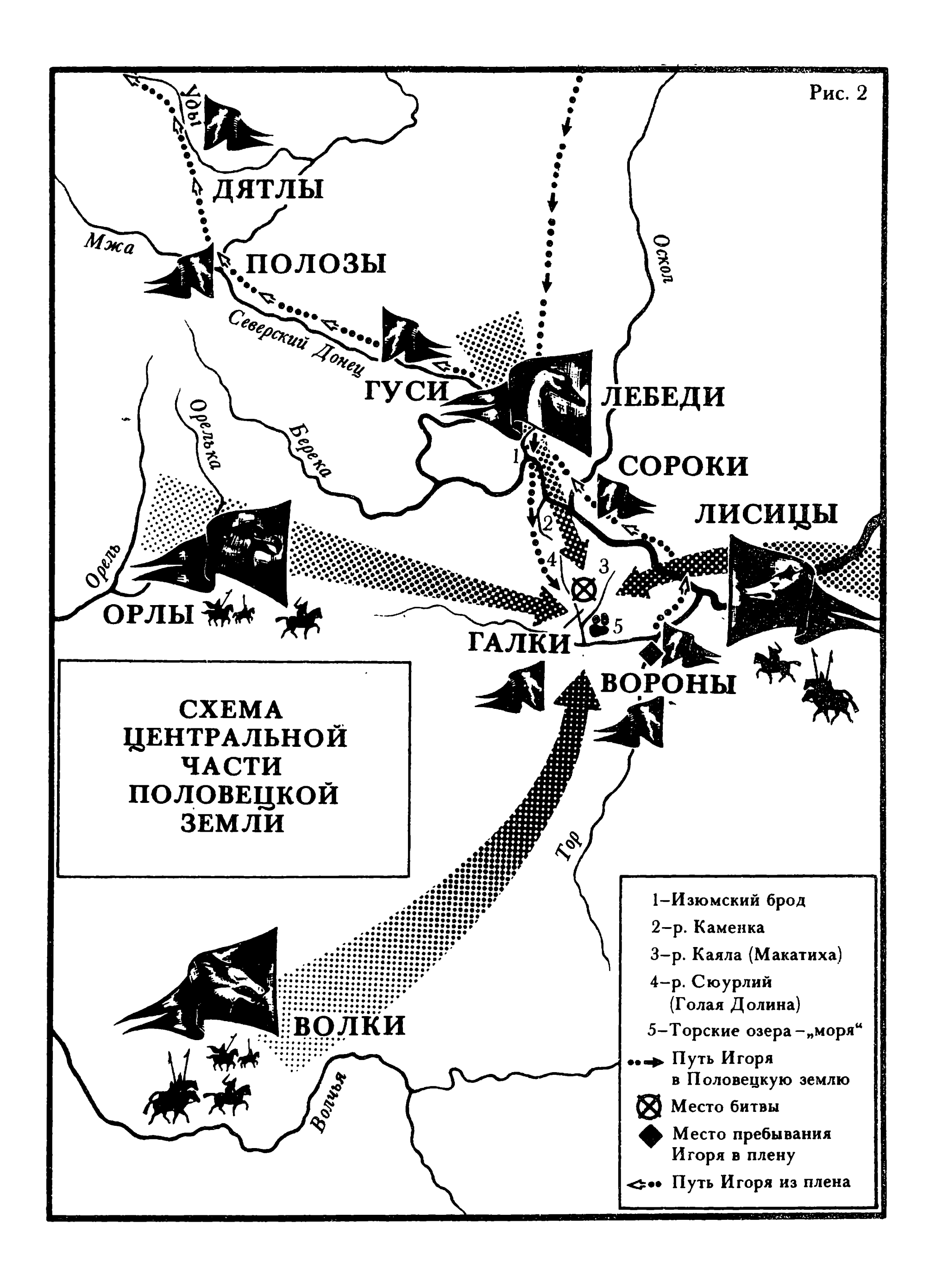

Рис. 2
Уды
ДЯТЛЫ
Мжа
ПОЛОЗЫ
Северский Донец
Оскол
ГУСИ
ЛЕБЕДИ
Орелька
Берека
СОРОКИ
ЛИСИЦЫ
Орель
ОРЛЫ
ГАЛКИ
ВОРОНЫ
СХЕМА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
ЧАСТИ
ПОЛОВЕЦКОЙ
ЗЕМЛИ
Тор
ВОЛКИ
Волчья
1–Изюмский брод
2–р. Каменка
3–р. Каяла (Макатиха)
4–р. Сюурлий (Голая Долина)
5–Торские озера – „моря“
Путь Игоря в Половецкую землю
Место битвы
Место пребывания Игоря в плену
Путь Игоря из плена

устремились, вероятно, по долине своей реки. В таком случае они подошли к полю битвы с южной стороны. На карте у реки Волчьей можно отметить орду Волков.

Откликнулись на клич половцев Лебедей и **половцы Орлы.** Местообитание этой орды неизвестно. Можно лишь с большой осторожностью предположить, что половцы Орлы кочевали по берегам верховий Орели и ее притока Орельки. Приорелье было беспокойным местом в половецком приграничье. Здесь неоднократно случались столкновения между русскими и половцами. Последнее крупное сражение произошло всего год назад. Тогда половцы были разбиты, а хан Кобяк попал в плен (об этом событии упомянуто в «Слове о полку Игореве»). Половцы Орлы, кочевья которых были расположены ближе других к Руси, имели вполне достаточные основания проявить особую активность, созывая «зверей» (других половцев, возможно, соседей Волков) «на кости», т. е. «на победу». Орда Орлов по отношению к полю будущей битвы находилась на западе в 100—120 км.

На клич половцев Лебедей откликнулись также **половцы Лисицы.** Место кочевки этой орды, как и предыдущей, неизвестно. Попытаемся определить это место хотя бы приблизительно. Как указано в летописной повести, половцы обступили русских со всех сторон. Половцы Лебеди, как мы видели, находились у Изюмского брода, на севере. Волки подступят с юга, Орлы — с запада. Остается еще одно направление — восточное. На востоке на расстоянии около 60—70 км от поля битвы были крупные кочевья с большим скоплением каменных изваяний. Возможно, здесь, у современного города Лисичанска, и кочевала орда Лисиц (происхождение топонима Лисичанск не исследовано, но его созвучие с названием орды не является решающим в определении места кочевок Лисиц). Относительная близость кочевий Лисиц к полю битвы, возможно, отражена в словах поэмы «Лисицы брешут на червленые щиты», где Лисицы оказались единственными из группы персонажей, кто первым вступил в непосредственное общение с русскими накануне битвы. Нанесем на карту кочевья Лисиц.

По мере продвижения Игоря в Половецкую землю на арене появляются новые участники событий — Соловьи и Галки. Этих персонажей рассмотрим во второй сцене, где они также участвуют.

В сцене «Побег Игоря» сначала упомянуты Гуси и Лебеди, которых Игорь, как сокол, избивал к завтраку, обеду и ужину.

Этот эпизод оказывается лишь одним звеном — не начальным и не конечным — в длинной цепи событий, развернувшихся во время побега Игоря из плена. До избивания Гусей и Лебедей Игорь, подобный горностаю, тайно покинул половецкую вежу, добрался до прибрежного тростника и, как белый гоголь, легко перебрался на другой берег Тора, где его поджидал Овлур с конем. После этого эпизода Игорь «кинулся на борзого коня и соскочил с него серым волком», т. е., быстрой скачкой загнав коней, беглецы продолжат свой путь пешими. И вот здесь-то Игорь и станет избивать Гусей и Лебедей. А далее последуют различные другие эпизоды побега, прежде чем он доберется до своих.

Какой же эпизод оказывается первым в цепи событий побега?

Орда Воронов

Мы полагаем, что отправным эпизодом следует считать эпизод с Воронами. Именно с Воронов начинается плотный «список» с последовательным перечислением многих персонажей:

> Тогда Вороны не граяли, Галки примолкли, Сороки не стрекотали, ползали Полозы только. Дятлы стуком путь к реке указывают, Соловьи веселыми песнями рассвет возвещают.

Местом пребывания Игоря в плену, как известно из летописи, были кочевья Чилбука из Торголове. Его кочевья располагались на берегах Тора, выше Торского брода. Отсюда, от Чилбука — «черного Ворона, поганого половчина», — из его торскорецких веж, пустился в свой опасный и неблизкий, 350-километровый путь князь Игорь. Кочевья орды Воронов можно нанести на карту в районе Торского брода, у современного города Славянска.

Далее. Нарушив последовательность, для большей надежности нашего построения будем наносить на карту прежде названия тех половецких орд, места кочевий которых определяются точнее других.

Орда Полозов

Как было отмечено выше, половцы Змеи (Полозы) кочевали на берегах Северского Донца, у Змиева брода-перелаза (у бывшего города Змиева, ныне — Готвальда). Название орды Полозов также нанесем на карту.

Орда Лебедей

Это еще одна орда, местообитание которой довольно хорошо устанавливается. Игорь во время своего побега (не в начале и

не в конце) стрелял к завтраку, обеду и ужину Гусей и Лебедей. Видимо, в этом эпизоде говорится не о добыче пищи, а о то и дело возникавших небольших стычках Игоря с малочисленными группами половцев, возможно со сторожами-наблюдателями. Половцы были из орд Гусей и Лебедей[1]. Орда Лебедей уже нанесена на карту (у Изюмского брода). Здесь Игорь впервые, как мы видели, встретил половцев. Они его обнаружили и распустили по всей степи весть-клич о его приходе. По этим же местам Игорь через некоторое время бежал из плена. Лебеди названы дважды потому, что на их территории произошло пересечение двух путей Игоря: в Половецкую землю и обратно.

Орда Гусей

Орда Гзака, половецкого хана, тотемом которого была птица гусь, кочевала, по-видимому, по берегам Северского Донца, по соседству с Лебедями. На карте она расположится между ордами Лебедей и Полозов (те и другие на карту уже нанесены). Набеги половцев, как вполне обоснованно считает С. А. Плетнева, обычно происходили из кочевий, располагавшихся на ближайшем расстоянии от соответствующего русского княжества. Это обстоятельство представляется дополнительным подтверждением того, что Гзак кочевал вблизи границы с Посемьем, куда он ринулся сразу же после победы над Игорем.

Орда Галок

Галки названы в обеих сценах. Игорь, войдя в близкое соприкосновение с половцами еще до битвы, слышал, как «говор галок пробудился». После же битвы Галки названы следом за Воронами. Отсюда, кочевья Галок располагались близко одновременно и к месту битвы, и к кочевьям Воронов. Таким местом на карте оказывается район Торских озер, низовий Тора (ниже Торского брода) и примыкающих к устью Тора берегов Северского Донца.

С меньшей надежностью устанавливаются места обитаний остальных половецких орд.

Орда Сорок

Сороки названы третьими в тройке одинаково молчавших птиц. По-видимому, их местообитание также третье в едином ряду, т. е. сразу после Галок. Такое место находится на левом берегу Северского Донца, севернее кочевий Галок. Сороки обитали на землях левобережья вплоть до устья Оскола. Территория Сорок на севере ограничена ранее нанесенными на карту кочевьями орды Лебедей.

[1] Если в эпизоде с гусями и лебедями видеть заботу Игоря о трапезе, то это значит принять едва ли ни единственный пример практицизма в поэме. Более вероятно, что понятия «завтрак», «обед» и «ужин» в поэме представлены в одном из своих значений, известных в древнерусском языке, а именно в значении соответствующих времен суток: утро, день и вечер.

Орда Дятлов

Дятлы названы предпоследними в ряду животных — после Полозов и перед Соловьями. На карте орду Дятлов следует расположить на пути Игоря севернее орды Полозов, т. е. севернее Змиева брода. Вероятно, орда Дятлов кочевала в приграничной зоне, по берегам низовий Уды, принадлежавшим половцам.

Орда Соловьев

Это единственная орда, о месте кочевок которой ничего определенного сказать нельзя. Соловьи названы дважды: в начале и в конце поэмы. И всегда их действия связаны с рассветом: то они при приближении рассвета засыпают, то веселыми песнями рассвет возвещают.

Итак, путь Игоря из Половецкой земли в землю Русскую отмечен половецкими кочевьями. На географической карте выстраивается следующий ряд половецких орд с их кочевьями: Вороны — Галки — Сороки — Лебеди — Гуси — Полозы — Дятлы (вопрос о расположении кочевий Соловьев остается открытым).

Подтверждением нашей гипотезы могут служить также особенности реакций многочисленных свидетелей побега Игоря в ответ на его появление. *Вороны, Галки и Сороки* — все они молчали. Их молчание должно быть понято как бесполезность что-либо говорить, поскольку Игорь уже прошел беспрепятственно через их кочевья. *Лебеди и Гуси.* О них мы уже упоминали, предполагая, что с ними, с их сторожами-наблюдателями, Игорю приходилось вступать в стычки. *Полозы.* Их действия, выраженные в поэме глаголом «ползали», представляются весьма неопределенными. Вероятно, Полозы, обитавшие вблизи границы, не желали осложнять отношений с грозным северным соседом — Русью — и делали вид, что не замечают прохождения Игоря через их территорию. *Дятлы.* Эти пограничные половцы и вовсе содействовали своим «тектом» благополучному продвижению Игоря: обитая в низовьях Уды, они выступали по существу в роли подсказчиков, или провожатых к реке, в верхнем течении которой стоял первый на пути Игоря русский город — Донец, или Малый Донец. Как видим, действия многочисленных свидетелей побега вполне мотивированы, и в них отражено последовательное продвижение Игоря по Половецкой земле. Мы видим также, что в этой сцене действия половцев-людей выражены через действия их тотемов. Это признаковые метафоры. В такой же метафорической форме показаны действия половцев и в рассмотренной ранее сцене «Перед битвой».

Таким образом, найдены территории постоянных кочевий 10 половецких орд из 11. Взаимное расположение территорий,

расстояния между ними и общее направление их последовательностей не противоречат реальной обстановке и очередности событий в обеих сценах поэмы — «Перед битвой» и «Побег Игоря».

Половецкие тотемы, как и тотемы других народов, кроме религиозно-мистического значения, имели еще и различительное: роды и племена отличались одно от другого по названию их тотемов. Как мы видели, в Ипатьевской летописи перед битвой названы Кончак, Кза, Бурнович, Токсобич, Колобич, Етебич и Терьтробич. И после битвы (при разведении пленных князей по вежам) — Чилбук, Роман, Елдечук и Коптя. Всего 11 имен. В «Слове о полку Игореве», как мы выявили, названы следующие половецкие тотемы: гуси, лебеди, волки, орлы, лисицы, вороны, галки сороки, полозы, дятлы и соловьи. Всего 11 тотемов: 11 половцев и 11 тотемов. Заманчиво найти между ними соответствия. Дело не в числовом совпадении. Просто невозможно представить себе, что никто из этих знатных половцев не принадлежал к какому-либо роду-племени, носившему имя одного из найденных тотемов. В попытке найти тотемы этим половцам воспользуемся частью нашей табл. 3 и, дополнив ее новыми сведениями, составим новую таблицу — табл. 6.

Таблица 6 **Тотемы половцев, участвовавших в битве 11—12 мая 1185 г. и взявших в свои вежи русских пленных князей**

Половцы, собравшиеся перед битвой	*Русские и половцы после битвы*		*Половецкие тотемы*
	Пленные русские князья	*Половцы, взявшие пленных русских князей в свои вежи*	
1. Кончак	Игорь	Чилбук из Торголове	галка (Кончака), ворон (Чилбука)
2. Кза (Гзак)	Всеволод	Роман Кзич	гусь (Гзака), лебедь (Романа)
3. Бурнович	Святослав	Елдечук в Вобурчевичах	волк (Бурновича), орел (Елдечука)
4. Токсобич	Владимир	Коптя в Улашевичах	лисица (Токсобича), сорока (Копти)
5. Колобич *6.* Етебич *7.* Терьтробич			полоз, дятел, соловей

Примечание: подчеркнуты тотемы, твердо установленные для указанных в скобках половцев.

Внесем в таблицу прежде всего наиболее надежные тотемы. Одним из таких тотемов, как было неоднократно отмечено выше, был *волк*. Зверь волк был тотемом орды Бурновича, или орды Бурчевичей, или, в переводе, — орды Волков. Тотем волка можно внести в таблицу в строку 3, рядом с именем Бурновича.

Еще одним надежным тотемом был *гусь*. Птица гусь, как было также отмечено выше, была тотемом Гзака. В таблице она стоит в строке 2.

Продолжим заполнение таблицы. Игорь находился в плену в кочевье «Чилбука из Торголове». В комментариях к летописной повести обычно поясняют, что Торголове — это название рода. Однако согласиться с этим нельзя. Это слово двукоренное. Первый корень — Тор — означает название реки Тор, через которую, как свидетельствует летопись, Игорь во время побега, в самом начале пути на Русь, переберется к поджидавшему его Овлуру. «Тор» в слове Торголове, таким образом, второе прямое, дополнительное, указание на местопребывание Игоря в плену. Второй корень — гол — на тюркском языке означает «река», «рукав реки» или другие понятия, связанные с водоемами. При таком прочтении слово «Торголове» (как Тор-гол-ове) означает географическую, территориальную принадлежность, а не родовую, «фамильную».

По-видимому, родовым тотемом торскорецкой орды Чилбука был *ворон*. К воронам автор поэмы свое отрицательное отношение выражал несколько раз. А в обращении «черный ворон — поганый половчине» он буквально (как мы теперь сказали бы, «открытым текстом») назвал половца его тотемом. Ворон, тотем Чилбука, может быть внесен в таблицу в строку 1.

Следующей ордой на пути Игоря из плена была отмеченная на карте орда половцев с тотемом галкой. Примыкая к кочевьям Воронов, *Галки* занимали самое центральное положение, находясь в почетном окружении многих половецких орд.

Отмечая точность образов зверей и птиц в сравнениях и метафорах, мы уже обращали внимание на иносказательность фразы легендарного Бояна:

Не буря соколы занесе чрес поля широкая —
галици стады бежать к Дону великому.

По мнению едва ли не всех исследователей и переводчиков, соколы здесь — не птицы, а русские воины, тоже и галицы (галки) — не птицы, а половцы. В смысловом переводе оказывается, что не буря русских занесла через поля, а половцы бегут к Дону. Но при таком прочтении чрезвычайно запутывается или исчезает вовсе смысл фразы, полностью нарушается поэтический отрицательный параллелизм и это место представляется «темным». Мы полагаем, что все эти трудности возникли лишь потому, что неверно было переведено слово «соколы». Это слово в поэме находится не в винительном, а в творительном падеже множественного числа (применение творительного падежа множественного числа нами было рассмотрено выше, в эпизоде со сторожевыми телегами, откуда выкрикивалась распущенная половцами Лебедями весть о продвижении Игоря к Дону). Древнерусское слово «соколы» на современный язык надо переводить как «соколами». Кстати сказать, в этой же фразе точно в таком же падеже дано слово «стады», и его обычно правильно переводят как «стадами» (или «толпами»).

При восстановлении творительного падежа множественного числа в древнерусском слове «соколы» вся фраза предстает в предельно ясном виде (в переводе):

Не буря соколами понеслась через поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону Великому.

При таком прочтении перед нами предстает широко распространенный в русском фольклоре художественный прием — отрицательное сравнение. По синтаксической структуре фраза безупречна, последовательность членов предложения в обеих частях одинакова: подлежащее — обстоятельство образа действия — сказуемое — обстоятельство места. В обеих частях четко повторен ритм, а звучащая на древнерусском языке внутренняя рифма (соколы́ — стады́) звучит и в переводе: сокола́ми — стада́ми.

В этом отрицательном сравнении сопоставляются не русские (соколы) с половцами (галками) и не птицы соколы с птицами галками, а явление природы (буря) с половцами (Галками). По законам фольклора в отрицательных сравнениях для героев отрицательных (в нашем случае — половцев) явления природы должны быть негативными (в нашем случае — буря). Подобные примеры находим в былинах:

Из-за той же сторонушки восточныя
Не темная туча поднималася,
С силой Мамай соряжается
На тот же на крашен Киев-град.

(Былина «Мамаево побоище»[1])

[1] Поле Родины. 1380—1980. М., 1980, с. 12.

И, наоборот, для героев положительных непременно и явления природы должны быть позитивными:

Не белая заря занималася,
Не красное солнце выкатывалося:
Выезжал тут добрый молодец,
Добрый молодец Илья Муромец.

(Былина «Илья Муромец»)

В отрицательных сравнениях вместо явлений природы могут выступать существа из живой природы, но и они обладают качествами, соответствующими качествам героев:

Не ясен сокол в перелет летал,
Не белый кречет перепархивал. —
Тут ехал удалой добрый молодец.

*(Былина «Добрыня Никитич
и отец его Никита Романович[2]»)*

Легендарный Боян из «Слова о полку Игореве», говоря о галках, бегущих стадами к Дону, обобщил всех половцев: они у него все галицы в значении: галковцы. Назвал он их так только по одному общему признаку. Разумеется, такой олицетворяющий признак должен был отражать приверженность всех половцев к главному хану. Им был, без сомнения, хан-объединитель Кончак. Можно не ошибиться, если сказать, что птица галка была тотемом орды Кончака. В таблицу рядом с именем Кончака поместим название его тотема — галку (строка 1).

Еще одним надежным тотемом можно считать птицу *лебедя*. Орды Гусей и Лебедей, оказавшиеся на карте рядом, состояли, видимо, в близкородственных отношениях. Гзак возглавлял половцев Гусей, а его сын Роман — половцев Лебедей. Лебедя, тотем Романа, можно внести в таблицу, в строку 2.

Только для этих пяти знатных половцев тотемы устанавливаются достаточно твердо. Для остальных половцев принадлежность тех или иных определенных тотемов остается проблематичной. В особенности это относится к Колобичу, Етебичу и Терьтробичу.

Пользуясь данными табл. 6 и карты (рис. 2), можно выявить места пребывания русских князей в плену:

[2] Добрыня Никитич и Алеша Попович. Былины. М., 1974, с. 28 (Литературные памятники).

— Игорь находился в вежах Чилбука, у половцев Воронов, на берегах Тора, в центре Половецкой земли;

— Всеволод находился в вежах Романа Кзича, у половцев Лебедей, на Северском Донце, вероятно вблизи Изюмского брода, к северу от половецкого центра;

— Святослав находился в вежах Елдечука, у половцев Орлов, по-видимому в верховьях Орели и Орельки, к западу от половецкого центра;

— Владимир находился в вежах Копти, весьма вероятно у половцев Сорок, на Северском Донце, ниже устья Оскола, к востоку от половецкого центра.

Наряду с названиями отдельных животных в поэме встречаются собирательные, обобщающие понятия: «птицы» и «звери». Рассмотрим, имеют ли они отношение к половецкому тотемизму в «Слове о полку Игореве».

Начнем с фразы: «...уже бо беды его пасеть птиць по добию...» Б. А. Рыбаков дает такой перевод этой фразы: «...уже на дубах Птичь готовит предназначенные ему (Игорю) несчастья...»[1]. По его мнению, здесь «Птичь» — «образ, близкий к Соловью-разбойнику на девяти дубах». Этот вывод для нашей темы имеет существенное значение: ведь Птичь, по мнению Б. А. Рыбакова, существо не пернатое, а вполне человеческое.

Далее, мы отмечали, что автор поэмы безупречно точно применял образ сокола для характеристики различных русских героев. Для Игоря: «О! далече заиде сокол, птиць бия, к морю». Для Святослава: «Коли сокол в мытех бываеть, высоко птиць възбиваеть, не дасть гнезда своего в обиду». Для Романа: «Высоко плаваеши на дело в буести, яко сокол на ветрех ширяяся, хотя птицю в буистве одолети». Без сомнения, в этих трех фразах соколы — это русские, а собирательное «птицы» — это половцы.

Было также отмечено удачное выражение образа молодого князя Владимира, сына Игоря, через образ соколенка. В диалоге половецких ханов, пустившихся в погоню за Игорем, слышим: «И говорит Гзак Кончаку: «Если его [Владимира] опутаем красной девицей [женим на Кончаковне], то не будет у нас ни

[1] Рыбаков Б. А. Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI вв. и южнорусских княжеств XII—XIII вв. — В кн.: История русского искусства, т. I. М.; Л., 1953, с. 273.

соколенка [Владимира], ни красной девицы [они уйдут на Русь] и станут нас **птицы** бить в поле Половецком». И здесь птицы — это половцы. Можно полагать, что в этой фразе отражены суровые законы межродовых отношений, при которых всякая ошибка и проявление слабости влечет за собою расплату.

Рассмотрим еще две фразы, в которых действуют птицы и звери.

Вот князь Игорь вступил в Половецкую землю. «Солнце ему тьмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свист зверинвъста...» Тревожная ночная картина, наполненная враждебными звуками. Сразу же после этих слов в поэме див кричал на всю приграничную степь: от Земли Незнаемой Волги — до Корсуня в Заднепровье. Здесь же мы услышим, как кричали телеги в полуночи, передавая из уст в уста важную весть:

«Игорь к Дону воинов ведет!»

Мы сделали попытку определить, кто из половцев первым пустил по степи этот клич. Ими оказались половцы Лебеди. Мы попытались определить и тех, кто откликнулся: ими были половцы Волки, Орлы, Лисицы, Соловьи и Галки, именно те половцы, тотемами которых были как птицы, так и звери. Поэтому под пробудившимися птицами и поднявшимся звериным свистом можно понимать звуковую ночную реакцию всех этих половецких орд, возникшую в ответ на появление Игоря. Их тотемами в собирательном смысле были птицы и звери.

Нам остается рассмотреть тех немногих животных, которые не вошли в сцены «Перед битвой» и «Побег Игоря».

В историческом разделе «Слова» есть авторское сетование на деда Игоря — Олега Святославича, русского князя, при котором особенно интенсивно росли на Руси усобицы и ковались межкняжеские крамолы. Этот князь, воюя с другими князьями, не раз приводил на Русь себе в помощь половецкие войска. О последствиях такой политики в «Слове» сказано:

> Тогда по Рускои земли редко ратаеве кикахуть, н часто врани граяхуть, трупья себе деляче, а галици свою речь говоряхуть... хотять полетети на уедие.

Переводя этот отрывок, заменим названия птиц соответствующими названиями половецких орд:

Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто половцы Вороны кричали, добычу между собою разделяя, а половцы Галки перекликались по-своему, собираясь полететь на поживу.

При такой замене действительно видно участие определенных половецких орд в нападении на Русь и ощущаются последствия этих нападений. Не исключено, что Галки — это половцы из орды предков Кончака, скорее всего Шарукана, современника и постоянного союзника князя-крамольника Олега Святославича.

Крайне интересны комментарии русского писателя начала XIX в. В. В. Капниста по поводу «бусовых вранов»[1]. Эти бусовы враны в знаменитом сне Святослава всю ночь каркали у Плесньска на лугу (это лишь одна из нескольких тяжелых картин его сна). В. В. Капнист под бусовыми вранами совершенно верно предположил не птиц, а половцев (но он ошибочно отождествил этих бусовых вранов с черным вороном из фразы: «черный ворон — поганый половчине». Ошибка очевидна: ведь «бусый» с тюркского переводится как серый, а не черный). В. В. Капнист определил место кочевок половцев Бусовых Вранов по реке Береке, притоку Северского Донца. Ссылаясь на географический словарь, он пояснял: «...там находилось селение, называемое Бусово, при котором потом и крепость сего имени построена». У В. Н. Татищева в «Лексиконе» находим дополнительные сведения: «Бусовая, крепость на линии Крымской в Белгородской губернии на реке Берете [Береке] по левую сторону, от Донца вторая, выше Донецкой 18, ниже Лозовой 23 версты...»[2]

Обращает на себя внимание название соседней с Бусовой крепостью — Лозовая. Не исключено, что в нем через корень слова «лоз» кроется указание на один из известных по летописи главных торговых путей — Залозный. Залозный путь, по данным К. В. Кудряшова, проходил от Киева на восток и далее на юго-восток по водоразделу Днепра и Северского Донца, где он углублялся в Половецкую землю, пересекал главные центры Донецких половцев и вел в Приазовье, в Византию, в страны Востока. По-видимому, свое название этот путь получил не от кустарников-лоз, произраставших в изобилии в самом его начале, под Киевом, на низком левом днепровском берегу, как считают некоторые исследователи, а от местности в Половецкой земле, на которую впервые вступали русские купцы, на-

[1] Бабкин Д. С. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. М.; Л., 1950, с. 374.

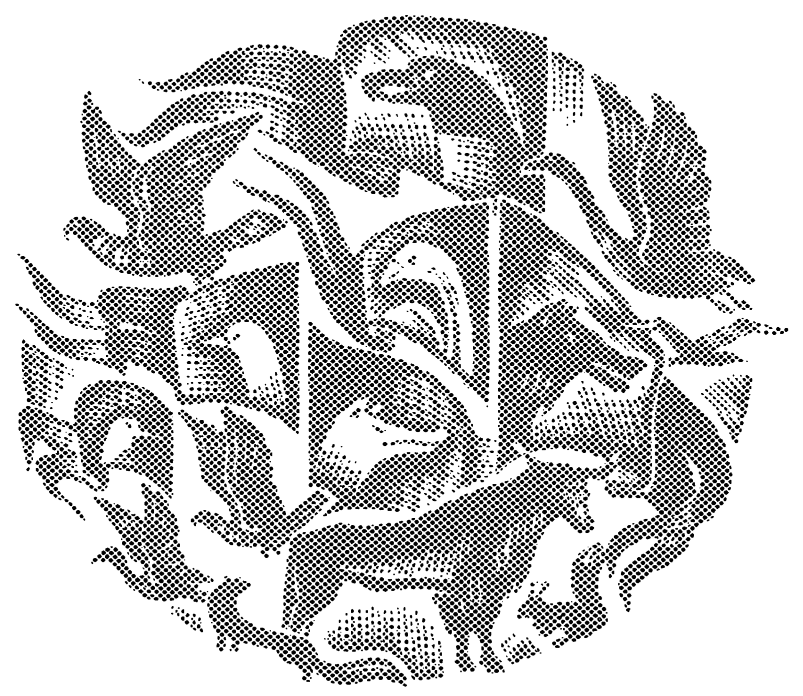
[2] Татищев В. Н. Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской. — В кн.: Избранные произведения. Л., 1979, с. 201.

правляясь «за Лозие» (их звали залозниками). В этой пограничной местности, по данным С. А. Плетневой, крупных кочевий не было. Вероятно, на Залозном пути в районе Бусовой — Лозовой была половецкая таможня, где с проезжих купцов взимали мзду за провоз товаров. И если это так, то картина из сна Святослава с «граявшими бусовыми вранами» может быть истолкована как выражение беспокойства Святослава за Залозный путь, который из-за необдуманных действий Игоря половцы могли бы перекрыть.

Половцы Бусовы Враны, или Серые Вороны, кочевавшие на границе с Русью, на Залозном пути, в сражении с Игорем на поле битвы, вероятно, участия не принимали.

ПОЭЗИЯ И КОНКРЕТНОСТЬ

«Слово о полку Игореве» — произведение художественное, поэтическое. В нем много иносказаний и символов. Вместе с тем «Слово» и глубоко реалистическое произведение. Основные эпизоды этого похода находят подтверждения в летописях. Конкретны и историчны описания Русской земли, межкняжеских отношений и многочисленных деталей военно-дружинного быта. В поэме нет ни одного имени вымышленных героев: все действовавшие лица были современниками описанных событий или известны из русской или половецкой истории. Все это свидетельствует о том, что в «Слове о полку Игореве» в полной мере нашли отражение реалистические традиции древнерусской литературы. Поэтому в «темных» местах поэмы неясные образы нами рассматривались прежде всего с позиций реальности и конкретности, в прямом смысле. И лишь при невозможности такого рассмотрения мы полагали, что перед нами иносказания или символы.

Итак, мы расстаемся со зверями и птицами. Они покидают страницы «Слова о полку Игореве». Вернее, мы расстаемся с привычными прежними нашими заблуждениями. Этих зверей и птиц исходно в поэме не было (точно так же в поэме не было и тех животных, чьи образы использованы в сравнениях и метафорах). Страницы «Слова о полку Игореве» всегда были свободными от «пейзажных» животных. Были свободными от них и тексты и миниатюры древнерусских летописей. Среди 618 миниатюр Радзивилловской летописи есть только одна, на которой показан русский витязь, поражающий змия (символ половецкой орды). Правда, на многих миниатюрах изображены кони, но эти животные домашние и относятся они к оснащению воинских дружин, так же как копья, сабли, щиты, кольчуги, шлемы и стяги.

Стяги. Древняя миниатюра с изображением похода или сражения без стяга — воинского знамени — немыслима. Это противоречило бы традиции книжных миниатюристов. В «Слове о полку Игореве» перед решающей битвой Игорь со своими воинами оказался окруженным. Автор поэмы пишет:

> ...стязи глаголють; половци идуть от Дона, и от моря и от всех сторон Руские пълкы отступиша.

Как видим, именно по стягам русским удалось определить, откуда пришли половцы. Следовательно, половецкие стяги несли определенную информацию и русские ее поняли.

О стягах половцев нам почти ничего не известно. Словесных описаний нет. В Радзивилловской летописи на многих миниатюрах, относящихся к временам соседства половцев с Русью, изображены сражения русских с половцами. И у русских и у половцев свои стяги. Но различительные признаки практически не выражены. Лишь на некоторых миниатюрах можно заметить различия в цвете полотнищ, в оформлении оконечности древка или в количестве точек прикрепления полотнищ к древку. Рисунки на самом полотнище не выражены. Рисунки этой летописи выполнены в виде набросков, эскизно, почти схематично.

Можно предположить, что на стягах половцев, собравшихся на битву с Игорем с разных сторон, были изображены различные животные-тотемы.

Это предположение имеет определенные основания. В новейшем исследовании В. В. Иванова[1] убедительно показано, что у древних тюрок, возводивших свой род к волчице-тотему, на стягах-знаменах была изображена золотая голова волка.

[1] Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. — Известия АН СССР, сер. лит. и яз., 1975, т. 34, вып. 5, с. 407.

На военных знаменах средневековых татар также изображались животные. В книге Н. Н. Сперансова[1] о земельных гербах России приведены старинные описания двух ханских татарских флагов: «Флаг цесаря от Татарии, желтой с черным лежащим к наружью смотрящим драконом (великим змием) с василисковым хвостом». И еще: «Другой Татарский флаг, желтой с черной совою, у которой перси желтоваты». Н. Н. Сперансов предполагал, что эти флаги связаны с мрачными событиями татарского вторжения на Русь. Были ли великий змей и черная сова татарскими древними тотемами или новыми геральдическими символами, с определенностью сказать невозможно.

Интересны и многочисленны археологические находки с изображениями животных. У разных древних народов звери и птицы представлены в виде каменных, костяных, металлических, глиняных и деревянных фигурок, в виде рисунков на камне, кости, предметах быта. В большинстве случаев такие изображения комментируются как проявление тотемизма. Если животные тотемы изображались в спокойном состоянии, то изображение могло рассматриваться как знак рода, т. е. знак принадлежности человека или предмета (его носителей) своему роду. Следовательно, род не только назывался именем своего тотема, но и имел его знак. Иногда изображалась сцена «терзаний»: борьба двух, реже нескольких животных. Считают, что это показ войны между родами. Встречаются также находки с животными-химерами — грифонами и другими фантастическими существами, у которых сочетаются части тела различных животных, например: голова козла с телом ящерицы или волк с кабаньими клыками. Такие химеры отражали соединение, слияние породнившихся родов.

Богатейшую информацию о тотемизме донес до наших дней фольклор в виде легенд, мифов и сказок о животных. Во времена расцвета тотемизма этих форм устного народного творчества еще не было. В те времена бытовали эпические рассказы о возникновении рода, о его тотеме, о дальнейшей истории рода, об отношениях с соседними родами и т. п. Эти рассказы передавались изустно и, пройдя через бурные века и тысячелетия, постепенно изменялись. Изменялись до неузнаваемости. В. П. Аникин[2] объясняет происхождение сказок о животных таким образом. При матриархате сказок как таковых не было. Были древние повествования, в которых говорилось о тотемах и их носителях — людях. Такие повествования не были рассчитаны на эффект. Это была устная история. Позже, с распадом матриархата, повествование превращалось в фантастический вымысел, в поверье и иносказание, в которых роль

[1] Сперансов Н. Н. Земельные гербы России XII—XIX вв. М., 1974, с. 85.
[2] Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1977.

животных-тотемов оказывалась существенно измененной. В средневековье, и особенно в Новое время, на основе древних форм фольклора образуется собственно сказка с ее наставлениями и развлекательностью сюжета.

Вывод о том, что в «Слове о полку Игореве» действовали не звери и птицы, а орды половцев, названные по их родовым тотемам, — главный вывод настоящей книги. Он явился результатом комплексного системного подхода к проблеме «странных» зверей и птиц, в котором были использованы сведения не только зоологические и фенологические, но и летописные, литературоведческие, исторические и географические. Такой подход привел к раскрытию художественного авторского приема в «Слове», состоящего в соблюдении строгого порядка в очередности перечисления имен героев (иерархические последовательности) и названий территорий (географические последовательности). Правило последовательностей, в свою очередь, оказалось своеобразным инструментом в поисках доказательств тотемизма в «Слове». В «Слове» обнаружено всего 11 тотемных названий половецких орд: Лебеди, Волки, Орлы, Лисицы, Соловьи, Вороны, Галки, Сороки, Гуси, Полозы и Дятлы.

Сделанный в книге вывод о половецком тотемизме в «Слове» имеет очевидное значение. Действительно, в комментариях исследователей и переводчиков звери и птицы выглядят способными предвидеть определенные события, которые должны произойти в человеческой среде, что с точки зрения биологии совершенно неестественно. Они выступают сочувствующими людям и им помогающими в беде, что также неестественно. Они проявляют себя как разумные сентиментальные пейзажные животные. Таких животных литература Древней Руси XII в., века создания «Слова», не знала. Надо ли говорить, что такая трактовка животных приносит ущерб «Слову», придает ему налет искусственности и вырывает его из родной ему литературной и социальной среды XII в.

Комплексный подход позволил также получить ряд новых дополнительных материалов. Составлена, например, административная карта центральной части Половецкой земли, отдельные кочевья которой носят названия родовых тотемов (на карте обозначены 10 кочевий из 11, названных Ипатьевской летописью; найдены тотемы и места кочевий половцев, у которых находились в плену все 4 русских князя; проложен на карте маршрут побега Игоря из плена, отмеченный тотемами; на основании словесной карты таинственного дива составлена административная карта русско-половецкого пограничья (на карте обозначена сплошная цепь приграничных половецких территорий); объединение событий в хронологическую таблицу позволило найти даты и сроки многих эпизодов Игорева

похода, включая дату побега Игоря из плена и плача Ярославны.

Признание половецкого тотемизма устраняет явную риторичность некоторых выражений и делает прочтение многих мест «Слова» более реалистичным. Например, исключая рассудительных сентиментальных пейзажных животных, восстанавливаем названия реальных половецких орд. Исключая географически неопределенные всесветные «гради» и «страны», восстанавливаем реальные отдельности Киевской земли. Исключая неопределенность роли Пирогощей, вводим связанные с нею прозаические заботы Игоря о восстановлении потерянного войска. Исключая бесконечно удаленные крымские Сурож и Корсунь, находим реальную половецкую окраину с Сурожем и Корсунем на Днепре, на границе с Русью.

Автор поэмы, как мы видели, широко пользовался текстовым параллелизмом. Этот художественный прием позволяет уточнить прочтение некоторых неясных мест. К известным по исследовательской литературе примерам параллелизма можно прибавить вытекающие из материала книги следующие примеры: географические последовательности русских — географические последовательности половцев, призыв автора к русским князьям — призыв дива к половецким территориям, архаичное язычество Руси — архаичный тотемизм Половецкой земли.

Упоминание половецких тотемов в «Слове о полку Игореве» проливает дополнительный свет на образ автора. Зная половецкую историю и половецкий эпос, он употребил тотемные названия различных половецких орд. Склонный к воспоминаниям, он был, по-видимому, немолодым человеком. Называя половецкие тотемы, он заглядывал в седую старину, в те времена, когда тотемизм у половцев был явлением обычным. К концу же XII в. половецкий тотемизм пришел в упадок. Автор «Слова» был не столько знатоком живой природы (хотя характерные признаки многих животных он знал прекрасно), сколько знатоком отношений между людьми. Знатоками таких отношений были и современные ему древнерусские писатели и летописцы. На страницах их трудов, как и на страницах «Слова», зверей и птиц не было. В этом состояла одна из литературных традиций Руси.

Выдвигая гипотезу о половецких тотемах в «Слове», мы исходили из несоответствия в поведении многих зверей и птиц. Но даже если принять гипотезу безотносительно к этим несоответствиям, то и тогда она останется в системе доказательств и обоснований, приведенных в книге.

«Слово о полку Игореве» без зверей и птиц не лишается своей поэтичности, не становится обедненным. Напротив, без

всех этих животных, «странных» в поведенческих проявлениях и невыразительных в художественном отношении, «Слово» обретает свою первоначальную ясность и художественность. В «Слове» разнообразны проявления поэтической образности. Называя половецкие орды именами их тотемов, автор поэмы искусно применил признаковые метафоры. У него, например, люди-Орлы (половцы из орды Орлов) кричат так, как будто клекочут птицы орлы (их тотемы), или люди-Лисицы кричат так, как будто брешут-лают звери лисицы, или люди-дятлы издают такие звуки, как будто стучат птицы дятлы. Эти признаковые метафоры, использованные в связи с тотемизмом, — а их в поэме немало, — представляются высокохудожественным литературным приемом.

Итак, мы расстаемся с привычными нам зверями и птицами. Все они смотрят на нас с великолепных гравюр В. А Фаворского, с книжных иллюстраций палехских художников И. И. Голикова и Р. Л. Белоусова, с лаковых ларцов и шкатулок, расписанных многими непревзойденными художниками-палешанами, с гравюр, рисунков и картин других замечательных художников. Будем же принимать все эти изображения зверей и птиц за символы-знаки соответствующих половецких орд. Таким тотемам-знакам место на половецких знаменах-стягах. Но ведь художникам свойственно свое ви́дение литературного произведения...

Объяснительный перевод сцены «Перед битвой»

Тогда вступил Игорь в золотое стремя *[выступил в поход]* и поехал по чистому полю *[по Половецкой земле, еще не обнаруженный половцами]*. Солнце ему тьмою *[затмения]* путь заграждало *[предвещая опасность]*. Ночь, грозу предвещая, громом пробудила птиц *[это половцы, несшие сторожевую службу, обнаружили русских]*. Свист звериный поднялся *[половцы подняли тревожный условный свист]*. Див *[половцы-наблюдатели]* встрепенулся, на вершине дерева кличет, велит прислушаться *[к важному сообщению]* Земле Незнаемой Волге *[далекой восточной территории половцев]*, и Поморью *[территории, примыкавшей к Торским озерам-«морям» в центре Половецкой земли]*, и Посулью *[на южном берегу Сулы]*, и Сурожу *[территории по реке Мокрой Суре и у Сурского днепровского порога]*, и Корсуню *[территории к югу от реки Корсунки в Поросье; все эти территории расположены на границе с Русью]*, и тебе, тмутараканский болван. А половцы непроторенными дорогами *[по целинной степи, в спешке]* побежали к Дону Великому *[главному центру хана-объединителя Кончака]*. Кричат *[выкрикивают их сторожевые]* телеги, скажи, *[половцами]* Лебедями распущенные *[для всех известия, а именно]*: «Игорь к Дону воинов ведет!»

Уже беда его *[беда Игоря]* торопит птиц по дубам *[сторожевую службу половцев]*. Волки угрожают по оврагам *[половцы Волки из орды тотема волка грозно трубят в рог — «въсрожать», выражая готовность сражаться с Игорем]*, Орлы на кости зверей созывают *[половцы Орлы, готовясь к сражению, призывают другие орды на победный бой]*, Лисицы брешут на червленые щиты *[половцы Лисицы выражают негодование по поводу появления Игоря]*.

О Русская земля, ты уже за *[пограничным]* холмом!

Долго ночь наступает, заря свет уронила, туман поля покрыл. Щекот соловьиный уснул *[не стало слышно половцев Соловьев]*. Говор Галок пробудился *[стали слышны голоса половцев Галок]*. Русские сыны широкие поля червлеными щитами перегородили *(создали боевое построение]*, ища себе чести, а князю — славы!

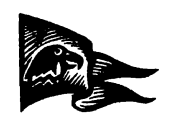
Объяснительный перевод сцены «Побег Игоря»

Погасли вечером зори. Игорь спит. Игорь не спит, Игорь мыслию поля измеряет от Великого Дона до Малого Донца *[от места пребывания в плену до ближайшего русского города]*. В полночь Овлур *[половец, собравшийся бежать вместе с Игорем на Русь]* свистнул коня за рекой *[находясь на противоположном берегу Тора]*, велит князю разуметь: князю Игорю не оставаться! Крикнул *[Овлур]*, загудела земля, зашумела трава, вежи половецкие задвигались *[это поднялся переполох в стане половцев]*. А Игорь князь помчался горностаем к тростнику, белым гоголем на воду. Вскочил на борзого коня. И соскочил с него серым волком. И побежал к лугу Донца. И полетел соколом под облаками, избивая Гусей и Лебедей к завтраку, обеду и ужину *[т. е. отбиваясь и утром, и днем, и вечером от половцев из орд тотемов гуся и лебедя]*. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, труся собою росу, ведь надорвали они своих коней.

Донец говорит: «Князь Игорь, немало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!»

Игорь говорит *[в ответ]*: «О Донец, немало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Ты стерег его гоголем на воде, чаицами на струях, чернядями на ветрах *[Донец стерег Игоря как названные чуткие водоплавающие и луговые птицы]*.

То не Сороки застрекотали — по следу Игоря едут Гзак с Кончаком *[слышен разговор не половцев Сорок, а Гзака и Кончака]*. Тогда Вороны не граяли, Галки умолкли, Сороки не стрекотали *[половцы Вороны, Галки и Сороки были не слышны, поскольку Игорь и Овлур их кочевья уже миновали]*. Полозы ползали только *[половцы Полозы неопределенным образом отвечали на прохождение через их кочевья беглецов]*. Дятлы стуком указывают путь к реке *[половцы Дятлы явно содействуют Игорю быстрее преодолеть остаток пути]*, да Соловьи веселыми песнями рассвет возвещают.

ПРИЛОЖЕНИЕ

„Слово о полку Игореве"

«Слово о пълку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова»[1]

(реконструкция древнерусского текста)

Не лѣпо ли ны бяшеть, братие, начати старыми словесы трудныхъ повѣстии о пълку Иноревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тои пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню! Боянъ бо вѣщии аще кому хотяше пѣснь творити, то ростекашеться мыслию по древу, сѣрымъ вълкомь по земле, сизымь орломь подъ облакы. Помняшеть бо, рече, пьрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть ї [десять] соколовъ на стадо лебедеи, которыи дотечаше, та преди пѣс[н]ь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пьлкы касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боян же, братие, не [десять] соколовъ на стадо лебедеи пущаше, нъ своя вѣшиѣ пьрсты на живыѣ струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, напьлнився ратнаго духа, наведе своѣ храбрыѣ пълкы на землю Половецькую за землю Руськую.

Тогда Игорь вьзрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою всѣ своѣ воѣ прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своеи: братие и дружино! луцежь бы потяту быти, неже полонену быти, а всядѣмъ, братие, на свое бързыѣ комони да позрим синего Дону.

Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великого. Хощу бо, — рече, — копие приломити конецъ поля Половецкого, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону.

О, Бояне, соловию старого времене! абы ты сиѣ пълкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомь подъ облакы, свивая славы оба полы сего времене, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣс[н]ь Игореви, того [Олга] внуку. Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону великому: Чили въспѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовъ внуче: комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ, трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивли, Игорь ждеть мила брата Всеволода.

И рече ему буи туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи, ты, Игорю, оба есвѣ Святъславлича! сѣдлаи, брате, своѣ бьрзыѣ комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити,

[1] Текст приводится по работе В. В. Колесова «Ударение в «Слове о полку Игореве» (ТОДРЛ, т. XXXI, Л., 1976).

подъ шеломы възлелѣяни, конець копия въскърмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами скачють, акы сѣрыи вълци въ поли, ищучи себе чти, а князю славы.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ въстазби, Дивъ кличеть вьрху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Вълзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, тьмутороканьскыи блъванъ.

А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому, крычать телѣгы полунощи, рци, лебеди роспущени. Игорь къ Дону воѣ ведеть: уже бо бѣды его пасеть птиць; подобию вълци грозу въсрожать, по яругамъ орли клектомь на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чьрленыѣ щиты. О Русская земле! уже за шеломенемь еси!

Дълго ночь мьркнеть, заря свѣтъ запала, мьгла поля покрыла. Щекотъ славии успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чьрлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ зарания въ пятъкъ потопташа поганыѣ пълкы половецкыѣ и, рассушась стрѣлами по полю, помчаша красныѣ дѣвкы половецкыѣ, а съ ними злато и паволокы и драгыѣ оксамиты; орътьмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половецкыми.

Чьрленъ стягъ, бѣла хорюговь, чьрлена челка, сребрено стружие храброму Святьславличю! Дремлеть въ поли Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чьрныи воронъ, поганыи половчине. Гзакъ бѣжить сѣрымь вълкомь, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кръвавыѣ зори свѣтъ повѣдають, чьрныѣ тучѣ съ моря идуть, хотять прикрыти .д҃. (четыре) сълнца. А въ нихъ трепещуть синии млънии, — быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Ту ся копьемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыѣ, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Русская земле! уже не [-за] шеломенемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыѣ пълкы Игоревы! Земля тутнеть, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрывають, стязи глаголють, половци идуть отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ сторонъ. Рускыѣ пълкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чьрлеными щиты.

Яръ туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеши на воі стрѣлами, грьмлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, туръ поскочаше, своимъ золотымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецкыѣ; поскѣпани саблями калены-

ми шеломы оварьскыѣ отъ тебе, яръ туре Всеволоде! Кая раны, дорога братия, забывъ чти и живота, и града Чьрнигова отня злата стола, и своѣ милыѣ хоти, красныѣ Глѣбовны, свычая и обычая?

Были вѣци Трояни, минула лѣта Ярославля, были пълци Олговы, Олга Святъславлича. Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земле сѣяше. Ступаеть въ злать стременъ въ градѣ Тьмутороканѣ.

То же звонъ слыша давныи великыи Ярославъ, сынъ Всеволожь, в Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Чьрниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоѣ же Каялы Святопълкъ полелѣ я [ти] отца своего междю угорьскыми иноходьци къ святѣи Софии къ Кыеву.

Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и ростяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Рускои земли рѣдко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупья себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдие.

То было въ ты рати и съ ты пълкы, а сицеи рати не слышано: съ заранья до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыѣ, гримлють сабли о шеломы, трещать копья харалужныя въ поли незнаемѣ среди земли Половецкыѣ. Чьрна земля подъ копыты костьми была посеяна, а кровью польяна; тугою взыдоша по Рускои земли!

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь пълкы заворочаеть, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другыи, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата розлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кръваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую.

Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось. Уже бо, братие, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука. Вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмь мори, у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыѣ погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же. И начаша князи про малое — се виликое мълвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече заиде сокол, птиць бия, къ морю, а Игорева храброго пълку не крѣсити.

За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Рускои земли, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ. Жены рускыѣ въсплакашась, аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и серебра ни мало того притрепати! А въстона бо, братие, Кыев тугою, а Чьрни-

говъ напастьми; тоска розльяся по Рускои земли, печаль жирна тече средь землѣ Рускыѣ. А князи сами по себѣ крамолу коваху, а погании сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди[ста], которую [то] бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозныи великыи кыевскыи. Грозою бяшеть притрепеталъ своими сильными пълкы и харалужными мечи, наступи на землю Половецкую; притопта хълмы и яругы, взмути рѣкы и озеры, иссуши потокы и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ железныхъ великыхъ пълковъ половецкыхъ, яко вихрь, выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Кыевѣ, въ гридници Святъславли. Ту нѣмци и венедици, ту грьци и морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ въ днѣ Каялы, рѣкы половецкыѣ, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселье пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кыевѣ на горахъ. Синочь съ вечера одѣвахъте мя, — рече, — чьрною паполомою, на кровати тисовѣ, Чьрпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено, сыпахуть ми тощими тулы поганыхъ тълковинъ великыи жемчугъ на лоно и нѣгують мя; уже дъскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовьрсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху, у Плѣсньска на болони бѣша дьбрь Кыяню: (и) не сошлю къ синему морю.

И ркоша бояре князю: уже, княже, туга умъ полонила; се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломом Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганых саблями, а самаю опустоша въ путины желѣзны.

Темно бо бѣ въ г҃ [третеи] день: два сълнца помьркоста, оба багряная стълпа погасоста и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каяле тьма свѣтъ покрыла: по Рускои земли прострошася половци, акы пардуже гнѣздо, и въ море погрузиста, и великое буиство подастъ Хынови. Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже вьржеся Дивъ на землю. Се бо готскыѣ красныѣ дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия.

Тогда великыи Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено и рече: о, моя сыновча, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечьстно одолѣсте, нечьстно бо кревь поганую прольясте. Ваю храбрая сьрдца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребренѣи сѣдины? А уже не вижду власти сильного и богатого и многовои брата моего Ярослава съ чьрниговьскыми былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы. Тии бо

бес щитовъ съ засапожникы кликомъ пълкы побѣждають, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: мужаимѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами поделимъ. А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птиць вьзбиваеть, не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло княже ми не пособие, на ничь ся годины обратиша. Се уримъ кричать подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову! Великыи княже Всеволоде! не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Вългу веслы роскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бо ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощеи по рѣзани. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буи Рюриче, и Давыде, не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранени саблями калеными, на поли незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремен[а] за обиду сего времене, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Галичкы Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыѣ своими желѣзными пълкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча б/е/ремены чресъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоѣ по землямъ текуть, отворяеши Кыеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляи, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича!

А ты, буи Романе, и Мстиславе! храбрая мысль носить вашь умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буиствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзны [и] паворози подъ шеломы латинскыми. Тѣми тресну земля, и многы страны: Хынова, Литва, ятвязи, дер[е]мела, и половци сулици своѣ повьгоша, а главы своѣ приклониша подъ тыѣ мечи харалужныѣ. Нъ уже, княже, Игорю утьрпѣ сълнцю свѣтъ, а древо не бологомь листвие срони: по Роси, по Суле грады подѣлиша, а Игорева храбраго пълку не крѣсити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи, храбрии князи, доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволод и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци, непобѣдными жребии собѣ власти росхытисте? Кое ваши златыи шеломы и сулицѣ ляцкыѣ и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича.

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомь течеть онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомь поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскыѣ, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чьрлеными щиты на кръвавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи. И съ хотию на кровать, и рекъ: дружину твою, княже, птиць крилы

приодѣ, а звѣри кръвь полизаша. Не быс[т]ь ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрес злато ожерелие. Уныли голоси, пониче веселье. Трубы трубять городеньскыѣ.

Ярославе и вси внуци Всеславли! уже понизите стягы своѣ, воньзите своѣ мечѣ вережены; уже бо выскочисте из дѣднѣи славы. Вы бо своими крамолами начасте наводити поганыѣ на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣша насилие отъ землѣ Половецкыѣ. На седьмом вѣцѣ Трояни вьрже Всеславъ жребии о дѣвицю себе любу. Тъи клюками подъпьрся о кони и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружиемь злата стола кыевскаго. Скочи отъ нихъ лютымь звѣремь въ полночи из Бѣлаграда, обѣсися сини мьглѣ, утърже вазни с три кусы: оттвори врата Новуграду, росшибе славу Ярославу, скочи вълкомь до Немигы съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чѣпи харалужными, на топѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кръвавѣ брезѣ не бологомь бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускыхъ сыновъ. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомь рыскаше: из Кыева дорискаше до куръ Тьмутороканя; великому Хърсови вълкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню[ю] рано у святыѣ Софеѣ въ колоколы — а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянъ и пьрвое припѣвку смысленыи рече: ни хытру, ни горазду, ни пытьцу горазду суда божия не минути. О! стонати Рускои земли, помянувше пьрвую годину и пьрвыхъ князеи. Того стараго Владимера, нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кыевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы, нъ розно ся имъ хоботы пашуть, копия поють на Дунаи.

Ярославнынъ голосъ слышить, зегзицею незнаема рано кычеть. Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кръвавыѣ его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачеть въ Путивли на забралѣ, аркучи: о вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? чему мычеши хыновскыѣ стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моеѣ лады воѣ? мало ли ты бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи кораблѣ на сини мори? чему, господине, мое веселие по ковылию розвѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле, аркучи: о Днѣпре Словутицю! ты пробилъ еси каменныѣ горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до пълку Кобякова. Възлелѣи, господине, мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.

Ярославна рано плачетъ въ Путивли на забрале, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое сълнце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на лады воѣ? въ поли безводнѣ жажею имъ лукы съпряже, тугою имъ тулы затче.

Прысну море полунощи, идуть смѣрцы мьглами, Игореви

князю богъ путь кажеть из землѣ Половецкыѣ на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зори, Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца.

Комонь въ полуночи, Овлуръ свис[т]ну за рѣкою, велить князю розумѣти. Князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въсшумѣ трава. Вѣжѣ ся половецкыѣ подвизаша [ся], а Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростию и бѣлымь гоголемь на воду.

Въвьржеся на бързъ комонь и скочи съ него босымь вълкомь, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомь подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомь полетѣ, тогда [О]влуръ вълкомь потече, труся собою студеную росу, претъргоста бо своя бързая комоня.

Донець рече: княже Игорю! не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Рускои земли веселия. Игорь рече: о Донче! не мало ти величия, лелѣявшу князя на вълнахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ березѣхъ, одѣвавшу его теплыми мьглами подъ сѣнию зелену древу, стрежаше е[го] гоголемь на водѣ, чаицами на струяхъ, чьрнядьми на вѣтрѣхъ.

Не тако ли, рече, рѣка Стругна, худу струю имѣя, пожьрши чужи ручьи и стругы, ростреиа к усту? Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростислава по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣти жалобою, и древо с тугою къ земле прѣклонило.

А не сорокы втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граяхуть, галицѣ помълкоша, сорокы не троскоташа, полозию ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловьи веселыми пѣс[н]ьми свѣтъ повѣдають.

Мълвить Гзакъ Кончакови: аже соколъ к гнѣзду летить, соколича ростреляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончак къ Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною девицею, ни нама будеть сокольца, ни нама красны дѣвицѣ, то почнуть наю птицѣ бити въ поли половецкомь.

Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣс[н]творца, стараго времене Ярославля, Ольгова коганя хоти: тяжко ти головѣ кромѣ плечю, [а] зло ти тѣлу кроме головы, Рускои земли без Игоря.

Сълнце свѣтится на небесе — Игорь князь въ Рускои земли.

Дѣвици поють на Дунаи, вьються голоси чресъ море до Кыева. Игорь ѣдеть по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощеи. Страны ради, грады весели. Пѣвше пѣснь старымъ князем, а потомъ молодымь пѣти. Слава Игорю Святъславличю, буи туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыѣ пълкы! Княземъ слава а дружинѣ. [Аминь].

Слово о полку Игореве

(перевод с древнерусского И. Шкляревского)[1]

Не время ли нам, братия, словом старинным
начать скорбную повесть
о походе Игоря, Игоря Святославича?
И начаться сей песне уже по былинам,
а не замышленьям Бояна.
Боян же вещий, если петь собирался,
то растекался белкой по древу.
Скакал по земле серым волком.
Летал сизым орлом под облаком.
Вспоминал он и первые были раздора.
Десять соколов на лебедей выпускали.
И чей сокол настигал лебедь, так скоро
пелась песня делам Ярослава,
пелась мудрость Мстислава, что зарезал Редедю
пред полками косожскими в поле.
Восхваляли тогда поневоле
и красного князя Романа.
А Боян десять соколов на лебедей не пускал.
Он на струны живые
десять вещих перстов воскладал.
Сами струны играли и славу князьям рокотали.

Так начнем же печальную повесть
от Владимира к Игорю князю.
Укрепил он отвагою ум.
Заострил он опасную думу.
Стала тесной кольчуга или мало простора?
Собирается Игорь и скоро
направляет дружину свою
в Половецкую землю за Русскую землю!
О Боян! Вот бы ты, соловей
нашей доблести древней,
песню этим полкам выщелкивал!
Растекался по мысленну древу.
По холмам скакал серым волком
и умом летал к облакам, —
славу прежних времен настигая
и с нынешней славой свивая:
«То не соколов буря несет через горы и долы,
пыль подмоги от Галича тянется к Дону».

А еще Боян, внук Велесов,
мог бы так пропеть о походе:

[1] Печатается по: Октябрь, 1979, № 10.

«Кони ржут за Сулою, —
звенит в Киеве слава!
Трубит Новгород в трубы, —
стоят стяги в Путивле!»

Ждет Игорь милого брата.
И послал ему Всеволод весть:
«Один ты, Игорь, свет мой светлый,
один ты у меня есть.
Оба мы Святославичи.
Седлай своих коней, брат.
Мои под Курском давно стоят.
Моя дружина — куряне бывалые.
Под трубами повиты.
Под шеломами вспоены.
С конца копья вскормлены.
Колчаны их отворены.
Луки готовы. Мечи навострены.
Знают овраги и переправы.
Себе ищут доли, а князю славы».

И тогда глянул Игорь на солнце.
И не видит он светлого солнца.
Только тьма всю дружину покрыла
далеко по равнине...
И сказал Игорь хмурой дружине:
«Братья! Лучше мы в сече падем.
А назад не пойдем. И в полон не сдадимся.
На коней же садимся. Синий Дон поглядим».
Князю дума запала —
отведать великого Дона.
И сильнее знаменья была его дума,
как собрался он в путь, —
не ковшом, а шеломом воды зачерпнуть.
«Хочу, — сказал, — копьем прибить
край половецкого поля!
Либо голову там сложить.
Вместе с вами. Какая нам доля?»

Князь вступил в золотое стремя.
И поехал по темной равнине.
Солнце мраком дорогу ему заградило.
Ночь громовыми стонами птиц пробудила.
Свист звериный гуляет.
Диво страшное воет на темной вершине.
Кличет — свищет, своих извещает,
По цепи им велит послушать —
и Поморью, и Волге, и Сурожу, и Посулию.
И тебе, на границе незнаемых стран,

Идол тмутараканский, глинобитный болван!
Снялись половцы и побежали впотьмах.
По неторным путям заскрипели телеги,
словно лебеди заметались распуганные.
Только в воздухе стоны.
Игорь воинов к Дону ведет.
Стерегут их в дороге вороны.
Следом волки в оврагах мелькают.
Пыль большую орлы примечают,
клекотом созывая зверье.
Костей будет много. Лисицы
на красные брешут щиты.
Бьют зарницы. Собирается гром.
О Русская земля! Уже ты за холмом...

Долго ночь меркнет.
Уснул соловьиный щекот.
Галочий шум проснулся.
Свет заря запалила.
Перегородили русичи щитами поля туманные,
ища князю славы, а себе доли.
В пятницу утром они потоптали
половецкие рати поганые.
И рассыпались стрелами в поле.
Красных девок помчали.
Загатили овчинами топи!
Захватили золото, паволоки!
В грязь вдавили чужие узоры!
По степи раскидали парчу!
Князю — белое знамя — червленый бунчук
на серебряном древке.
А дружине — плененные красные девки.

Дремлет в поле Олегова храбрая стая.
Залетела далече! Далеко от родного гнезда.
Ижно сокол, и кречет,
и крумкач окаянный, половчанин поганый,
заглянуть опасались туда.
Серым волком прикинулся Гзак.
Обернулся вороной Кончак.
Летит, каркая, к Дону, — кажет волку дорогу.
На другой день зори встали кроваво.
И пошли с моря черные тучи.
Трепещут в них синие молнии.
Четыре солнца прикрыли тучи...
Быть великому грому!
Идти дождю стрелами — с Дону.
Кому пасть под саблей, кому под копьем.
О Русская земля! Уже ты за холмом...

Дуют ветры. Стрибожьи внуки.
Несут с четырех сторон стрелы.
Гудит земля. Замутились реки.
Пыль в степи закрутил ветер.
Идут половцы с Дона, идут с моря.
Со всех сторон воют бесовы дети.
Загородились русичи в широкой степи щитами.
Яр тур Всеволод! Ты всех впереди стоишь,
стрелы в поганых мечешь, гремишь мечами.
И куда ты поскачешь, князь,
золотым шеломом светясь,
где саблей махнешь, там голо.
Направо-налево лежат половецкие головы.
Яр тур Всеволод! Рубясь сквозь проклятья,
стучишь ты мечом харалужным
о чертовы шлемы аварские.
Что раны? Что братья?
Забыл ты свой тихий Чернигов.
Забыл ты свой стол золотой.
Забыл ты обычаи-свычаи, Глебовны ласки.
И сам ты себе неродной.

А были века Трояновы, лета Ярослава.
Двигал Олег походы, сын Святослава.
Мечом он ковал крамолу и стрелы сеял.
В Тмутаракани ступит в златое стремя, —
Всеволод звон услышит, сын Ярослава,
а Владимир в Чернигове уши с утра затыкает.
Похвалялся Борис Вячеславич «вернуть отчину»,
да на суд привела его похвальба.
Постелила смутьяну ковыль-трава
зеленое смертное ложе.
От себя гибнут внуки Дажьбожьи!
Где обиды Олеговы? С той же Каялы
Святополк вывез тело отца.
Истерзалась отчина. Нет крамоле конца.
Правит Русью раздор окаянный.
Сокращает единственной жизни года.
На земле нашей редко тогда
на кобылу покрикивал пахарь,
редко он собирал свою ниву.
Птицы ссорились, трупы делили.
Густо ворон летел на поживу.
В каждом поле обедал.
А такого похода и ворон не ведал!

С утра и до вечера,
с вечера и до света
летят каленые стрелы.

стучат о шеломы сабли,
трещат харалужные копья
в чужом половецком поле.
Черну землю копыта прибили.
Степь костьми позасеяли.
Кровью полили.
Горе всходит на Русской земле.
Что шумит, что звенит там далече?
Перед зорями стихла жестокая сеча.
Что же Игорь полки повернул?
Жалко милого брата...
Бились день, бились два, а на третий
одолел окаянный.
Пали Игоря стяги возле быстрой Каялы.
И окончили храбрые братья
страшный пир на закате.
Напоили сватов своей кровью.
И за Русскую землю легли.
Никнут в поле чужом ковыли.
Преклонилося древо с тоскою.

Братья! Уж невеселое время настало
для внуков Дажьбога.
Одолела нас сила степная.
Достигает обида родного порога, —
замахала крылом лебединым
на Дону возле синего моря.
И прогнала счастливые годы.
От крамолы князья ослабели.
А поганые тут же насели.
Брату брат молвит: «Это мое!»
Отвечает другой: «Нет. Мое».
В ссорах малое стало великим.
Время прежнее, где ты?
Все поникло под топотом диким.
И поганые снова справляют победы.

О, далеко залетел сокол к морю,
избивая ворон,
да назад не воротится он.
Храбрый Игорев полк не вернется.
Только плач на Руси отзовется.
Это Карна и Жля скачут в наши поля.
И беда уже у порога мечет пламя из рога.
Плачут русские жены:
«Уж нам к своим милым ладам
руками не прикоснуться,
очами не дотянуться
и думой их не достать.

Не видать уж ни золота, ни серебра».
Разливаются реки великой печали.
И по белой монете берут от двора,
налетая на Русь, половчане.
Киев стонет от горя. От напасти Чернигов.
Что наделал, ты, Игорь?
Спесью зло разбудил,
что уж было грозой усыпил Святослав.
Прибил полками могучими,
наступил на поля половецкие
грозный киевский князь великий.
Притоптал он холмы и овраги.
Замутил он озера и реки.
Из железных рядов половецких
вихрем выхватил он Кобяка.
И в граде Киеве пал Кобяк!
Тут моравы, и немцы, и греки
Святослава дела восхваляют.
А про Игоря — головой качают.
Растерял он дружину в поле.
Утопил нашу славу в Каяле.
Пересел из седла золотого в седло неволи.

А Святослав мутный видел сон
в Киеве на горах.
Сыновья покрывалом черным
на сосновой кровати его накрывали.
Синим вином поили, —
горчило вино полынью.
Из пустых половецких колчанов
сыпали жемчуг на грудь. Величали.
И кровля была без князька
в его златоверхом тереме.
И вороны всю ночь с лужка
возле Плеснеска граяли.
И ответили князю бояре:
«Полонила твой ум кручина.
Два сокола далеко улетели.
Добыть хотели Тмутаракани,
да быстро ослабли.
Подсекли им крылья кривые сабли.
Темно было в третий день,
Два солнца затмила тень.
Два красных столба пропали.
Два месяца — Святослав и Олег —
утонули в реке Каяле.
Смерть их дерзость поганым вернула.
Свет тьма покрыла.
Стали половцы рыскать.

по нашей земле, как гепарды.
И насела хула на хвалу.
Погоняет неволя волю.
Вран метнулся к нашему полю.
А готские девки поют у синего моря.
Звенят русским золотом.
Поют они время Бусово.
Утешают тень Шарукана.
А мы с той поры доселя
живем, считай, без веселья».

И тогда Святослав сурово
изронил золотое слово
и смешал его со слезами:
«О сыны мои, Игорь и Всеволод,
рано вы постучали в Половецкой земле мечами,
рано стали поганую кровь проливать,
себе славы искать.
Одолели вы их без чести.
И от них полегли без чести.
Что ж вы, дети мои, натворили?
Осрамили мои седины...

Где мой брат Ярослав могучий?
С черниговскими народами —
с могутами и татранами,
с шельбирами и ольберами,
с ревугами и топчаками?
Без щитов, с одними ножами
засапожными — кликом полки ломали.
Звенели дедовской славой!

Но сказали вы: «Сами пойдем.
И новую славу возьмем,
и прежнюю всю поделим».
А не диво и старому помолодети,
коли сокол птиц избивает,
перья с неба роняет,
он свое гнездо не дает в обиду.
И князья мне не в помощь,
чтобы собраться на битву.
Вот уже в граде Римове закричали
под кривыми мечами.
И Владимиру в Переяславле
страшны раны перевязали.

Где ж ты, Всеволод, Мономаха внук?
Либо выпал твой меч из рук?
Либо думы нет у тебя святой —

отчий стол сторожить золотой?
Что тебе Волгу веслами расплескать!
Шеломами вычерпать Дон!
Сам силен, да еще с двух сторон
с удалыми Глебовыми сынами,
можешь посуху копьями закидать.
Либо ты уже, князь, не с нами?

Где ты, храбрый Рюрик, и ты, Давид?
Рыкнут ваши дружины — трава дрожит.
Иль шеломы златые со славою
в половецкой крови не плавали?
Худое настало время. Чую горе великое.
Так вступите в златое стремя
за землю Русскую, за раны Игоря.

Осмомысл-Ярослав! Что же ты молчишь?
На престоле своем ты сидишь высоко.
Ты полками железными подпираешь Карпаты.
По земле твои грозы текут далеко,
расшибая преграды.
Ты в Дунай ворота закрываешь.
Даже с облака дань собираешь!
И пускаешь в султана стрелы.
А теперь в Кончака пускай!
Накажи поганого идола
за землю Русскую, за раны Игоря.

А ты, свет Романе, и ты, Мстиславе!
Ваша храбрая мысль высоко вас кидает,
на ветрах восходящих яко сокол ширяет,
в буйстве птиц побивающий.
Из железа латинского ваши шлемы, кольчуги.
Дол трясется под вами, и разные страны —
Деремела, Литва, Ятвяги —
в страхе копья свои покидали,
и половцы головы преклонили.
А для Игоря солнце уже потемнело.
И деревья листву не к добру обронили.
Уж по Руси и Суле города поделили.
Больше храброй дружины у Игоря нету.
Дон вас кличет, князья, на победу.

Где вы, Ингварь и Всеволод?
И вы, три Мстиславича?
Вроде соколы не из худого гнезда.
Не по жребию славы земли вы расхватали.
А не чуете — близко большая беда.
Где щиты ваши ляшские? Где шеломы златые?

Оградите же стрелами острыми
ворота степные.
Встаньте вместе, как давеча,
за землю Русскую,
за раны Игоря храброго Святославича.

И Сула уже
не течет серебристыми струями
к граду Переяславлю.
И Двина помутнела, погоняема криком поганых.
И один Изяслав, сын Васильков,
позвенел мечами о шлемы литовские,
и свалился он в ранах.
Побил славу деда Всеслава.
На кровавой траве под щитом лежит.
А трава ему говорит: «Дружину твою, князь,
птицы крыльями приодели. Звери кровь полизали».
Братья Всеволод и Брачислав опоздали.
Изронил одиноко
он жемчужную душу из храброго тела.
И душа улетела сквозь златое его ожерелье.
Голоса приуныли. Поникло веселье.
Затрубили-заплакали городенские трубы...

Ярослав и все внуки Всеслава!
Хватит. Стяги склоните
И мечи на себя затупите.
От себя — заострите.
Извела вас крамольная слава.
А из дедовской выпали.
И на отчую землю вы поганых накликали».

На седьмом веке памяти русской
бросил жребий Всеслав
о любимой дéвице.
Посадил свое родословное деревце.
Опираясь на хитрых людей,
вдруг скакнул лиходей под Киев.
И крамольным копьем не толково
он стола золотого коснулся.
Отскочил лютым зверем
от Белогорода в полночь.
Мглою оборотень укрылся синей.
Утром в Новгород стукнул секирой!
Отворил ворота,
расшиб Ярославову славу.
От Дудуток скакнул до Немиги.
Там снопы головами стелют.
Молотят цепами железными.

Жизнь кладут на току.
Душу от тела веют.
Не зерно у кровавых тех берегов —
посеяли кости русских сынов.
А Всеслав людям суд творил.
Князьям города рядил.
По ночам серым волком рыскал.
В Киеве до петухов
солнцу путь перейдет в тумане.
А чуть свет — он в Тмутаракани!
С темным светом душа была.
Утром в Киеве слышал,
как звонят на святой Софии
в отчем Полоцке колокола.
Хоть и вещую душу Всеслав имел,
а немало и бед терпел.
И Боян про него сказал:
«Ни хитрому, ни мудрому во плоти
суда божьего не обойти».
О, стонать земле Русской от края до края.
прежни годы
и прежних князей поминая.
Как Владимира старого
к горам Киевским не пригвоздить,
так былое не воскресить!
Нынче стяги его разлетелись.
Стали Рюриковы, Давидовы...
Развеваются врозь стяги русские.
Копья русские врозь поют.

А с Дуная доносится голос.
Утром стонет неведомой птицей:
«Полечу далеко по Дунаю,
долечу до реки до Каялы,
омочу в ней рукав свой белый,
оботру князю кровавые раны...»

Ярославна
чуть свет убивается-плачет
на стене городской во Путивле:
«О ветер-ветрило,
зачем ты так сильно веешь,
стрелы ворога сеешь на полки моей лады?
Или мало тебе развевать наше горе,
корабли лелеять, волнуя синее море?
Зачем ты мое веселье
по ковылям развеял?»

Ярославна
утром рано уже причитает
на стене городской во Путивле:
«О Днепр-Словутич,
ты пробил в Половецкую землю
каменистые горы.
На себе ты лелеял челны Святослава
до полков Кобяка.
Прилелей же ко мне мою ладу,
чтоб не слала я издалека
к морю слезы свои так рано!»

Ярославна
утром рано уже причитает
на стене городской во Путивле:
«Солнце светло-тресветлое,
всем ты красно и тепло. Все тебе рады.
Зачем ты лучи горячие
шлешь на полки моей лады?
Иссушило в безводных полях им руки,
искривило колчаны, ослабило луки?»

И вспенилось море в полночь.
Смерчи гонят на степь туманы.
Князю Игорю бог из земли Половецкой
кажет путь к дому, к столу золотому.
Игорь спит. Игорь не спит.
Игорь мыслию мерит степь.
От Дона к Донцу. От Донца к своему крыльцу.
В полночь свистнул коня Овлур.
Прозевал беглецов караул...
Застучала земля. Зашумела трава.
Горностаем в камыш мелькнул.
Белым гоголем на воду пал.
Степью Игоря конь помчал.
Игорь волком спрыгнул с коня.
И к Донцу побежал лугами.
Глядь, — нигде переправы нету.
Прянул соколом под облаками,
избивал гусей-лебедей к обеду.
И когда летел Игорь-сокол,
волк-Овлур бежал по осоке
и трусил он росу студеную,
бо коней борзых надорвали.

И сказал Донец:
«Здравствуй, князь-беглец.
Много тебе — славы,
Русской земле — веселья,

а Кончаку — похмелья».
И ответил ему беглец:
«И тебе много славы, Донец,
что струги князя волной лелеял,
на лугах траву подстилал,
теплой мглой его одевал,
тенью дерева укрывал,
гоголем на воде стерег,
чаицей на волнах, чернядью на ветрах.
Не такая река Стугна.
Хилой своей струей
пожрала чужие ручьи она.
И в темном омуте поглотила
князя юного Ростислава.
Как над сыном мать причитала!
Где слезы текли горючие,
там цветы приуныли жалобно,
преклонились кусты плакучие».

И по следу за Игорем
едут Гзак и Кончак.
То-то стихли вороны,
То-то смолкли сороки.
То-то галки молчат.
Только змеи шуршат.
Только дятлы стучат.
Путь к реке кажут.
Да веселые песни
соловьи распевают,
свет-зарю возвещают.

И сказал Гзак Кончаку так:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем стрелой каленой
его соколенка».
А Кончак Гзе говорит:
«Если сокол к гнезду летит,
лучше девицей красной тонко
опутаем соколенка».
И сказал Гзак Кончаку:
«Ты по родине знал тоску?
Опутаем соколенка девицей, —
Улетит соколенок с девицей.
Наплодят они соколят на воле.
И станут нас птицы бить в половецком поле».

И сказал Боян величаво,
песнотворец дней Ярослава:
«Тяжело без плеч голове.

Худо телу без головы».
Так и Русской земле без Игоря.
Солнце светит в родной земле!
Солнце светит — князь Игорь едет.
Красны девицы на Дунае
с кручи песни поют, смеются.
Через море до Киева
далеко голоса их вьются.
По Боричеву Игорь едет
ко святой богородице Пирогощей.
Рады, веселы — грады и веси!

Мы воспели князей былых.
Воспоем же и молодых.
Слава Игорю Святославичу,
слава Всеволоду, буй туру!
И Владимиру, сыну Игоря, — слава.
И да пребудет здрава
рать, побороя за христиан
против гнета полков поганых,
Русь — в отпоре своем едином.
Слава нашим князьям и дружинам!

Рекомендуемая литература

Адрианова Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л. 1974.

Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1977.

Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. — В кн.: Археол. сб. Гос. Эрмитажа, вып. II. Л., 1961.

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. 1—3. М., 1957.

Бабкин Д. С. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. М.; Л., 1950.

Баскаков Н. А. Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978.

Бегунов Ю. К. «Слово о погибели земли Русской». Перевод и примечания. — В кн.: Кто с мечом. М., 1975.

Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М., 1972.

Воробьев К. А. Заметки орнитолога. М., 1973.

Гетманец М. Ф. По следам князя Игоря. — В кн.: ТОДРЛ, т. XXXI, «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л. 1976.

Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (к толкованию «Слова о полку Игореве»). — Изв. АН СССР, отд. лит. и яз. 1947, т. VI, вып. 4.

Даль В. В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1979.

Дерим-Оглу Е. Н. Рассказы о лесных птицах. М., 1971.

Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960.

Добрыня Никитич и Алеша Попович. Былины. М., 1974. (Литературные памятники).

Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» (редакция текста и прозаический перевод). — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. Л., 1957.

Зайцев А. К. Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

Иванов А. И. Каталог птиц СССР. Л., 1976.

Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1975, т. 34, вып. 5.

Кириков С. В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X — начале XIX в. М., 1979.

Клейн И. Донец и Стикс. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976.

Козырев В. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров. — ТОДРЛ, т. XXXI, «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. М., 1976.

Колесов. В. В. Ударение в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XXXI, М., 1976.

Корзухина Г. Ф. Еще раз о Тмутараканском болване. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974.

Крывелев И. А. История религий. Т. I. М., 1975.

Кудряшов К. В. «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении. — В кн.: Слово о полку Игореве. М., 1947.

Кузаков В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X—XVII вв. М., 1976.

Кулаковский Л. В. Песнь о полку Игореве (опыт воссоздания модели древнего мелоса). М., 1977.

Кустанович С. Д. Рассказы натуралиста. М., 1976.

Кучера М. П. Переяславское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975.

Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978.

Лапоногов А. Н. Днепр вчера, сегодня, завтра. Л., 1978.

Лихачев Д. С. «Слово о походе Игоря, сына Святославова, внука Олегова» (прозаический перевод). — В кн.: Слово о полку Игореве, 3-е изд., Л., 1953 (Библиотека поэта, малая сер.).
Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве, М.; Л., 1955.
Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». — В кн.: Великое наследие. Классич. произведения Древней Руси. М., 1975.
Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.
Малов С. Е. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — Известия ОЛЯ АН СССР, 1946, т. V, вып. 2.
Мамаево побоище. Былина. — В кн.: Поле Родины 1380—1980. М., 1980.
Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
Мензбир М. А. Птицы России. Т. 1, 1900; Т. 2, 1902.
Мороз Е. Л. Следы шаманских представлений в эпической традиции Древней Руси. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1977.
Муравьев А. В., Самаркин В. В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V—XVII вв.). М., 1973.
Мурзаев Э. М. Изучение топонимии центра и ее тюркского горизонта. — В кн.: Топонимия центральной России. М., 1974.
Мурзаев Э. М. Очерки топонимии. М., 1974.
Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.
Нумизматический словарь. Львов, 1975.
Плетнева С. А. Половецкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
Плетнева С. А. Животный мир в русских волшебных сказках. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.
Повесть временных лет. Т. II. М.; Л., 1950.
Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. Т. II. М.; Л., 1962.
Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Т. I. М.; Л., 1960.
Поучение князя Владимира Мономаха своим детям. — В кн.: Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1973.
Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940.
Природа и охота. М., 1977.
Птицы Советского Союза. Т. 1—6. М., 1951—1954.
Ржига В. Ф. «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской феодальной Руси. — В кн.: Слово о полку Игореве. Изд. Academia, 1934.
Ржига В. Ф., Шамбинаго С. К. «Слово о походе Игоревом, сына Святославова, внука Олегова». — В кн.: Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения. М., 1961.
Робинсон А. Н. «Русская земля» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XXXI, «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л., 1976.
Робинсон А. Н. О задачах сближения славистической и тюркологической традиций в изучении «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978.
Робинсон А. Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978.
Робинсон А. Н. Закономерности развития средневекового героического эпоса и символика «Слова о полку Игореве». — В кн.: Славянские литературы. VIII Международный съезд славистов. М., 1978.
Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья X—XIII вв. М., 1980.
Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.
Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 года. — Кр. сообщ. ИИМК, 1952, вып. 43.
Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Рыбаков Б. А. Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI вв. и Южнорусских княжеств XII—XIII вв. — В кн.: История русского искусства. Т. 1. М.; Л., 1973.
Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974.
Сборник Кирши Данилова. Спб. 1901.
Селешников С. И. История календаря и хронология. М., 1977.
Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977, вып. 4; 1978, вып. 5.
Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1973, вып. 4; 1978, вып. 5.
Смирина Г. Я. Фамилия и прозвище. — В кн. Ономастика. М., 1969.
Смолицкий В. Г. Былина о Добрыне и Змее. — В кн.: Русский фольклор, т. XII, 1971.
Сперансов Н. Н. Земельные гербы России XII—XIX вв. М., 1974.
Стеллецкий В. И. «Слово о полку Игореве» (содержание, поэтическая форма и его автор). — В кн.: Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1981 (Сокровища древнерусской литературы).
Стрижев А. Н. Календарь русской природы. М., 1973.
Татищев В. Н. Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской. — В кн.: Избранные произведения. Л., 1979.
Тимофеев Л. И. Песня о походе князя Игоря. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения. М., 1961.
Толочко П. П. Киевская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1976.
Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды (памятники древнего искусства). М., 1976.
Хайтун Д. Е. Тотемизм. Его сущность и происхождение. Сталинабад, 1958.
Шарлемань Н. В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. VI, М.; Л., 1948.
Шарлемань Н. В. Природа в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950.
Шарлемань Н. В. Заметки натуралиста. — В кн.: ТОДРЛ, т. VIII, М.; Л., 1951.

Оглавление

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
СУМАРУКОВ

КТО ЕСТЬ КТО В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Зав. редакцией
Н. М. Глазкова

Редактор
Г. Г. Есакова

Мл. редакторы
М. Ю. Буянова, Т. В. Властовская

Оформление и макет
Художника Б. С. Казакова

Художественный редактор
Н. Ю. Калмыкова

Технический редактор
З. С. Кондрашова

Корректоры
Л. А. Айдарбекова, Т. С. Милякова

Тематический план 1983 г. № 167
ИБ № 1514

Сдано в набор 05.01.83. Подписано к печати 24.05.83. Л-95334. Формат 60×
×90[1]/16. Бумага тип. № 3. Гарнитура Литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 8,22. Тираж 10 экз. Заказ 880 . Цена 50 коп. Изд. № 2366.

Ордена «Знак Почета» издательство
Московского университета
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Отпечатано с диапозитивов 12 ЦТ МО
в Московской типографии № 6
Союзполиграфпрома, Москва, 109088,
Южнопортовая ул., 24.

50 к

Мануcкрипт Г.В. Сумарукова–
экзотический цветок на древе
литературы о „Слове“

Доктор биологических наук Б.Н. Вепринцев

Книга написана... ученым–биологом
и еще раз подтверждает мысль о том,
что в наше время
новые точки зрения на тот или иной
памятник литературы
могут возникнуть на стыке наук

Доктор филологических наук В.В. Кусков

Издательство
Московского университета

